

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 4 (20)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 4 (20)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,

почётный работник общего образования Российской Федерации

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Щепилова А.В.**

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Афанасьева О.В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И.А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И.А.

доктор филологических наук, доцент

Вострикова О.В.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е.Ю.

доктор филологических наук, профессор

Громова А.В.

доктор филологических наук, доцент

Джанумов С.А.

доктор филологических наук, профессор

Кирилина А.В.

доктор филологических наук, профессор

Курдюмов В.А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И.И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Радченко О.А.

доктор филологических наук, профессор

(Московский государственный лингвистический университет)

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Тарева Е.Г.

доктор педагогических наук, профессор

Федянина В.А.

ответственный секретарь

кандидат исторических наук, доцент

Чупрына О.Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е.С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Головки В.М.* Натурфилософские идеи И.-В. Гёте в творческой рецепции И.С. Тургенева..... 8
- Савинич С.С.* Мотив сотворения кумира в романе К. Маккаллерс «Сердце — одинокий охотник» 20
- Стрельникова М.А.* Региональный литературный ландшафт: «уездное» Черноземье..... 28

Русистика. Германистика. Романистика

- Дрога М.А.* Рифмованные сложения как элементы языковой игры (на материале русского и английского языков) 35

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Гусева Е.С.* Эффект «лишних» конститuentов модели предложения как дополнительный эксплицитный идентификатор микроструктуры концепта (на материале русского и немецкого языков) 41
- Фомина М.А.* Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит* 49

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Ромашина С.Я., Андропова Р.Е., Косцова Е.М., Межина А.В.* Формирование личностных результатов обучающихся в иноязычном образовании 56
- Муратова О.А.* Проблема обучения критическому мышлению студентов экономических вузов на занятиях по иностранному языку 65

Слово молодым учёным

- Карпова А.С.* Реализация мифологического сюжета о Пигмалионе в русской литературе первой половины XIX века 71
- Агратин А.Е.* «Игра в событие»: к вопросу о повествовательной идентичности чеховского героя (на примере рассказов «После театра» и «Попрыгунья») 78
- Шинкарева Н.Ю.* Художественное пространство в лирических циклах сборника Н.А. Павлович «Берег»..... 84

<i>Катыхиева Л.С.</i> Поэтика сокровенного в творчестве А.П. Платонова 1920-х годов.....	90
<i>Весманова Е.В.</i> Терминологические параллели в лексическом минимуме по русскому языку как иностранному: на примере англо-русских лингвистических терминов	96
<i>Громько Ц.-В.О.</i> Тематическая группа «движение воздуха в природе» на материале текстов русской рок-поэзии.....	103
<i>Малых О.А.</i> К вопросу о подходах к формированию фонетической компетенции студентов, изучающих китайский язык	109
<i>Смолова М.А.</i> Лингвокогнитивные стили реферирования студентов: результаты лингводидактического «разведывательного» сопоставления (на материале русского и китайского языков).....	115

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Васильев С.А.</i> Рецензия на учебное пособие И.Г. Минераловой «Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма» (М.: Флинта, Наука, 2011. 256 с.).....	120
<i>Тимашева О.В.</i> Рецензия на монографию К.Ю. Кашлявик «Поэтика Блеза Паскаля» (М.: Изд-во ИП «Т.А. Алексеева», 2014. 336 с.).....	122
<i>Черкашина Е.И.</i> Рецензия на монографию С.А. Герасимовой «Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект» (М.: МГПУ, 2015. 224 с.)	125
<i>Шаповал В.В.</i> Рецензия на словарь Л.П. Михайловой «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» (Петрозаводск: Карельская государственная педагогическая академия; М.: Вариант, 2013. 352 с.).....	128

Научная жизнь

<i>Викулова Л.Г., Тарева Е.Г.</i> Гуманитарные практики в нефилологическом образовании: информационно-аналитический обзор материалов конференции «Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты» (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.).....	131
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2015, № 4 (20).....	136
---	-----

Требования к оформлению статей.....	142
--	-----

CONTENTS

Literary Science

- Golovko V.M.* J.W. von Goethe's Ideas of Natural Philosophy within Creative Reception by I.S. Turgenev 8
- Savinich S.S.* The Motif of Creation of an Object of Worship in the Novel by Carson McCullers «The Heart Is a Lonely Hunter» 20
- Strelnikova M.A.* Regional Literary Landscape: Provincial Motives of the Black Earth Region 28

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Droga M.A.* Rhyming Compounds as Elements of Wordplay (in the Russian and English Languages)..... 35

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Guseva A.E.* The Effect of Extra Constituents of the Sentence as an Additional Explicit Identifier of the Concept Microstructure (Based on the Material of the German and Russian Languages) 41
- Fomina M.A.* The Subject in Impersonal Spatial Sentence Models of *U menia v ukhe zvenit (My Ear Is Singing)* Type..... 49

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Romashina S.Ya, Andronova R.E., Kostzova E.M., Mezhina A.V.* Formation of Students' Personality Results in Foreign Language Education..... 56
- Muratova O.A.* The Problem of Developing Students' Critical Thinking Skills in Foreign Languages Classes in Universities of Economics 65

Young Scientists' Platform

- Karpova A.S.* The Pygmalion Plot Realization in Russian Literature of the Early XIX Century 71
- Agratin A.E.* «The Event Game»: The Issue of Narrative Identity of the Chekhov's Character (the Case Study of the Stories «After the Theatre» and «The Grasshopper») 78
- Shinkareva N.Yu.* Art Space in the Lyrical Cycles of the Collection «The Shore» by N.A. Pavlovich..... 84

<i>Katysheva L.S.</i> Intimate Poetics in Platonov's Writings of the 1920-s.....	90
<i>Vesmanova E.V.</i> Terminological Parallels in the Lexical Minimum of Russian as a Foreign Language: the Case Study of the English-Russian Linguistic Terms	96
<i>Gromyko Ts.-V.O.</i> The Thematic Group «Natural Air Motion» (the Case Study of Russian Rock Poetry Texts)	103
<i>Malykh O.A.</i> On the Problem of Developing Approach to Formation of Phonetic Competence of Students Learning Chinese	109
<i>Smolova M.A.</i> Linguo-cognitive Styles of Students' Summary Writing: the Results of Linguodidactic «Prospecting» Comparison (in Chinese and Russian)	115

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Vasilyev S.A.</i> Review of the Work-book by I.G. Mineralova «The Analysis of Fiction: Style and Inner Form» (M.: Flinta, Science, 2011. 256 p.).....	120
<i>Timasheva O.V.</i> Review of the Monograph by K. Yu. Kashlyavik «Blaise Pascal's Poetics» (M.: ST «T.A. Alexeeva» Publishers, 2014. 336 p.).....	122
<i>Cherkashina E.I.</i> Review of the Monograph by S.A.Gerasimova «The Linguopragmatical Aspect of the Training Didactic Text in the Educational Communication» (M.: MCU, 2015. 224 p.).....	125
<i>Shapoval V.V.</i> Review of the Dictionary by L.P. Mikhaylova «Dictionary of Extential Lexical Units in Russian Dialects» (Petrozavodsk: Publishing House «Karelian State Pedagogical Academy»; M.: Variant, 2013. 352 p.)	128

Scholarly Events

<i>Vikulova L.G., Tareva E.G.</i> Humanitarian Practices in Non-philological Education: Information and Analytical Survey of the Materials of the Conference «Communication in the Polycode Space: Linguistic, Cultural, Didactic, Axiological Aspects» (St. Petersburg, 13–15 May, 2015)	131
---	-----

«MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2015, № 4 (20).....	136
---	-----

Style Sheet.....	142
------------------	-----

В.М. Головки

Натурфилософские идеи И.-В. Гёте в творческой рецепции И.С. Тургенева

Натурфилософия И.С. Тургенева, художника и мыслителя, является «его созданием», его «философическим убеждением». Формирование взглядов писателя на отношения между природой и человеком осуществлялось в процессе диалога с И.-В. Гёте, творческое наследие которого оставалось в центре внимания на протяжении всей литературной деятельности русского писателя. Реализм как философский, воззренческий принцип и гуманизм Гёте, диалектичность его мышления были созвучны основам мирозерцания писателя. При совпадении представлений о природе как «единстве», «стройном целом», о её «безграничной продуктивности», о природе и «человеческом духе», рассматриваемых в парадигме дополнительности, генезис гуманистического пессимизма Тургенева, его суждения об онтологической драме человека остаются за рамками философии природы Гёте.

Natural philosophy of I.S. Turgenev, the artist and thinker, is «his own creation» and his «philosophical conviction». The formation of the writer's views on the relationship between nature and man was performed in the process of dialogue with J.W. von Goethe, whose creative heritage remained in the spotlight throughout the literary activities of the Russian writer. The writer perceived Goethe's realism as a philosophical and visionary principle, humanism and dialectical thinking as in tune with his worldview fundamentals. Despite the coincidence of ideas of nature as «unity», «harmonious whole», of its «boundless productivity», of nature and «human spirit» considered in the paradigm of subsidiarity, the genesis of Turgenev's humanist pessimism and his ideas on ontological human drama remains outside Goethe's philosophy of nature.

Ключевые слова: натурфилософия; реализм; гуманизм; диалектика; онтологическая драма человека.

Keywords: natural philosophy; realism; humanism; dialectics; ontological drama of man.

Бинарная философская оппозиция «человек и природа» является конфликтоорганизующей константой художественного мира И.С. Тургенева. Её эстетически повышенная функциональная роль в произведениях писателя объясняется не «отражением» какой-либо «системы

на образах» [5: П., т. 10, с. 156], созданных им, а стремлением художника к рассмотрению проблем человеческой экзистенции в онтологической парадигме. Обновление этой парадигмы за счёт развёртывания «человеческого» в качестве фундаментального «слоя» бытия [7: с. 40–48] стало закономерной реакцией на распространение и укрепление позитивизма в мировоззренческих исканиях времени писателя. Осознание трагического, неразрешимого противоречия между «живым» человеком и «бесконечной гармонией» «равнодушной природы» пришло к Тургеневу очень рано. И в художественном творчестве, и в различных формах рядом протекающей литературной деятельности писателя фиксируются его представления о дисгармоничности отношений между природой и человеком, опредмечивается сам процесс рефлексии, связанной с ощущением метафизического одиночества, «онтологической драмы» «конкретного индивида». В романе «Накануне», например, дисгармония человека и природы становится предметом трагических раздумий героев. Мироощущение «одинокого человека» выражается в словах о том, «<...> какое странное чувство возбуждает <...> природа <...>», «какое-то беспокойство, какую-то тревогу, даже грусть»: «Сколько <...> ни стучись природе в дверь, не отзовется она понятным словом, потому что она немая» [5: С., т. 6, с. 165].

Натурфилософия Тургенева-художника в полном смысле слова — «его создание», его «философское убеждение» [5: П., т. 1, с. 164, 163], хотя в научной литературе стало уже почти традиционным утверждение того, что «конфликтообразующую мировоззренческую основу творчества Тургенева в целом» в значительной мере определили категории немецкой классической философии, «в особенности гегелевская система с её противоположением и единством конечного и бесконечного, частного и всеобщего» [14: с. 74]. Роль и значение философских «штудий» И.С. Тургенева в его творческом процессе нельзя преуменьшать, но в такой же мере — и преувеличивать. С кем-то из предшественников и современников в трактовках онтологических и экзистенциальных проблем он сближался в большей мере (с Монтенем, Паскалем, Гёте, Тютчевым, например), с кем-то плодотворно полемизировал (скажем, с Шопенгауэром), от одних воспринял основополагающие философские идеи (например, диалектическую идею развития Гегеля или этический аспект категорического императива Канта), воззренческие доктрины других вызвали его критическую оценку (Руссо, ранний Шеллинг, Э. Гартман и др. [5: П., т. 2, с. 267; т. 3, с. 219; т. 5, с. 124; т. 11, с. 292]). Но в любом случае он не был «последователем» философских систем, и критика в адрес, скажем, «Мыслей» Паскаля в этом отношении очень показательна: в «этюде» «Довольно» писатель идею человеческого достоинства подкрепляет образом-концептом французского мыслителя, «называвшего человека мыслящим тростником» [5: С., т. 7, с. 226], а при этом в письмах сетует на то, что он «растаптывает всё, что есть дорогого у человека» [8: с. 184]. Когда Тургенев в письме к А.И. Герцену 23 октября (4 ноября) 1862 года убеждал своего корреспондента в том,

что «зияющая могила» ожидает «философию Гегеля и Шеллинга», то лишний раз подтверждал, что «ни в какие абсолюты и системы» не верил [5: П., т. 5, с. 124; т. 14, с. 39]. Так мог говорить «поэт», отстаивающий право искусства на «всю правду» [5: П., т. 3, с. 180] в познании человека и бытия и рассматривающий искусство как принципиальную альтернативу теоретическому знанию, логическому обобщению, основанному на концептуальных построениях.

В этом контексте особенно показательна история восприятия и творческой интерпретации И.С. Тургеневым натурфилософии немецкого поэта и мыслителя И.-В. Гёте (1749–1832). Вопрос о преемственных связях русского писателя со всем комплексом идей и эстетикой автора «Фауста» имеет уже давнюю традицию и солидную историографию, он освещается в тех или иных аспектах в работах разного типа — от крупных монографий (В.М. Жирмунский, 1937; Andre von Gronicka, 1985; И.А. Беляева, 2011) до небольших статей и заметок. Чаще всего исследователи обращают внимание на восприятие Тургеневым «Фауста», «Страданий юного Вертера», трагедии «Эгмонт», лирики Гёте, на «гётевское» в таких тургеневских произведениях, как «Фауст», «Ася», «После смерти (Клара Милич)», на трактовку идей немецкого поэта-мыслителя в статьях «“Фауст”, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург» и др. Рассматриваются и многочисленные аллюзии, реминисценции, цитаты из произведений Гёте в художественных, эпистолярных, литературно-критических, мемуарных и других текстах Тургенева. Типологические связи со всей очевидностью обнаруживаются в онтологии и натурфилософии Гёте и Тургенева, но они гораздо реже становились предметом сравнительно-сопоставительного анализа художественного философствования двух великих писателей.

В декабре 1839 года будущий автор «Записок охотника», «Фауста», «Отцов и детей», «Довольно», «Стихотворений в прозе» писал Т.Н. Грановскому: «Я всё не перестаю читать Гёте» [5: П., т. 1, с. 144]. То же самое он мог сказать и через сорок с лишним лет. Европейская культура сыграла очень большую роль в становлении и развитии И.С. Тургенева как философски мыслящего писателя. Период глубокого интереса к философии в России 1830–1840-х годов — времени формирования взглядов и творческого самоопределения Тургенева — характеризуется активным взаимодействием локальных национальных культур, которые утрачивали качества до этого времени достаточно замкнутых образований, обусловленных ограниченным пространством диалогической коммуникации.

Как верно заметила исследовательница символистской критики Леа Пильд, Д.С. Мережковский в небольшой статье «Памяти Тургенева» (1893) воссоздал культурно-психологический и эстетический облик писателя, «типологически близкий Гёте, чье творчество и восприятие действительности являлось в то время для Мережковского гносеологической нормой» [12]. И Гёте, и Тургенев были художниками и мыслителями, принципиально отрицавшими

ортодоксальность и доктринёрство, более всего интересовавшимися «живой правдой» жизни [5: П., т. 14, с. 39]. В этом отношении немецкий поэт был для русского писателя хорошим примером. «<...> Гёте как поэт, — писал Тургенев, — вовсе не дорожил своими воззрениями и системами; он легко и свободно покидал их... его, в сущности, занимало одно: жизнь, возведённая в идеал поэзии («die Wirklichkeit zum schönen Schein erhoben», как говорил он), жизнь во всех ее проявлениях» [5: С., т. 1, с. 208–209].

Жизнь представлялась Тургеневу процессом, подчиняющимся «Закону своего существования» [5: П., т. 1, с. 425]. В июле 1849 года он писал П. Виардо: «Тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни <...> Это произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе; это не обдуманное творчество» [5: П., т. 1, с. 425]. Гёте, занимавшийся изучением органического мира природы, был создателем натурфилософии, имевшей своим объектом жизненные формы. Это не могло не привлечь внимания русского писателя, который, пытаясь, по просьбе М.А. Милютиной, определить основы собственного мирозерцания, писал в 1875 году, что является «преимущественно реалистом» [5: П., т. 14, с. 39], и реализм писателя был его не только эстетическим, но, как и «реализм» Гёте (см.: [9: с. 34, 60]), философским, мировоззренческим принципом. В трагедии «Фауст», которую Тургенев знал наизусть почти полностью, герой Гёте в диалоге с Мефистофелем противопоставляет ценность земной, реальной жизни потустороннему «там»: «Что будет там, о том мне нет заботы... // Здесь, на земле, живут мои стремленья, // Под солнцем, здесь, мои мученья...» [4: с. 99]. О своей «прикованности к земле» писал и Тургенев в одном из писем П. Виардо 1848 года: «<...> жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее скоротечную красоту... всё это я обожаю» [5: П., т. 1, с. 392], а о том, что «ко всему сверхъестественному относился равнодушно», говорил, спустя многие годы, в упомянутом письме М.А. Милютиной 22 февраля (6 марта) 1875 года.

Постигая «истинный смысл природы» в духе натурфилософии Гёте, подчёркивавшего, что «каждому из её (Природы. — В.Г.) созданий дана особая сущность, каждое её явление — обособленное понятие, всё вместе, однако, — единое целое» [3: с. 488], Тургенев писал С.Т. Аксакову в феврале 1853 года: «Бесспорно, вся она (Природа. — В.Г.) составляет одно великое, стройное целое — каждая точка в ней соединена со всеми другими — но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы всё окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладевала бы им как своим достоянием. <...> Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, всё живет только для себя, — как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, всё, что существует — существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни

сливаются в одну мировую жизнь — это одна из тех “открытых” тайн, которые мы все — и видим, и не видим» [5: П., т. 2, с. 204]. Эти идеи, безусловно, восходят к положению Гёте о Вечно-Едином, о том, что «всё есть гармоническое единое», «целое», но при этом утрачивают религиозно-натуралистическую окраску. Художественная интерпретация натурфилософских идей Гёте в разных текстах Тургенева в плане переосмысления их пантеистической парадигмы — весьма закономерное с этой точки зрения явление. Если немецкий поэт-мыслитель, например, декларировал тождество Бога и Природы, то Тургенев ещё в магистерской работе указывал — объективно — на уязвимость обожествления Вселенной. Его не случайно отталкивал пантеизм раннего Шеллинга и привлекал «глубокий реализм» (А.И. Герцен) Гёте, доминировавший над проявлениями в его сочинениях имманентно-трансцендентного пантеизма. «Реальное, истинное понимание природы» немецкого поэта-мыслителя (так А.И. Герцен определял понимание природы Гёте, воплощённое в его сочинении «*Metamorphose der Pflanzen*» [1: с. 118]), для которого «природа — есть сама жизнь», импонировало Тургеневу.

Мысли Гёте — «Природа... всё разъединяет, чтобы всё соединить» и «Её венец — любовь. Только через любовь можно к ней приблизиться» были чрезвычайно созвучны тургеневской философии природы. В литературно-критической статье «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва. Москва. 1852» (1852, опубл. в 1853) Тургенев цитировал «афористическую статью» Гёте «Природа» (1783) в собственном переводе. В современных изданиях эти положения передаются следующим образом: «Она (Природа. — *В.Г.*) всё разъединила, чтобы всё свести воедино. <...> Её венец — любовь. Только через любовь можно приблизиться к ней» [3: с. 490]. В разных произведениях писателя можно обнаружить немало подобных реминисценций из гётевской «Природы» — в «Поездке в Полесье» (1857), «Довольно» (1865), в стихотворении в прозе «Природа» (1879), в романах Тургенева, в его статьях и рецензиях. Известно, что текст этого произведения «написан не самим Гёте, а близким ему в то время священником Тоблером, изложившим мысли и идеи Гёте о природе на основании бесед с ним» [2: с. 497]. В «Пояснении к афористической статье “Природа”» Гёте писал 24 мая 1828 года: «Фактически я, правда, не могу вспомнить, чтобы я сочинил эти размышления, однако они вполне согласуются с теми представлениями, которых достиг в своём развитии мой дух в то время». Но при этом поэт признавался, что «статья <...> написана хорошо знакомой рукой, которой» он «обычно пользовался при работе в восьмидесятые годы» [2: с. 40]. Как отмечают исследователи, «Гёте справедливо считал это произведение своим и включил его в собрание своих сочинений» [2: с. 497].

Восприятие природы как «стройного целого» к середине XIX века стало общепринятым (причём, как, например, в идеализме Шеллинга, утверждавшего, что природа должна быть понята как живой организм, как целое, в котором проявляется тождество природы и духа, так и в материализме Герцена). Безусловно, положение Гёте о «целостности» природы [2: с. 39] имеет давнюю философскую

традицию. Оно перекликается с положениями онтологии других мыслителей, скажем, Лейбница, который ещё в конце XVII – начале XVIII века выдвинул положение о гармоничности Вселенной в целом, о динамичности её состояния. В философских медитациях И.С. Тургенева можно обнаружить переключки с мыслями Лейбница о бесконечном количественном и качественном многообразии мира. Тем не менее текстуальные совпадения произведений Гёте и Тургенева показывают, что натурфилософия немецкого поэта была своеобразным мировоззренческим ориентиром русского писателя, и претекстовая функция сочинений Гёте фиксируется в нарративе и интертекстуальной поэтике многих тургеневских созданий.

Универсальные начала и стихии бытия, проявляющиеся в жизни Природы, осмысливались этими писателями как выражение постоянного воспроизведения, преобразования, обновления, развития. Мысль Гёте — «Природа — это вечная жизнь, становление и движение, но с места она не трогается. <...> Всегда целостная, она не бывает закончена» [3: с. 488, 490], фиксирующая идею устойчивости динамики всех форм бытия, — была близка Тургеневу. Мыслящий диалектически, писатель понимал жизнь «как постоянно побеждаемое противоречие» [5: С., т. 11, с. 70], творчески реализуя при этом одно из кардинальных положений философии Гёте: «Диалектика — это развитие духа противоречия, который дан человеку, чтобы он учился познавать различие вещей» [2: с. 361].

Существенно то, что, создавая в противовес западному механистическому материализму творческое учение о Природе, Гёте актуализировал идею её связи с «человеческим духом», рассматривая эту связь в парадигме дополнительности. «Кто хочет наибольшего, должен желать целого, — писал Гёте в работе «Якоби. Биографические детали», — кто рассматривает дух, пусть исходит из природы; кто говорит о природе, пусть предполагает дух или молча соглашается с этим» [2: с. 276]. Этот тезис Гёте творчески воспринимался и интерпретировался Тургеневым. Когда он писал, что человек связан с природой «тысячью неразрывных нитей: он сын её» [5: С., т. 4, с. 516], то имел в виду происхождение, родство человека со всем сущим в «одной мировой жизни» [5: С., т. 4, с. 517], но и одновременно — то «духовное», в котором запечатлено всё многообразие человеческих проявлений, собственно человеческое бытие, «исходящее из природы». Неповторимое «я» — «одна светлая точка» — рассматривалось писателем как порождение и продолжение Вселенной, Природы (продолжение творящей силы Природы в мыследеятельности и шире — жизнедеятельности человека): «<...> тесная связь человеческого духа с природой, — писал он Беттине Арним, — <...> самое глубокое явление нашей жизни <...> Однако для того чтобы иметь возможность вступить в этот союз, надо быть таким же правдивым, как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое ее движение претворились в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли, в духовные образы» [5: П., т. 1, с. 351]. Для создателя «Фауста» — человек не только «червь презренный и ничтожный» [4: с. 57], но и «орган чувств природы»: «дух» и «материя» составляют

«гармоническое Вечно-Единое». В размышлениях о «природе» и «человеческом духе» Тургенев невольно апеллировал к Гёте, который в стихотворении «Метаморфоз животных» (1806) писал, имея в виду человека: «Радуйся, высшее создание природы, ты чувствуешь себя способным // Мысленно следовать за её высшим и мыслями, // к которым, творя, она вознеслась!» [9: с. 59–60]. В философской рефлексии русского писателя собственно человеческое бытие, сопрягаемое с «идеями», «духовным началом», «мышлением», является аспектом, одной из дефиниций категории «природа человека» [5: П., т. 1, с. 352].

На таком понимании «природы человека» основывалось признание его (человека) воплощением духовного начала, продуктом движения, развития Жизни / Природы как «великого, стройного целого»: «Природа — *единое* (выделено И.С. Тургеневым. — *В.Г.*) чудо и целый мир чудес: таким же должен быть каждый человек — таков он и есть; и что он именно таков, открыли нам великие люди всех времен. <...> Разве напрасно всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется “Я”? Чем была бы природа без нас, — чем были бы мы без природы? И то и другое немислимо!» [5: П., т. 1, с. 352]. Гёте находился прежде всего в числе этих «великих людей». В понятии «природа человека» Тургенев акцентировал идею изоморфности «природы» и «я», природного основания человеческой экзистенции. Понимая человека как единство противоположных, но неразрывно связанных друг с другом начал — «природы» и «духа» («мысли», «сознания», «культуры»), писатель в этом единстве усматривал человеческую сущность, то, что возвышает человека над природой, Вселенной. Онтология Тургенева со всей очевидностью не вписывалась в христианскую картину мира, которая в культуре того времени репрезентировала господствующее мировоззрение. Ориентация на философию природы и антропологию Гёте, который «человеческое ставил выше божественного» [2: с. 11], для Тургенева, писателя и мыслителя, была вполне осознанной и оправданной мировоззренческой установкой.

Художественные, литературно-критические сочинения и письма даже раннего Тургенева дают представление о его попытках гармонизации, диалектического «примирения» «противоречия» [5: С., т. 1, с. 206] «целого» природы, с одной стороны, и человеческого «я», личности, — с другой. Эти попытки конкретизировались в поисках «примирения» между «жизнью», «равнодушной природой» [5: П., т. 1, с. 425, 406] и человеком мыслящим, отстаивающим свою нравственную свободу, в признании субстанциональной общности их сущностей. Но не случайно такие сближения он определял как проявление «философско-пантеистического настроения ума» [5: П., т. 1, с. 392]. В письме П. Виардо (16) 28 июля 1849 года Тургенев высказал весьма значительное в этом смысле суждение: «<...> равнодушная, властная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая — это жизнь, природа, это бог; называйте ее как хотите <...>» [5: П., т. 1, с. 425]. В то же время такое «настроение» было обусловлено поисками «истины» и «личного Бога», что «являлось только метафорой стремления к живому, конкретному пониманию человека и естественных

и общественных условий его существования» [11: с. 16]. Когда Тургенев на магистерском экзамене (1842), рассматривая вопрос о пантеизме, писал, что «человек есть личность Бога» [11: с. 15], то даже в этой официальной, квалификационной работе сумел актуализировать идею «живого индивида» (см.: [10]).

В статье о переводе М. Вронченко «Фауста» Гёте Тургенев в контексте глубокого анализа философско-эстетического значения искусства романтизма как эпохи развития человеческой культуры, связанной с актуализацией, «апофеозной личности» [5: С., т. 1, с. 202], касался прежде всего вопросов философской антропологии, рассматривал человеческое «я» как онтологическую категорию: «Последним словом всего земного для Гёте (так же, как и для Канта и Фихте) было человеческое я... И вот это я, это начало <...> краеугольный камень всего существующего <...>» «<...> в этом я вы находите целый мир» [5: С., т. 1, с. 206, 204]. Значение поэзии Гёте Тургенев видел в том, что он — «защитник всего человеческого, земного» — в понятийный арсенал (подобно Фаусту — «через науку») ввёл категорию «живого человека» [5: С., т. 1, с. 216, 211, 224], отстаивая его «права» даже перед лицом «безразличной, спокойной “субстанции” Спинозы» (всеобъемлющей природы. — *В.Г.*) [5: С., т. 1, с. 211]. (Имя нидерландского философа-пантеиста XVII века появилось здесь не случайно: Тургеневу было хорошо известно, какую большую роль сыграл Б. Спиноза в духовном развитии Гёте.) Но такое понимание «сущности человека» одновременно порождало ту трактовку онтологической драмы в творчестве писателя, которая была обусловлена осознанием «живым индивидом» «мгновенности жизни», «собственного ничтожества», перед лицом «вечной Изиды» [5: С., т. 5, с. 130; т. 7, с. 226, 227]. Художественно-философской антропологии И.С. Тургенева оказались созвучными положения Гёте, как и Шопенгауэра, о том, что природа «кажется <...> только и хлопчет о том, чтобы создавать личности — и личности ей ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает», и «смерть — художественный приём для создания новых жизней» [3: с. 489]. Этот философский пассаж содержался в том фрагменте рецензии Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова, который был изъят цензурой при её публикации и который писатель в качестве приложения включил в письмо автору этого произведения от 5, 9 (17, 21) февраля 1853 года [5: П., т. 2, с. 204–205]. Таких «счастливых», каких разумел Гёте в одном из своих стихотворений, когда писал: «Того из всех счастливым назову я, // Пред кем природа-бог разоблачает, // Как, плавя прах и в дух преобразуя, // Она созданье духа сохраняет» [2: с. 420], — в посюстороннем мире просто не существует... Тургенев вполне разделял мысли Гёте о том, что в природе нет «ничего длительного, всё мимолетно, тысячи зародышей растаптываются, каждый миг рождаются тысячи новых...» [2: с. 322]. Человек не составляет исключения. Но в трактовках отношений между «равнодушной природой» и человеком два писателя существенно отличались друг от друга: в антропологическом аспекте философии природы Гёте нет того трагического начала, которое является сущностным для творческих созданий Тургенева.

В произведениях немецкого поэта тоже можно обнаружить мотивы метафизического одиночества человека и гуманистического пессимизма, которые столь характерны для художественной натурфилософии И.С. Тургенева. В «Фаусте», например, человек — «жалкий червь земли» — на фоне «пространств мироздания» предстаёт во всём своём ничтожестве [4: с. 64]. В этом плане трагедию Гёте можно рассматривать в качестве одного из источников философской и художественной рефлексии оппозиции «человек и природа» в письмах и произведениях Тургенева, как литературных, так и критико-публицистических, мемуарных и т. д. Во многих из них сохраняется атмосфера трагического, которая определялась осознанием несоединимости «не обдуманного творчества» Природы-Жизни, «Законов её существования» [5: П., т. 1, с. 425] и человеческих представлений о ценностных критериях, определяющих само понятие «смысла жизни», индивидуального, личностного бытия, значимости творческой деятельности человека. Природа учит «смирению» [5: П., т. 3, с. 107]. «Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится», — делает вывод рассказчик-повествователь в «Поездке в Полесье» [5: С., т. 5, с. 147]. Именно здесь формулируется её «неизменный закон» — закон «равновесия жизни»: «Всё, что выходит из-под этого уровня — кверху ли, книзу ли, всё равно, — выбрасывается ею вон, как негодное» [5: С., т. 5, с. 147]. «Незыблемый» закон «равновесия», «восстанавливающегося» Природой, констатировался и Гёте (см.: [3: с. 489–490]). Переключки этих медитаций лишь усиливали то ощущение метафизического одиночества человека, находящегося под властью враждебных ему универсальных стихий, характерного для форм выражения авторского сознания в письмах Тургенева П. Виардо и Е.Е. Ламберт 1840–1850-х годов, в таких произведениях писателя, как «Поездка в Полесье», «Накануне», «Отцы и дети», «Довольно», в повестях о «трагическом значении любви», «Стихотворения в прозе» и т. д. Один из сквозных «гётевских» мотивов творчества Тургенева — «личности ей (Природе. — В.Г.) ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает» [5: С., т. 4, с. 517] — звучит в рассказе «Поездка в Полесье» 1857 года столь же отчётливо, как в стихотворении в прозе «Природа» 1879 года. «Поездка в Полесье»: «“Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть» [5: С., т. 5, с. 130]; «Природа»: «“<...> разве мы, люди, не любимые твои дети?” <...> “Все твари мои дети, — промолвила она (Природа. — В.Г.), — и я одинаково о них забочусь — и одинаково их истребляю. <...> Я тебе дала жизнь — я ее отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно... А ты пока защищайся — и не мешай мне!”» [5: С., т. 10, с. 165]. В «Максимах и размышлениях» Гёте мысль о необходимости человека и всего живого «защищаться» от Природы, звучит со всей очевидностью: «Человек сквозь все свои состояния укрепляется против природы, чтобы избежать её в тысячах форм проявляющегося зла <...>» [2: с. 322]. Аллюзия максимы Гёте об искусстве как форме «защиты» «против

разрушительной силы целого» [2: с. 322] в её философско-гуманистическом содержании играет значительную роль в раскрытии натурфилософской проблематики тургеневского «Довольно».

«Таинственный смысл» жизни природы [5: С., т. 5, с. 147], которая в то же время «индивидуумов <...> и знать не хочет» [4: с. 488], — это, по словам Тургенева, «одна из тех “открытых” тайн, которые мы все видим и не видим» [5: С., т. 4, с. 517]. Данный тезис из рецензии «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» восходит к тому же источнику — «Природе» И.-В. Гёте: «Мы живём среди неё (Природы. — *В.Г.*), но мы ей чужды. Непрестанно говоря с нами, она не выдаёт нам своей тайны» [3: с. 488]. «Чужое слово», появляющееся в тексте Тургенева, указывает на это.

Диалектический характер философской интерпретации проблемы человека и мира в произведениях Гёте нейтрализовал трагическую огласовку в познании «противоположнейших произведений» и «самопротиворечивой сущности» Природы [2: с. 26]. «Человеку вполне подобает принять неисследуемое, — писал он в «Максимах и размышлениях». — Однако своему исследованию он не должен ставить никаких границ, ибо хотя природа и обладает преимуществом над человеком и, по-видимому, многое скрывает от него, но и он обладает, в свою очередь, тем преимуществом над ней, что может своею мыслью если и не проникнуть сквозь неё, то возвыситься над ней» [2: с. 355]. И для немецкого поэта-мыслителя это было вовсе не «слабое достоинство», не «печальное утешение», как для Тургенева, вложившего эти слова в уста лирического героя «отрывка» «Довольно» [5: С., т. 7, с. 226; П., т. 6, с. 108].

Проблемные, философско-образные параллели многих художественных произведений, а также эпистолярная, статей, рецензий и т. д. писателя, в которых как несоединимые начала предстают «древняя ночь» и «слабое сияние» человеческой жизни [5: П., т. 1, с. 406], «стройное целое» природы и «эгоизм» каждой её «отдельной» «единицы», фиксируют доминантные универсалии в познавательном отношении автора к бытию. Но, сопоставляя философское мировоззрение Гёте и Тургенева, нельзя сводить натурфилософию русского писателя к какому-либо (пусть даже самому авторитетному для него) источнику. Не случайно, скажем, в мысли о «равновесии жизни» — «пике» выражения «подлинного “я” Тургенева» — М.О. Гершензон усматривал тождество с «метафизикой Востока» [6: с. 64], а П.Н. Сакулин — развитие «виталистических идей» [13: с. 97].

Осознание «ничтожности» «части времени» — человеческой жизни — «перед вечностью» определяло пессимистическую огласовку философских медитаций даже Евгения Базарова в романе «Отцы и дети» [5: С., т. 7, с. 119], единственного тургеневского героя, казалось бы, способного заставить время «от него зависеть» [5: С., т. 7, с. 34]. Человек мыслящий в художественном мире писателя находится в оппозиции «не обдуманному творчеству» природы [5: П., т. 1, с. 425]. В процессе такой философской рефлексии и раскрывалась

писателем «онтологическая драма человека», которая не отрицалась «категорией разума» [1: с. 114]. Художественная философия природы писателя осложнялась глубоким сомнением в возможности определения «пути к истинному и вечному сочетанию раздвоенного» [1: с. 138], и вопрос о «гармонии» человека и природы всегда сохранял для него проблемную остроту.

Библиографический список

Источники

1. Герцен А.И. Письма об изучении природы // Герцен А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. С. 93–327.
2. Гёте И.-В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. 520 с.
3. Гёте И.-В. Природа // Гёте И.-В. Избранное. М.: Гос. изд-во дет. лит-ры, 1963. С. 488–490.
4. Гёте И.-В. Фауст / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Гос. изд-во дет. лит-ры, 1954. 352 с.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–1986. (При цитировании указывается серия С. (Сочинения), П. (Письма).)

Литература

6. Гершензон М.О. Мечта и мысль Тургенева. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. 170 с.
7. Головкин В.М. Художественно-философская интерпретация свободы и необходимости И.С. Тургенева в парадигматическом контексте аксиологического онтологизма XX века // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 40–48.
8. Гранжар А. Неизвестные письма И.С. Тургенева (Из архива семьи Виардо) // Иностранная литература. 1971. № 1. С. 170–204.
9. Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. Л.: Наука, 1970. 191 с.
10. Лисовский Н.М. Новые материалы для биографии И.С. Тургенева. Три письменных ответа И.С. Тургенева на магистерском экзамене, сообщенных редакции «Библиографа» А.П. Вороновым. СПб., 1892. С. 9–28.
11. Нойхель Р. Тургенев и философские течения XIX века // И.С. Тургенев: мировоззрение и творчество, проблемы изучения: межвуз. сб. научн. трудов. Орёл: Орловск. гос. пед. ин-т, 1991. С. 11–24.
12. Пильд Л. Тургенев в символистской критике (1999). URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:m02k8o2LOL4J:www.rl-critic.ru/histeo/pild.html+&cd=211&hl=ru&ct=clnk> (дата обращения: 08.05.2015).
13. Сакулин П.Н. На грани двух культур. И.С. Тургенев. М.: Мир, 1918. 103 с.
14. Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.

References

Istochniki

1. Gercen A.I. Pis'ma ob izuchenii prirody' // Gercen A.I. Sobr. soch.: v 9 t. Т. 2. М.: Gos. izd-vo. xudozh. lit-ry', 1955. S. 93–327.
2. Gyote I.-V. Izbranny'e filosofskie proizvedeniya. М.: Nauka, 1964. 520 s.

3. *Goyte I.-V. Priroda* // Goyte I.-V. Izbrannoe. M.: Gos. izd-vo det. lit-ry', 1963. S. 488–490.
4. *Goyte I.-V. Faust* / Per. s nem. N. Xolodkovskogo. M.: Gos. izd-vo det. lit-ry', 1954. 352 s.
5. *Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* M.: Nauka, 1978–1986. (Pri citirovanii ukazy'vaetsya seriya S. (Sochineniya), P. (Pis'ma.))

Literatura

6. *Gershenzon M.O. Mechta i my'sl' Turgeneva.* M.: T-vo «Knigoisdatelstvo pisatelej v Moskve», 1919. 170 s.
7. *Golovko V.M. Xudozhestvenno-filosofskaya interpretaciya svobody' i neobxodimosti I.S. Turgeneva v paradigmaticeskome kontekste aksiologicheskogo ontologizma XX veka* // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 4. S. 40–48.
8. *Granzhar A. Neizvestny'e pis'ma I.S. Turgeneva (Iz arxiva sem'i Viardo)* // Inostrannaya literatura. 1971. № 1. S. 170–204.
9. *Kanaev I.I. Goyte kak estestvoispy'tatel'.* L.: Nauka, 1970. 191 s.
10. *Lisovskij N.M. Novy'e materialy' dlya biografii I.S. Turgeneva. Tri pis'menny'x otveta I.S. Turgeneva na masterskom e'kzamene, soobshhenny'x redakcii «Bibliografa» A.P. Voronovy'm.* SPb., 1892. S. 9–28.
11. *Nojxel' R. Turgenev i filosofskie techeniya XIX veka* // I.S. Turgenev: mirovozzrenie i tvorcestvo, problemy' izucheniya: mezhvuz. sb. nauchn. trudov. Oryol: Orlovsk. gos. ped. in-t, 1991. S. 11–24.
12. *Pil'd L. Turgenev v simbolistskoj kritike (1999).* URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:m02k8o2LOL4J:www.rl-critic.ru/histeo/pild.html+%&cd=211&hl=ru&ct=clnk> (data obrashheniya: 08.05.2015).
13. *Sakulin P.N. Na grani dvux kul'tur. I.S. Turgenev.* M.: Mir, 1918. 103 s.
14. *Time G.A. Rossiya i Germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX–XX vekov.* SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. 456 s.

С.С. Савинич

Мотив сотворения кумира в романе К. Маккаллерс «Сердце — одинокий охотник»

В статье рассматривается одно из наиболее известных произведений К. Маккаллерс «Сердце — одинокий охотник» с точки зрения мотивного анализа. В качестве основного выбран мотив сотворения кумира, позволяющий осветить экзистенциальные особенности мышления персонажей данного романа, относящегося к южной американской литературной традиции.

The article deals with one of the most widely known works of Carson McCullers «The Heart Is a Lonely Hunter» from the point of view of the motif analysis. The main subject matter of the paper is the motif of creation of an object of worship. It may help us to throw light upon existentialist conscience of the characters in the novel that is attributed to the Southern school of American literature.

Ключевые слова: мотив; сотворение кумира; литература американского Юга.

Keywords: motif; creation of object of worship; Southern school of American literature.

Несмотря на широкое признание в США, в отечественном литературоведении творчеству Карсон Маккаллерс посвящено не так много исследований. Наиболее полно особенности стиля этого автора рассматривает в контексте литературы американского Юга В.В. Перешкин [6]. В журнале «Иностранная литература» в сентябре 2000 года вышла статья М.П. Тугушевой, в которой исследователь утверждает, что автобиографические детали никогда не попадают в книги исследуемого нами автора напрямую: «Сознание Карсон Маккаллерс, нарушая хронологические связи, выискивая связи ассоциативные, часто уравнивает при этом реальное и вымышленное, но вымысел и реальная жизнь всегда были тесно слиты в воображении Маккаллерс» [5]. Анализируя тексты произведений этой писательницы, более продуктивно опираться на внутритекстовые связи и связи с идеями современного ей общества, нежели с событиями её личной жизни.

Американское общество конца 1930-х годов ещё не полностью преодолело раскол между Севером и Югом. Поражение в гражданской войне и последующая экономическая реконструкция Юга заставили людей изменить общественные отношения и привычный уклад жизни для того, чтобы обеспечить себе выживание. Общинное сознание, типичное для жителей южных штатов, уступило место индивидуализму. Это сильно обострило одиночество личности в человеческом обществе и, прервав связь с предыдущими поколениями,

создало ощущение бесцельности и бессмысленности жизни. Исследователь Американского юга Ральф Макгилл пишет: «Южане острее испытывают чувство одиночества и духовного отчуждения, я думаю, потому, что в течение долгого времени мы жили в такой системе общественных отношений, которая была совершенно искусственной, хотя мы утверждали, что она естественна, правильна и справедлива, сознавая, что она такой не является» (здесь и далее перевод мой. — С.С.) [10: р. 217].

Одновременно с этим господствующим направлением в европейской и американской философии становится экзистенциализм. Интересно, что такие ключевые произведения экзистенциализма, как роман «Тошнота» Ж.П. Сартра (1938) и повесть А. Камю «Посторонний» (1942) были написаны практически в то же время, что и наиболее известный роман К. Маккаллера «Сердце — одинокий охотник» (1941). Вполне очевидно, что герои этого романа в основном унаследовали от эпохи, в которой они живут, именно экзистенциальное видение мира.

В образах героев этого романа отчётливо прослеживаются такие экзистенциальные мотивы, как бесцельность и иррациональность человеческой жизни, чувства страха, отчаяния и безысходности, которые испытывает человек при столкновении с действительностью. Переживая одиночество, изгнанничество, заброшенность в материальности Вселенной, опустошённость гражданской, служебной, семейной и любой другой формы совместной жизни, каждый из героев сопротивляется этим чувствам по-своему, но их попытки найти некий смысл бытия, обрести любовь и цель жизни в равной степени обречены на поражение.

Одним из центральных действующих лиц романа является гравировщик Джон Сингер. Его личность ничем не примечательна кроме того, что он немой. Вероятно, именно из-за этого его чувство одиночества особенно обострено. Дружба Сингера с немым греком Спиросом Антонапулосом является скорее попыткой защититься от гнетущего одиночества. Мы видим, что дружба эта доставляет Сингеру немало хлопот, так как Спирос капризен и неблагодарен, но Сингеру он представляется мудрым и добрым. У Спироса обнаруживается расстройство психики, и его помещают в приют для душевнобольных. После этого Сингер помышляет лишь об одном: навестить в отпуск своего друга. Одновременно с этим Сингер меняет место жительства и заводит новых знакомых: они видят в Сингере того человека, которого им не хватает в жизни. Эти люди приходят к нему в комнату как на исповедь, чтобы рассказать о самом сокровенном. Как пишет в своём исследовании В.В. Переяшкин, «Сингер — это персонаж-форма, которую каждый из героев наполняет содержанием своих иллюзий» [6: с. 127]. К этим персонажам относятся девочка-подросток Мик Келли, недавно появившийся в городе механик Джек Блаунт, владелец кафе, в котором обедает Сингер, Биф Бреннон и афроамериканец — доктор Копленд.

Персонажи романа созданы автором реалистично, но в несколько гротескной форме, и каждый из них заключает в себе множество внутренних противоречий.

Доктор Копленд представлен блестяще образованным, мыслящим человеком, любящим «свой негритянский народ» и страдающим от осознания его пороков и недостатков, что отделяет его от других соплеменников и усугубляет его одиночество. Его существование пронизано чувством цели: «Всю свою жизнь он знал, для чего он работает. Он всегда знал, что призван учить свой народ. Целый день он ходил со своим саквояжем из дома в дом и рассказывал обо всём на свете» [1: с. 63]. Он изо всех сил пытается изменить положение своего этноса в этой стране, но люди, живущие в беспросветной нищете, не могут в одночасье изменить свою природу. Случайно познакомившись с Сингером, доктор Копленд видит в нём единственного белого человека, который способен его выслушать и понять. В общении с Сингером он черпает силы для того, чтобы продолжать свой нелёгкий труд по лечению и просвещению хотя бы небольшой части своих сограждан. В минуты общения с немым у доктора Копленда возникает иллюзия, что социальных барьеров нет, а разница между белыми и чёрными преодолима.

Появление в романе другого персонажа, Джейка Блаунта, весьма необычно. Впервые мы встречаем его в состоянии длительного запоя. В тот ночной час, когда кафе, где он сидит, должно закрыться, он выясняет, что остался один в чужом городе и ему некуда податься. Сидевший в кафе Сингер уводит его к себе. Интересно, что только на следующий день и после чужой подсказки Джейк узнаёт, что Сингер немой. Тем не менее он считает его самым лучшим собеседником и регулярно навещает его, изливая душу. Довольно комично выглядит то, что Джейк Блаунт считает себя прозревшим и стремится открыть явившуюся ему правду другим людям, подобно пророку либо мудрецу: «Мы с Христом и Карлом Марксом могли бы втроём сесть за стол» [1: с. 133]. Одиночество и отчуждённость Джейка вызваны тем, что он чужой в этом городе, а также радикальностью его социалистических идей. Сам он не имеет твёрдой позиции в жизни и, утратив веру в Бога, пытается самостоятельно заполнить образовавшийся вакуум. Со стороны это выглядит нелепо и смешно, Джейк сам иронизирует над своими попытками обрести смысл существования: «На сегодняшний день лозунг был такой: “Ступай в мир, найди осьминога и надень на него носки”» [1: с. 57].

Чтобы обосноваться в городе, Джейк устраивается на работу механиком по обслуживанию карусели. Когда он начинает её осматривать, его глазам предстаёт совершенно сюрреалистическая картина: «При свете заходящего солнца неподвижные деревянные лошадки имели странный, причудливый вид. Они замерли на скаку, пронзённые тускло позолоченными брусками. У лошадки рядом с Джейком была трещина в деревянном облезлом крупе, а с закатившихся глаз — слепых и обезумевших — облетела краска. Джейку казалось, что эта мёртвая карусель может привидеться только в пьяном сне» [1: с. 53]. Находясь внутри карусели, Джейк чувствует себя отделённым от всех остальных людей. Обратим внимание, насколько символично этот образ человека внутри карусели передаёт характер общественных отношений, которые сохранили ещё некую форму,

но совершенно утратили смысл. Ритуал общественной жизни делает людей одинокими, безжалостно делит их на группы, замыкая их существование в заколдованный круг карусели безысходности. И любой человек, решившийся противостоять сложившемуся порядку вещей, вступает в конфликт со своими же соотечественниками, которые не в силах выйти из замкнутого круга.

Несколько иными причинами обусловлен конфликт с действительностью другого персонажа, Мик Келли. Это чувствительная и одарённая девушка-подросток, родившаяся в бедной многодетной семье. В её поведении очевидна тяга к искусству и музыке, к романтическому и мистическому, что вызывает непонимание со стороны родственников и одноклассников. По мере взросления конфликт Мик с окружающей действительностью обостряется, и мы можем судить об этом по сюжету её школьных рисунков: «на одной картине был изображён падающий самолёт, из которого, спасаясь, выпрыгивают люди, а на другой — крушение трансатлантического лайнера, где пассажиры толкаются, чтобы попасть в единственную шлюпочку <...> Картина маслом изображала драку на Брод-стрит, в которой участвует весь город» [1: с. 37]. Единственный путь примирения с реальностью — это её воображаемая «внутренняя комната», путь в которую ей открывает музыка. После знакомства с Сингером она обретает в нём внимательного слушателя и доверяет ему все свои самые сокровенные мысли. Общаясь с Сингером, Мик не ждёт от него ответа, поскольку молчание гораздо более амбивалентно, чем даже самый благожелательный ответ. Пожалуй, именно поэтому Мик обожествляет образ Сингера: «Когда она думала о том, как раньше представляла себе Бога, перед её глазами почему-то сразу возникал мистер Сингер, обёрнутый в длинную белую простыню. Бог молчит — может, потому он ей таким представлялся» [1: с. 100]. Общение с Сингером позволяет Мик дать выход эмоциям, копившимся у неё в душе, и примиряет до некоторой степени романтический внутренний мир с абсурдом убогой действительности.

Персонаж, который в наименьшей степени зависим от Сингера, — владелец кафе Биф Бреннон. Для него работа в кафе — это ещё и возможность помочь людям, именно поэтому он держит кафе открытым в ночные часы. Он самостоятельно стремится постичь смысл бытия, отказываясь верить в его абсурдность. Биф женат на женщине по имени Алиса, но после пятнадцати лет брака они чувствуют себя совершенно чужими людьми, а их разговоры чаще всего происходят в жанре ссоры. Тем не менее, когда его нелюбимая и надоедливая жена умирает, Бифа охватывает чувство невосполнимой утраты и бездонного одиночества. Именно необратимая утрата близкого человека позволяет полностью проявиться чувству привязанности и любви, которые раньше были отодвинуты на задний план раздражением и мелкими обидами. Всё происходящее в романе он наблюдает как бы со стороны, все события происходят у него на глазах, но без его прямого участия. Сам он часто заходит к Сингеру, но не для того чтобы излить душу, а чтобы узнать его мнение.

Как видим, все эти персонажи создали некий культ Сингера, заполнив вакуум неверия, образовавшийся в их душах. Ирония заключается в том, что сам Сингер не осознаёт себя как человека, даже способного дать дельный совет. Он готов выслушивать этих людей, но ничем не может им помочь. Безмолвствуя, он лишь способствует тому, чтобы эти люди нашли ответ внутри себя. Сам он является таким же одиноким и слабым, как они, если не в большей степени. Как мы помним, Сингер сам создал своеобразный культ поклонения своему другу, Антонапулосу, которого считает мудрым и добрым. Причём эту иллюзию не разделяет никто, кроме него. Но Сингер воображает, что видит в нём то, чего не видят другие. Навещая своего друга раз год в приюте для душевнобольных, он словно общается со сверхъестественным. В минуты уныния или при принятии трудного решения Сингер обращается мыслями к Спиросу, и это общение уже становится для него насущной потребностью.

Как можно заметить, Мик, Джейк и доктор Компсон поклоняются образу Сингера, Биф также принадлежит к этой группе, но его поклонение более осторожно и не лишено сомнений. А сам Сингер поклоняется образу Спироса, причём поклонение это никак не связано с реальными достоинствами его личности. Маккаллерс выражает эту схему с большим художественным мастерством в виде сна Сингера, в котором чувствуется трагическая незащитность их иллюзии: «Наверху лестницы на коленях стоял Антонапулос. Он был голый и теребил какой-то предмет, который держал над головой, воздев кверху глаза, словно в молитве. Сам Сингер тоже стоял на коленях, но на полпути вниз. И он был голый, ему было холодно, но он не мог отвести глаз от Антонапулоса и от того, что тот держит над головой. За своей спиной, внизу, он ощущал присутствие усача, девушки, чёрного доктора и четвёртого гостя. Они тоже стояли голые на коленях, и он чувствовал на себе их взгляды» [1: с. 186].

В следующий раз приехав к Спиросу во время отпуска, Сингер обнаруживает, что его друг умер. И это становится для него настоящим ударом. Ничто не может заменить ему той иллюзии, которую он сам себе создал. По дороге на станцию он неожиданно встречается с тремя глухонемыми и знакомится с ними. Новые знакомые ему сердечно рады, и, казалось бы, у него есть теперь все шансы обрести новых друзей. Но Сингер холодно прощается с ними, возвращается в свой город и сводит счёты с жизнью. Это ещё раз подтверждает, что для него было важным не само общение с себе подобными, а та иллюзия, которой он жил. Смерть Сингера — тяжёлый удар для всех его поклонников. Доктор Копленд теряет последние силы и оставляет своих пациентов, чтобы тихо дожить в деревенском углу у своих родственников. Но ему так и не удаётся преодолеть чувство утраты и заново обрести цель и смысл существования.

Джейк Блаунт считал, что в лице Сингера он обрёл единомышленника, который поможет в борьбе за его идеалы. Кроме того, Сингер был очень внимательным слушателем, в то время как остальные не воспринимали Блаунта всерьёз. Он видел свою задачу в том, чтобы объяснить рабочим, беднякам и всем

угнетённым их истинное положение, но никому не было до него дела. Глухонемой был для него более полноценным человеком, чем все остальные слышащие. Поэтому после смерти Сингера он испытывает нечто совсем иное: «чувство, которое охватило Джейка, когда он услышал, что немой покончил с собой, было не печалью, а злобой. Перед ним встала стена. Он припоминал те потаённые мысли, которые мог открыть одному Сингеру; с его смертью, казалось, их больше не стало» [1: с. 295].

Мик Келли крайне тяжело переживает смерть Сингера, поскольку только что вступила в ту пору своей жизни, когда надо принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, а совета спросить не у кого. Для неё Сингер также был своеобразным ретранслятором её внутреннего голоса. Мик не стеснялась рассказывать ему о своих скрытых желаниях, которые порой конфликтуют с реальным положением вещей. Лишь при участии Сингера она могла прислушаться к своему внутреннему голосу: «теперь она больше не думает о музыке. Вот что смешно. Будто от неё заперли её внутреннюю комнату на ключ» [1: с. 305]. Вместо того чтобы продолжить занятия музыкой и учёбу в колледже, она устраивается на работу в торговый дом Вулворта. Мик оправдывает это нехваткой денег в семье и тем, что после каникул вернётся к учёбе. По прошествии некоторого времени мы видим, что она продолжает работать в магазине, оставив попытки осуществить мечту, а семья её тем не менее не стала богаче.

И лишь в сознании скептически настроенного Бифа Бреннона смерть Сингера не вызывает таких решительных изменений. Напротив, ему открывается картина того, как все люди тянулись к Сингеру по совершенно разным причинам, и каждый в нём видел то, что требовалось именно ему. Бифу открывается истина: присутствие Сингера в жизни этих людей несколько не улучшило её, а лишь на время притупило боль от столкновения с безразличием действительности. После его смерти эти люди оказались, пожалуй, в ещё худшем положении, чем были до встречи с Сингером, поскольку частично утратили способность воспринимать реальность в её истинном виде. И теперь, для того чтобы заново обрести цель и смысл, им придётся приложить значительно больше усилий, поскольку верить в иллюзию было значительно проще. Сам же для себя Бреннон определяет другой путь, который не сильно отличается от его прежнего принципа. Только теперь этот путь рассчитан так, чтобы в нём не было места иллюзии: «Кого ему теперь любить? Никого в отдельности. И любого порядочного человека, который войдёт сюда с улицы посидеть часок и выпить. Но никого в отдельности» [1: с. 309].

Как видим, роман написан в притчевой форме, и при помощи образов вымышленных героев в нём создана картина, которую мы можем нередко встретить в действительности. Зачастую сознание человека создаёт себе объект поклонения вне всякой зависимости от его реальной ценности или заслуг, со всей серьёзностью настоящего культа. Но если традиционные верования послужили основой для создания тех культурных и общественных ценностей,

которые легли в основу современного человеческого общества, то у спонтанно возникающих или искусственно созданных культов, призванных заполнить некий вакуум неверия, нет сложившейся системы ценностей. Зачастую они не сообщают человеку никакого созидательного импульса. После того как Сингер покончил с собой, герои снова оказались на нулевой отметке и должны заново устанавливать отношения с действительностью.

По логике романа, получается, что сотворение кумира в жизни человека или человеческого общества далеко не так безобидно, как кажется. Герои романа, выбрав Сингера в качестве своеобразного объекта поклонения, на время приобретают утешение, но этим они нисколько не приближают решение проблемы, а лишь откладывают его. Особенно остро это чувствуется в образе юной Мик Келли, которая ещё не приобрела способности принимать самостоятельные решения до встречи с Сингером и окончательно утратила её после общения с ним. Она теряет способность прислушиваться к внутреннему голосу, поскольку общение с Сингером заменяет ей это. И когда Сингер погибает, вместо того чтобы ценой некоторых усилий осуществить мечту, Мик выбирает путь наименьшего сопротивления и безоговорочно следует воле обстоятельств. Создавая такой объект поклонения, человек, вместо того чтобы принимать решения самостоятельно, постоянно делегирует принятие решения некой внешней силе, неважно, личной или безличной, снимая с себя ответственность за это решение.

Ещё один вывод заключается в том, что сам Сингер нисколько не виноват в создавшейся ситуации. Вина лежит на тех людях, которые вместо самостоятельного поиска истины пытаются найти готовый ответ. Здесь автор убедительно доказывает, что в области жизненных принципов нет уже готовых («ready-made») решений, которые так популярны в современном обществе. Каждый человек должен приложить самостоятельные усилия для формирования жизненных принципов. Их нельзя позаимствовать у кого-то другого, каким бы мудрым он ни казался со стороны. К таким выводам нас приводит анализ мотива сотворения кумира в романе К. Маккаллера «Сердце — одинокий охотник», который по праву занимает место в ряду книг, считающихся классикой американской литературы XX века.

Библиографический список

Источники

1. Маккаллерс К. Сердце — одинокий охотник. М.: Молодая гвардия, 1969. 318 с.
2. McCullers C. The Heart Is A Lonely Hunter. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 359 p.

Литература

3. Афанасьева О.В. Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVII–XIX веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 8–15.

4. Баранова К.М. Истоки лейтмотива *wilderness* в американской литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 17–23.

5. Памятник, сотворённый себе. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/9/sredikn03.html>.

6. Переяшкин В.В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции: на материале произведений К. Маккаллера, У. Стайрона, К. Маккарти, Л. Смит: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Пятигорск, 2010. 490 с.

7. Carr V.S. Understanding Carson McCullers. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. 181 p.

8. Gleeson-White S. Strange Bodies: Gender and Identity in the Novels of Carson McCullers. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2003. 168 p.

9. McDowell M.B. Carson McCullers. Twayne Publishers, 1980. 158 p.

10. McGill R. The South and the Southerner. Boston: Little Brown, 1963. 307 p.

11. The Cambridge Companion to the Literature of the American South / Ed. by Sh. Monteith. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 242 p.

12. The Carson McCullers Project. URL: <http://carson-mccullers.com>.

References

Istochniki

1. Makkalers K. Serdce — odinokij oxotnik. M.: Molodaya gvardiya, 1969. 318 s.

2. McCullers C. The Heart Is A Lonely Hunter. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 359 p.

Literatura

3. Afanas'eva O.V. Razvitie i transformaciya motiva «predopredelenie» v amerikanskoj literature XVII–XIX vekov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 8–15.

4. Baranova K.M. Istoki lejtmotiva *wilderness* v amerikanskoj literature // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 17–23.

5. Pamyatnik, sotvorenyj sebe. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/9/sredikn03.html>.

6. Pereyashkin V.V. Tvorchestvo amerikanskix pisatelej vtoroj poloviny' XX veka v kontekste yuzhnoj literaturnoj tradicii: na materiale proizvedenij K. Makkallera, U. Stajrona, K. Makkarti, L. Smit: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.03. Pyatigorsk, 2010. 490 s.

7. Carr V.S. Understanding Carson McCullers. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. 181 p.

8. Gleeson-White S. Strange Bodies: Gender and Identity in the Novels of Carson McCullers. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2003. 168 p.

9. McDowell M.B. Carson McCullers. Twayne Publishers, 1980. 158 p.

10. McGill R. The South and the Southerner. Boston: Little Brown, 1963. 307 p.

11. The Cambridge Companion to the Literature of the American South / Ed. by Sh. Monteith. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 242 p.

12. The Carson McCullers Project. URL: <http://carson-mccullers.com>.

М.А. Стрельникова

Региональный литературный ландшафт: «уездное» Черноземье

В статье раскрывается сущность концепта «литературный ландшафт», приводятся примеры литературных ландшафтов Ельца и Лебедяни. Литературный ландшафт рассматривается как один из способов познания глубинных культурных процессов региона и популяризации литературного наследия в практике экскурсионной деятельности.

The article defines the essence of the «literary landscape» concept with the examples of Yelets and Lebedyan literary landscapes. The author examines the literary landscape as a way of insight into the regional cultural processes on the one side and a method of literary heritage promotion in the excursion practice on the other.

Ключевые слова: культурный ландшафт; литературное краеведение; литературный ландшафт; культурное наследие; литературный туризм.

Keywords: cultural landscape; local lore study; literary landscape; cultural heritage; literary tourism.

Липецкая область имеет интересную литературную историю, связанную с такими выдающимися именами, как И.А. Бунин, М.М. Пришвин, Е.И. Замятин. На сегодняшний день накоплен ценный материал литературно-краеведческих изысканий, создающих объёмную картину литературной истории края. Этот исследовательский массив включает в себя такой важный элемент литературно-краеведческого анализа, как изучение местных реалий в художественной структуре произведений в сочетании с глубоким культурологическим подходом в освоении литературного материала. Именно этот аспект может послужить основой для выделения литературных ландшафтов и их изучения с концептуальной точки зрения. Литературный ландшафт при этом может выступать и как инструмент, способ постижения художественного мировоззрения писателя, и как самостоятельный предмет исследования, заключающий в себе возможность глубоких культурологических и философских обобщений.

Данная статья — это попытка обозначить основные векторы в содержании концепта «литературный ландшафт» на материале произведений И.А. Бунина, М.М. Пришвина, Е.И. Замятина, представивших в своем творчестве многомерную, полноцветную картину «уездной» России в её знаковых, сердцевинных точках — Ельце и Лебедяни.

Прежде чем приступить к характеристике регионального литературного ландшафта, следует отметить типологическую связь этого понятия

с концептом «культурный ландшафт», имеющим достаточно широкое научное истолкование.

В отечественную научную литературу термин «культурный ландшафт» ввёл Л.С. Берг. В статье «Предмет и задачи географии» (1915) он писал: «Другими словами, конечную цель географии составляет изучение и описание ландшафтов как природных, так и культурных. Природными ландшафтами мы называем такие, в создании которых человек не принимал участие, в отличие от культурных, в которых человек и произведения его культуры играют важную роль» (цит. по: [8: с. 28]).

К понятию «произведения культуры человека», безусловно, относятся и литературное творчество как важнейший элемент культурной деятельности человека, и «литературный ландшафт» как неотъемлемая часть «культурного ландшафта». Согласно Ю.А. Веденину, реальные литературные ландшафты формируются в результате сотворчества писателя с конкретными природными и социокультурными процессами, происходящими на определённой территории [8: с. 31].

В литературоведении, в постижении творческой лаборатории писателя очень важно, на наш взгляд, использование этого инструментария — исследование и интерпретация конкретного литературного ландшафта. В первую очередь, важно это в том смысле, что образ места может быть как самостоятельной точкой, дающей толчок к художественному осмыслению, так и производной.

Еще один весьма интересный момент: *сочетание реального и вымышленного плана*. Анализ соотношения этих двух рядов — словесного, образного и визуального, сохранившегося — важная часть литературно-краеведческой работы.

Приведём несколько примеров описаний ландшафтов «уездной» России, которые могут быть отнесены к литературным ландшафтам. Ценным материалом в этом плане является город Елец, уголок бунинско-пришвинской России. Елецкий литературный ландшафт, выстраиваемый на основе произведений И.А. Бунина и М.М. Пришвина, имеет вполне конкретное содержание, чёткую пространственную структуру и границы.

Елец — особая глава в жизни И.А. Бунина, город его отрочества, юности. Елецкий дискурс прочитывается в «Подснежнике», «Лёгком дыхании», «Позднем часе», «Деревне». Ельцу посвящены десятки страниц в романе «Жизнь Арсеньева». Вдали от России писатель часто вспоминал Елец, а в рассказе «Поздний час», мысленно возвращаясь сюда, путешествует по знакомым улочкам, переживая заново всё то, что волновало когда-то в юности. Следуя за писателем, можно выстроить точный, до скрупулезности, маршрут: «Дорога была опять знакома. Все прямо, потом влево, по базару, а с базара — по Монастырской — к выезду из города. Базар как бы другой город в городе. Очень пахучие ряды. В Обжорном ряду, под навесами над длинными столами и скамьями, сумрачно. В Скобяном висит на цепи над серединой прохода икона большеглазого Спаса в ржавом окладе. В Мучном по утрам всегда бегали, клевали по мостовой целой стаей голуби. Идешь в гимназию — сколько их! <...> А ночью тут быстро и озабоченно

носились крупные темные крысы <...> На выезде, слева от шоссе, монастырь времен царя Алексея Михайловича, крепостные, всегда закрытые ворота и крепостные стены, из-за которых блестят золоченые репы собора. Дальше, совсем в поле, очень пространный квадрат других стен, но невысоких: в них заключена целая роща, разбитая пересекающимися долгими проспектами, по сторонам которых, под старыми вязами, липами и березами, все усеяно разнообразными крестами и памятниками» [2: с. 34].

Топосы города Ельца узнаваемы в тексте романа «Жизнь Арсеньева»: «Там, при въезде в него, — древний мужской монастырь... <...> Затем, если идти от монастыря назад в город, по Долгой улице, то влево будут бедные и грязные улицы, спускающиеся к оврагам <...> Дальше, за притоком, — Черная Слобода, Аргамача, скалистые обрывы, на которых она стоит, и тысячи лет текущая под ними на далекий юг, к низовьям Дона, река, в которой погиб когда-то молодой татарский князь <...>. Его, говорят, покарала чудотворная икона божьей матери, и доньне пребывающая в самой старой из всех наших церквей <...>. А за рекой, за городом, широко раскинулось на низменности Заречье: это целый особый город и целое железнодорожное царство <...>» [1: с. 60–61].

От реки, от собора, дорога, если свернуть вправо, приведёт к гимназии, где он учился. Вот как описывается гимназия в рассказе «Поздний час»: «<...> хотел взглянуть на гимназию. И, дойдя до нее, опять подивился: и тут все осталось таким, как полвека назад; каменная ограда, каменный двор, большое каменное здание во дворе — все так же казенно, скучно, как было когда-то, при мне» [2: с. 33].

Вспоминает Бунин и женскую гимназию, зимний бал: «Возвращаясь после ученья домой, мы <...> нарочно шли по той улице, где была женская гимназия, во дворе которой уже выравнивали сугробы по бокам проезда к парадному крыльцу и сажали в них два ряда необыкновенно густых и свежих елок» [1: с. 67]. Есть у Бунина описание Городского сада: «<...> меня поразила несметная, от тесноты медленно движущаяся по главной аллее толпа, пахнувшая пылью и дешевыми духами, меж тем как в конце аллеи, в сияющей цветными шкаликами раковине, томно разливался вальсом, рычал и гремел во все свои медные трубы и литавры военный оркестр. <...> Перед раковиной, на площадке, бил среди большого цветника, орошая его прохладным водяным дымом, раскидистый фонтан, и мне навсегда запомнилась его свежесть и прохладный, очаровательный запах обрызганных им цветов, которые, как я узнал потом, назывались просто «табак» <...> [1: с. 59].

То, что отражено в бунинских строках, сохранилось в Ельце и поныне: Городской сад, женская и мужская гимназии, Чёрная слобода, Аргамача, собор, женский монастырь, старое городское кладбище. «Древний мужской монастырь», упоминаемый писателем неоднократно, это Елецкий Троицкий мужской монастырь, разрушенный в советское время. В конце XIX – начале XX века, тогда, когда его видел И.А. Бунин, монастырь представлял собой крупный архитектурный комплекс и один из значимых духовных центров города. «Древним» писатель его

именует не случайно — предания приписывают основание монастыря Елецкому князю Фёдору после сражения на Куликовом поле, то есть, в XIV веке. Однако сейчас о былой мощи монастыря напоминают лишь стены и колокольня, на которой недавно был установлен шпиль с крестом.

Нет в городе Мучных, Скобяных рядов, но Обжорные возрождаются благодаря силе художественного слова И.А. Бунина, так как именно ему посвящены фестивали в Ельце «Русская закваска» и «Антоновские яблоки», в рамках которых осуществляется реконструкция знаковых мест города.

Объединив елецкие зарисовки в произведениях И.А. Бунина, можно составить целостную картину уездного купеческого города, некий культурно-географический срез, где всё — и природа, и люди, и история — находится в неразделимом единстве. Такова семиотическая особенность бунинского елецкого литературного ландшафта.

В дневниках и художественных произведениях М.М. Пришвина город предстаёт в своей конкретике и так подробно, что на основе этих описаний возможно создание литературных путеводителей и экскурсионных маршрутов. Вот, например, описание Ельца в романе «Кашеева цепь»: «В Черной слободе все подводы будто провалились: это они спустились тихо под крутую гору до Сергия. Ловкачи в серебряных поясах пускали с полгоры своих коней во весь дух и сразу выкатывались на полгоры вверх. Когда выбрались наверх из-под Чернослободской горы, тут сразу и стал перед Курымушкой собор, и тут на Соборной улице, в доме, похожем на сундук, у матери прямо начался разговор о Курымушке с тетушкой Калисой Никаноровной» [3: с. 98].

Чёрная слобода — один из объектов литературного ландшафта — осталась такой, как описали её Бунин и Пришвин. «Храм Сергия», Владимиро-Сергиевский храм... Когда-то здесь был крещён Николай Тихонов, в будущем преп. Нектарий Оптинский. В настоящее время церковь восстанавливается, и её можно считать вместе с Валуйским мостом опорной деталью литературного ландшафта. Дом тётушки Калисы Никаноровны (один из трёх домов, находящихся на перекрёстке ул. Октябрьской и ул. Коммунаров), благодаря художественному описанию, стал литературным памятником.

Из тех мест, которые описаны Пришвиным, следует назвать многочисленные елецкие магазины и парикмахерские, трактиры и гостиницы, почтамт и банки, кожевенный завод и табачную фабрику. Но важность представляют не только материальные объекты литературного ландшафта, но и духовная основа, национально-культурные доминанты, выраженные в художественном тексте.

Городские постройки, приметы быта, улицы, пейзажи, небо, воздух, звуки и краски получают второе рождение в художественном пространстве произведения только в соединении с передачей духа, атмосферы места, ставшего точкой вдохновения.

«Образ места» только в соединении с «образом мыслей», ментальностью может дать целостную картину. Культурный, или литературный в нашем

рассмотрении, ландшафт, это образ места и присущий данному месту «образ мыслей», духовно-нравственное устройство, ментальность, присущая данной территории. «Ландшафт конструируется не как место действия, а как континуум, в котором переплетены культурные и природные компоненты» [10: с. 13].

Если говорить в целом о литературном ландшафте г. Ельца, то следует отметить, что места, описанные Буниным и Пришвиным, легко узнаваемы сегодня. Это свидетельство, с одной стороны, реалистичности и топографической точности описаний и, с другой стороны, хорошо сохранившегося историко-архитектурного пространства города. Центральная часть города с его исторической застройкой представляет собой живую декорацию купеческого городка XIX века, музей под открытым небом.

Очень чётко определяется лебедянский литературный ландшафт благодаря местному колориту произведений Е.И. Замятина. Основным источником литературной географии Лебедяни — повесть Е.И. Замятина «Уездное». По утверждению Н.Н. Комлик, благодаря которой в орбиту литературного краеведения была включена «густая чернозёмная Лебедянь», «легко и просто восстанавливаешь замятинскую художественную реальность в интерьере современной Лебедяни»: Троицкий, овейный легендами монастырь, и, необычной архитектуры «в стиле рукописных миниатюр храмов 14–15 вв.», Ильинскую церковь, и Дворянскую улицу, и монастырский лес, и Стрелецкий пруд, и на его краю «Апросину избенку», и кражистый дом Чеботарихи. Лебедянь, её «парчёвый» воздух, весь расшитый запахом яблок, её обычаи, традиции, нравы питали творческую мысль Е. Замятина, рождая сюжеты, образы, метафоры [7: с. 182].

Литературный ландшафт Лебедяни выстраивается из замятинских образов Анфима Барыбы и купчихи Чеботарихи, густого «яблочного» воздуха, ярких колоритных портретов и метких речевых характеристик героев и топографических деталей, вполне узнаваемых и сегодня. Сохранились отражённые в замятинском творчестве Троицкий монастырь, в котором, по преданию, был пострижен в иноки патриарх Филарет, и Ильинская церковь, и Тяпкина гора.

Современная Замятину Лебедянь и глубокий исторический контекст, органично вошедшие в художественную ткань произведений писателя, образуют удивительный в своей конкретике образ уездной России, её «черноземного нутра». Литературная, художественная колористика в сочетании с городскими подробностями создают полотно лебедянского литературного ландшафта, имеющего реальное отражение в сегодняшнем дне.

В данной статье речь идёт о знаковых для Ельца и Лебедяни именах — И.А. Бунине, М.М. Пришвине, Е.И. Замятине, каждый из которых, основываясь на своём прочтении и ощущении «места», «пространства», «дома», создаёт точные в бытописательском, этнографическом и географическом планах локальные литературные ландшафты, представляющие, в конечном итоге, художественное полотно «уездного Черноземья».

Отметим ещё одну существенную деталь литературного ландшафта — образ «дома». Дом как важнейшая составляющая художественного мира писателя —

предмет изучения, дающий нередко ключ к постижению мировоззренческих основ, это «сложный субъективный феномен, обозначающий не только материальный предмет, данный в чувственном созерцании, но и ёмкий художественный образ», «объект, имеющий некую метафизическую сущность, обращённую к мирозданию и душе человека» [9: с. 34]. В рассматриваемых нами примерах «дом» — это не только каждая деталь созданного пространства, это точный, далёкий от приторной сентиментальности образ русской провинции. Это ощущение родины, которое передаётся через детали русского провинциального быта, атмосферу патриархальности и колоритные образы горожан, позволяет говорить о литературных ландшафтах Ельца и Лебедяни как идентификации самобытной культуры уездной России и, шире, национальной идентификации.

Особый интерес представляет проблема сохранения реальных литературных пейзажей, созданных благодаря отражению конкретных природных и социокультурных явлений определённой местности в творческом сознании писателя. Есть ландшафты, в которых сохраняются вещественные объекты. И Елец, и Лебедянь, как мы убедились, дают нам достаточно примеров таких поистине заповедных территорий.

Однако ценность литературных ландшафтов заключается ещё и в том, что, в случае уничтожения или частичной утраты материальных объектов, информационный пласт, содержащийся в художественном описании, остаётся неизменным, и литературный ландшафт, таким образом, выполняет помимо информационной ещё одну весьма важную функцию — сохранения и популяризации культурного наследия. В этом плане литературные ландшафты являются необходимой основой в создании экскурсионных маршрутов, что особенно актуально для активно развивающегося в последнее время литературного туризма.

В Липецкой области такие маршруты существуют («Елец в жизни и творчестве И.А. Бунина», «Пришвинский Елец», «Лебедянь литературная», «Бунинское подстепье», «Бунинский Елец»). Стоит отметить, что большая часть таких маршрутов построена именно на основе литературных ландшафтов, в основном сохранивших в первозданном виде культурный вещественный слой. Это позволяет с помощью экскурсионной методики и художественного текста не только приобщить экскурсантов к лучшим образцам национальной литературы, но и включить их в процесс сотворчества, вслед за писателем, его глазами увидеть ту эпоху, культуру, пейзажи и городские реалии — увидеть и почувствовать себя частью истории, навсегда запечатлённой в пространственном и духовном восприятии конкретного ландшафта, ставшего точным «образом места».

Библиографический список

Источники

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Терра, 1996. 560 с.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1988. 560 с.
3. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1956. 576 с.

Литература

4. Бунинская Россия: Елец: коллектив. монография. Вып. 3. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 161 с.
5. *Веденин Ю.А.* Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.
6. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
7. Литературное краеведение в Липецкой области: учеб. пособие / Под ред. А.М. Стрельцова. Елец: ЕГПИ, 1997. 331 с.
8. *Любичанковский А.В.* Проблема понимания культурных ландшафтов в современной отечественной науке // Вестник ОГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 10. С. 28–34.
9. *Матвеева И.И.* Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 27–35.
10. *Морженкова Н.В.* Изоморфизм текста и ландшафта в романе Г. Стайн «Люси Чёрч, с любовью» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 8–15.

Referances*Istochniki*

1. *Bunin I.A.* *Sobr. soch.:* v 6 t. T. 5. M.: Terra, 1996. 560 s.
2. *Bunin I.A.* *Sobr. soch.:* v 4 t. T. 4. M.: Pravda, 1988. S. 33–34.
3. *Prishvin M.M.* *Sochineniya:* v 6 t. T. 1. M.: GIXL, 1956. S. 98.

Literatura

4. Buninskaya Rossiya: Eлец: kolektiv. monografiya. Vy'p. 3. Eлец: EGU im. I.A. Bunina, 2008. 161 s.
5. *Vedenin Yu.A.* *Literaturny'e landshafty' kak ob''ekty' naslediya* // *Geografiya v shkole.* 2006. № 8. S. 15–21.
6. *Kul'turny'j landshaft kak ob''ekt naslediya* / Pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej. M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. 620 s.
7. *Literaturnoe kraevedenie v Lipeczkoj oblasti: ucheb. posobie* / Pod red. A.M. Strel'czova. Eлец: EGPI, 1997. 331 s.
8. *Lyubichankovskij A.V.* *Problema ponimaniya kul'turny'x landshaftov v sovremennoj otechestvennoj nauke* // *Vestnik OGU. Ser. «Gumanitarny'e nauki».* 2007. № 10. S. 28–34.
9. *Matveeva I.I.* *Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova* // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2014. № 3(15). S. 27–35.
10. *Morzenkova N.V.* *Izomorfizm teksta i landshafta v romane G. Stain «Lyusi Chyorch, s lyubov'yu»* // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2011. № 2(8). S. 8–15.

М.А. Дрога

Рифмованные сложения как элементы языковой игры (на материале русского и английского языков)

Статья посвящена исследованию составного рифмованного сложения как средства словообразовательной игры. Рассматривается место данной категории слов в лексической системе, а также особенности их употребления в русском и английском языках.

The article is devoted to the study of composite rhyming compounds as a means of word formation play. It explores the place of this category of words in the lexical system and peculiarities of their use in the Russian and English languages.

Ключевые слова: неузальный способ словообразования; рифмованные сложения; гендиадис; языковая игра.

Keywords: non-traditional method of word formation; rhyming compounds; hendiadys; word play.

Сложные слова представляют собой особую лексическую подсистему языка. Новые сложные слова в современном русском языке образуются по модели, несвойственной русской словообразовательной системе. «Активизация данной структурной группы лексики есть одно из проявлений лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие принципа экономичности в языке» [3: с. 35]. На конкретном фактическом материале в русском и английском языках сделана попытка выявления специфических черт сложных слов с рифмованными компонентами. Обратимся к вопросу о статусе исследуемых единиц.

Типология сложных составных слов в русском языке чётко и последовательно представлена в работах Н.М. Шанского [12: с. 270–272], который выделил следующие основные группы:

I. Удвоения (повторы), представляющие собой «усилительную» по семантике и экспрессивную по характеру редупликацию того или иного слова (прилагательного, глагола, наречия, междометия и звукоподражания): *синий-синий, еле-еле, читали-читали, кис-кис* и т. п. В ряде случаев удвоение может

одновременно сопровождаться префиксацией или суффиксацией (ср. например, *злой-презлой, дурак дураком* и др.).

II. Синонимические сближения типа *звать-величать, путь-дорога, ум-разум, барыня-сударыня*. Важно отметить, что данная группа слов в общем употреблении немногочисленна и к ней относятся, как правило, индивидуально-авторские новообразования, прикреплённые к художественному контексту.

Промежуточной между первой и второй группами автор считает слова *трень-брень, шалей-валяй, шуры-муры, трали-вали, фигли-мигли, гоголь-моголь*, свойственные разговорному стилю речи.

Важным представляется нам положение А.Ф. Журавлёва, в соответствии с которым исследуемые образования называются **разнословными сложениями**, в которых рематический компонент соответствует отдельному слову и выражает новый признак узуального слова [4: с. 85]. В разнословном сложении А.Ф. Журавлёв считает необходимым разграничивать аппозитивное сложение и так называемый гендиадис. Примеры аппозитивного сложения: *академик-секретарь, бал-маскарад, Бог-отец, дом-музей, изба-читальня, ковёр-самолёт, мать-героиня, режиссёр-постановщик, роман-эпопея, рыба-молот, самолёт-разведчик, сестра-хозяйка, человек-невидимка* и др. Второй компонент таких сложений является уточняющим атрибутом к препозитивному «родовому» имени. Возможна, однако, и препозиция атрибута: *рубаха-парень, кормилец-флот, батюшка-царь*. К *аппозитивному сложению*, по мнению исследователя, примыкают образования с сочинительными отношениями компонентов, например: *купля-продажа, имя-отчество, мать-отец, братья-сестры* и др. **Гендиадисом** А.Ф. Журавлёв называет рифмованное сложение слов, второе из которых может быть асемантическим, при этом «прибавление к слову рифмующегося словоподобного сегмента преследует либо орнаментальные, колористические цели, либо добавляет к прагматике слова оттенок пренебрежительности»: *винтик-шпунтик, каша-малаша, страсти-мордасти, шайка-лейка, танцы-(и)манцы, штучки-дрючки* и др.

Сложность определения статуса разнословных сложений связана также и с тем фактом, что в последнее время в научной литературе используются несколько терминов, например: **гибридизация** [6]. Анализируя указанный способ, В.М. Костюков установил, что составные наименования (гибриды) характеризуются семантической насыщенностью, что отражает стремление автора к максимальной информационной ёмкости текста в рамках ограниченного языкового пространства. Дефис является вспомогательным графическим средством соединения пар слов. Наши наблюдения над фактами языка подтверждают, что указанный способ образования новых слов довольно широко применяется в текстах газетной публицистики. В приведённых ниже примерах второй компонент сложения является самостоятельным словом:

«Кот-бегемот»: *Внимание! Дорогие читатели, мы объявляем конкурс на самого крупного кота. Не случайно мы его назвали «кот-бегемот». Известно, что самая огромная кошка в мире по кличке Химми весила 21 килограмм и 3 грамма. А может, мы побьём этот рекорд? Но даже если вес у вашего*

кота обычный, а прославился он другими своими способностями, все равно ждём вашей истории! (Комсомольская правда. 24.04.–01.05.2008).

«Лимон-дракон» (заголовок): Около 120 тонн лимонов и апельсинов ушло на создание персонажей для фестиваля «Сказочный остров» в Ментоне, на юге Франции. Дракончик — это только маленькая деталь экспозиции. Зато его можно потихоньку поедать с хвоста. С крепостной стеной такое не пройдёт (Собеседник. 2012. № 12).

К самостоятельному чистому способу словообразования относит гендиадис и В.П. Изотов, называя его разновидностью сложения [5: с. 38]. Автор выделяет несколько видов гендиадиса, при этом остаётся неясным формант того или иного способа. В англоязычной литературе употребителен термин **shm-added repeat** [8: с. 51] (для случаев типа *fancy-shmancy*).

В.З. Санников, описывая русские сложения, назвал главу своей монографии «Фокус-покус приём». Такие единицы, как *страсти-мордасти*, автор относит к необычному способу словообразования, называемый по-разному: «повтор-отзвучие», «эхо-конструкция». Суть данного приёма в том, что какое-либо слово повторяется с изменением начального звука или группы звуков. Получается своеобразный рифмованный прицеп, как бы отзвучие к базовому слову [11: с. 168]. В русской рекламе этот экспрессивный словообразовательный приём используется очень часто. Примером является строчка из джингла шоколадного батончика «Топик»:

*Все батоны-разбатоны нынче нам двоим
Не помеха: два ореха лучше, чем один.*

Исследователь Е.Г. Озерова, рассматривая особенности создания композитов в детской речи, отмечает: «Нетрадиционные способы словообразования представлены прежде всего таким способом, как гендиадис: *варенички-маленички, птенец-цыплец, чухча-мухча, супер-мупер*. Отличительной чертой употребления гендиадиса является мотивированность, семантическая наполняемость компонентов сложения» (цит. по [7: с. 76]).

Интенсификация сложных слов отмечается и в языковой системе английского языка. Так называемые **re-duplicative rhyming compounds**, то есть рифмованные составные слова, отличаются частотой использования в современных медиа: например, *hanky-panky, hubble-bubble, mish-mash* и т. п. Эти слова состоят из двух частей, как правило, одна со смыслом, вторая его не содержит. Отмечены случаи, когда каждый из компонентов имеет собственное значение, но, сливаясь в одно слово, они начинают обозначать нечто совсем другое. Иллюстрацией может служить сложение *flip-flops* — «вьетнамки» (to flip-flop — «резко поменять мнение о чем-либо»; при этом flip — «подбрасывать в воздух», а flap — «хлопок, удар»). Исследователь John Dienhart разделяет рифмованные составные слова на три группы [1]:

1) **boo-boo words**. Слова, в которых второй компонент (слог) полностью повторяет первый (*boo-boo* — «глупая и досадная ошибка», *bling-bling* — «дорогие украшения, носимые напоказ»);

2) **mish-mash words**. Слова, во втором компоненте которых меняется корневая гласная буква (*fiddle-faddle* — «пустяки, глупость, болтовня», *knick-knack* — «безделушка»);

3) **hocus-pocus words**. Сложные слова, части которых рифмуются за счёт последнего слога, т. е. первый слог различается (*hurdy-gurdy* — «шарманка», *hubble-bubble* — «шум»).

Игра словами (**wordplay**) в той или иной степени свойственна всем нам, это естественная способность каждого человека. К примеру, только начинающий говорить малыш ежедневно играет со звуками, которые слышит, «пробует» их на вкус, пытается примерить на себя, рифмует слова. На самом деле, игра словами и рифма как одна из наиболее ярких её форм — важный этап усвоения языка у детей, который тесно связан с последующим мастерством владения языком и грамотностью. Многие английские детские произведения построены на игре слов, а именно на использовании *рифмованных сложений*. Например, *Humpty Dumpty* (Шалтай-Болтай), *Georgie Porgie* (Джорджи-Порджи) ярко имитируют английскую детскую речь. Языковые факты подтверждают активное использование элементов языковой игры в английских СМИ, рекламе или художественной литературе. Исследователи говорят о том, что рифмованные сложения становятся частью повседневного общения англичан. К примеру: *When was the last time you went to gym? That jelly belly is getting pretty big.* — *Когда ты в последний раз наведывался в спортзал? У тебя уже довольно приличное пузо. Слово jelly belly* употребляется в значении «огромный живот у мужчин».

Чаще всего исследуемые слова встречаются в телевизионных рекламных слоганах, отличающихся привлекательностью и остроумием. Речь работников СМИ характеризуется креативностью, поэтому появляющиеся в английском языке сложения рифмуются «сиюминутно» в речи современных носителей разговорного английского языка: *chick flick* («сентиментальный фильм о любви»), *nitty-gritty* («суть, детали дела»). Учёные-лингвисты, исследуя специфику подобных слов, отмечают несколько особенностей: лаконичность и ёмкость делает их запоминающимися и устойчивыми в языке; они обладают огромным потенциалом для изобретения новых слов. Сложения постоянно пополняют английский язык; они добавляют оттенки юмора и остроты в высказывание. При этом «комический эффект достигается путём привлечения внимания к тому, что высмеивается, пусть даже мягко и шутивно» [2: с. 20]. Но само по себе это не означает положительное отношение: в разговорных выражениях некоторые рифмованные компоненты характеризуются значением пренебрежительности и сарказма: *ragtag* (неорганизованная группа людей). «Каким бы был английский язык без *Georgie-Porgie, tootsy-wootsy, razzle-dazzle, heebie-jeebies, walkie-talkie, nitty-gritty, polly-wolly-doodle?* Мы практически не замечаем присутствие рифмы в словах: *picnic, humdrum, humbug, hobnob, and tidbit*: забавная суть их внутренней формы уже стёрлась» [10].

Иллюстративный материал демонстрирует, что графический критерий разграничения рифмованных сложений и смежных с ними явлений не всегда однозначен. Так, наименование *fuddy daddy*, обозначающее «старомодного человека, того, кто не приемлет ничего нового и молодёжного», встречается на письме как

с дефисом, так и без него, «поскольку выбор написания составных слов — процесс стихийный и непредсказуемый, связанный скорее с предпочтениями пользователей языка» [3]. В русском языке компоненты, рифмованные сложением, всегда связаны графическим знаком. «За дефисом» скрываются смысловые связи, благодаря которым за составным словом закрепляется определённое, только ему присущее значение.

Таким образом, разноречивой в терминологии, определениях, классификациях рифмованных сложений связан с тем, что такой материал довольно обширный и неоднородный. Это представляет большой интерес для дальнейшей детальной классификации гендиадиса. Большинство исследователей сходятся в том, что рифмованные сложения характеризуются необычной игровой формой, дефисным написанием и сложностью семантики. Эти слова образуются по моделям, ранее несвойственным русской словообразовательной системе. В узусе русского языка именные сложения (*шурум-бурум*) составляют 90 % от общего числа слов-гендиадисов. В английском языке существует большое количество глагольных рифмованных сложений (*to shilly-shally* — «колебаться»). Форма сложений в обоих языках схожа, но наполняемость их семантикой в английском языке меньшая. Объединяющим фактором выступает «одномоментность» появления гендиадиса как элемента языковой игры в конкретной речевой ситуации. Для сложений русского языка характерно обязательное наличие дефиса. Рифмованные слова чаще встречаются в газетно-публицистическом стиле английского языка. Английский язык, как никакой другой, обладает богатым потенциалом для игры слов. Даже сами англичане так часто и повсеместно употребляют редупликацию в повседневной речи, что уже не обращают внимания на то, какой необычный это феномен; «глубокий анализ и постоянное контекстуальное сравнение значений соответствующих лексических единиц английского и русского языков позволяет более точно установить семантический облик изучаемого языкового материала» [9: с. 101].

Библиографический список

Источники

1. *Dienhart J.* Stress in Reduplicative Compounds: Mish-Mash or Hocus-Pocus? // *American Speech*. 1999. Vol.74. № 1. P. 3–37.

Литература

2. *Вострикова О.В.* О комической функции эвфемизмов // *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2012. № 1. С. 17–23.

3. *Дрога М.А.* Сложные слова в русском и английском языках // *Современные тенденции в образовании и науке: сб. научн. трудов*. Т. 16. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. С. 35–36.

4. *Журавлёв А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Способы номинации в современном русском языке*. М.: Наука, 1982. С. 81–98.

5. *Изотов В.П.* Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Орёл, 1998. 341 с.

6. *Костюков В.М.* Об одной разновидности индивидуально-авторских слов // Русский язык в школе. 1986. № 4. С. 93–97.
7. *Курганова Е.Б.* Игровой аспект в современном рекламном тексте: учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 2004. 123 с.
8. *Malysheva O.* Multicultural aspect of American English vocabulary // *Vocabulum et vocabularium*: сб. научн. трудов по лексикографии / Отв. ред. В.В. Дубичинский и др. Гродно, 2002. С. 50–51.
9. *Новичков П.Ю.* Метафоризация как актуальная задача современной лингвистики // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2. С. 97–102.
10. Рифмованные составные английские слова: mish-mash, hocus-pocus, twenty-twenty, flip-flop, etc. URL: <http://multilinguablog.com/2010/11/15/>, режим доступа свободный.
11. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
12. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: КомКнига, 2005. 336 с.

References

Istochniki

1. *Dienhart J.* Stress in Reduplicative Compounds: Mish-Mash or Hocus-Pocus? // *American Speech*. 1999. Vol.74. № 1. P. 3–37.

Literatura

2. *Vostrikova O.V.* О комической функции е'vfemizmov // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1. С. 17–23.
3. *Droga M.A.* Slozhny'e slova v russkom i anglijskom yazy'kax // *Sovremenny'e tendencii v obrazovanii i nauke*: sb. nauchn. trudov. T. 16. Tambov: ООО «Konsaltingovaya kompaniya Yukom», 2013. С. 35–36.
4. *Zhuravlyov A.F.* Texnicheskie vozmozhnosti russkogo yazy'ka v oblasti predmetnoj nominacii // *Sposoby' nominacii v sovremennom russkom yazy'ke*. М.: Nauka, 1982. С. 81–98.
5. *Izotov V.P.* Parametry' opisaniya sistemy' sposobov slovoobrazovaniya (na materiale okkazional'noj leksiki russkogo yazy'ka): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Oryol, 1998. 341 s.
6. *Kostyukov V.M.* Ob odnoj raznovidnosti individual'no-avtorskix slov // *Russkij yazy'k v shkole*. 1986. № 4. С. 93–97.
7. *Kurganova E.B.* Igrovoj aspekt v sovremennom reklamnom tekste: ucheb. posobie. Voronezh: VGU, 2004. 123 s.
8. *Malysheva O.* Multicultural aspect of American English vocabulary // *Vocabulum et vocabularium*: sb. nauchn. trudov po leksikografii / Отв. ред. В.В. Дубичинский и др. Гродно, 2002. С. 50–51.
9. *Novichkov P.Yu.* Metaforizaciya kak aktual'naya zadacha sovremennoj lingvistiki // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2. С. 97–102.
10. Рифмованные составные английские слова: mish-mash, hocus-pocus, twenty-twenty, flip-flop etc. URL: <http://multilinguablog.com/2010/11/15/>, режим доступа свободный.
11. *Sannikov V.Z.* Russkij yazy'k v zerkale yazy'kovoj igry'. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
12. *Shanskiy N.M.* Oчерки по русскому словообразованию. М.: КомКнига, 2005. 336 с.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81-11

А.Е. Гусева

**Эффект «лишних» конstituентов
модели предложения как дополнительный
эксплицитный идентификатор
микроструктуры концепта (на материале
немецкого и русского языков)**

Данная статья отражает результаты одного из этапов формирования универсальной идентификационной модели структурирования ментально-перцептивных концептов на материале немецкого и русского языков. Показано влияние количественного и качественного состава членов фразеологизма по сравнению с коммуникативно-сильной моделью предложения, а также проявление образности или её отсутствие при выявлении микроструктуры изучаемых концептов через призму соответствующих лексико-фразеологических полей, т. е. системы макро- и микрополей.

The article depicts the results of a stage of universal identification model formation of mentally perceptual concepts as exemplified in the German and Russian languages. The quantity and quality impact of the phraseological unit's structure is compared to the communicative model of a sentence; display or absence of imagery are viewed in the detected microstructure of concepts under study through the corresponding lexical and phraseological fields, i. e. the system of macro- and microfields.

Ключевые слова: структурно-семантический подход; фразеологическая модель предложения; лексико-фразеологическая картина мира; обязательные компоненты фразеологической единицы.

Keywords: structural and semantic approach; phraseological model of sentence; lexical and phraseological world picture; compulsory components of phraseological unit.

Общеизвестен тот факт, что фразеологические единицы (далее — ФЕ) представляют собой антропоцентрическое явление, то есть выполняют функцию отражения представлений человека об окружающей действительности в различных областях его деятельности: психической, физической, социальной и т. д. [1]. Исходя из данного положения, в результате исследования фразеологически связанных значений глаголов

современного немецкого языка нами были выявлены семантические поля, отражающие определённые процессы человеческой деятельности [2].

Целью данной статьи является описание результатов одного из этапов формирования универсальной идентификационной модели структурирования ментально-перцептивных концептов «Слуховая / Зрительная / Мыслительная / Речевая деятельность» через призму соответствующих лексико-фразеологических полей (далее — ЛФП) на материале немецкого и русского языков (подробнее см. [3]).

С учётом структурно-семантического подхода и предложенной И.-Э.С. Рахманкуловой системы структурно-функциональных моделей предложения (СФМП) [5] была исследована фразеологическая модель предложения, позволяющая рассмотреть глаголы-компоненты ФЕ на разных ступенях фразеологизации, т. е. отразить всю систему глагольных устойчивых словесных комплексов (далее — УСК) как фразеологического, так и нефразеологического типа.

В результате исследования было выявлено наличие 13 ЛФП, в которых функционируют, как правило, глагольные ФЕ, составляющие подавляющее большинство в системе УСК современного немецкого языка. Перечислим эти поля: 1. Зрительная деятельность. 2. Мыслительная деятельность. 3. Речевая деятельность. 4. Слуховая деятельность. 5. Чувства и восприятие; эмоциональные отношения между людьми. 6. Способность, дар, талант человека. 7. Власть, сила. 8. Деятельность и её результат. 9. Жизнь (начало, продолжение, конец). 10. Движение, перемещение. 11. Проявление определённых черт характера, настроение человека. 12. Физическое состояние человека; его положение в обществе. 13. Жизненный путь, карьера [2].

Задачей дальнейших научных изысканий стало изучение возможности лингвокогнитивного описания «фразеологических картин мира» на основе так называемых «врождённых концептов» человека [4: с. 65] методом ЛФП. К числу таких «врождённых концептов», бесспорно, можно отнести следующие: 1) зрительная деятельность; 2) слуховая деятельность; 3) мыслительная деятельность; 4) речевая деятельность. Была поставлена задача выявления принципов и системной организации языковой наполненности лексических и фразеологических единиц, образующих данные концепты в современных немецком и русском языках. По отношению ко всей лексико-фразеологической концептуальной картине мира данные концепты будут являться макроконцептами.

Опора на такие факторы, как количественный и качественный состав членов УСК по сравнению с *коммуникативно-сильной моделью предложения* (термин И.-Э.С. Рахманкуловой), другими словами, при прямом употреблении глагола, а также проявление образности или её отсутствие имеет важное значение при эксплицитной идентификации исследуемого материала, в частности, при выявлении микроструктуры изучаемых концептов через призму соответствующих ЛФП, то есть системы макро- и микрополей (далее — МАП и/или МИП).

Рассмотрим следующие ФЕ, относящиеся, например, к ЛФП «Зрительная деятельность» в немецком языке: *das zweite Gesicht haben; etw. / j-n in ein falsches Licht rücken; Augen wie ein Luchs haben; einen langen Hals haben; etwas fest ins Auge fassen* и следующие ФЕ в русском языке: *высмотреть все глаза; смотреть в оба глаза; не верить своим глазам; видеть на три / на два аршина / на аршин в землю / под землей*.

При сравнении с составом коммуникативно-сильной модели предложения, т. е. в свободном употреблении, компоненты *zwei, falsch, wie ein Luchs, lang, fest, все, оба, свои, два, три* являются необязательными при прямом употреблении выражений: ср.: *das Gesicht haben; etw. / j-n in ein Licht rücken; Augen haben; einen Hals haben; высмотреть глаза; смотреть в глаза; не верить глазам* и т. п. При формировании же ФЕ, т. е. в процессе вторичной номинации, перечисленные компоненты носят обязательный характер, при этом они могут менять состав ФЕ по сравнению со свободным употреблением либо одновременно количественно и качественно — *das zweite Gesicht haben; Augen wie ein Luchs haben; etwas fest ins Auge fassen; смотреть в оба глаза; не верить своим глазам*, либо только количественно — *видеть на два / три аршина в землю / под землей*.

При рассмотрении второго фактора — образности — можно констатировать, что структурно-логические члены ФЕ в сочетании с другими, как правило, глагольными актантами, создают либо эффект повышенной образности, усиливая степень проявления признака, положенного в основу образования ФЕ, либо способствуют частичному «стиранию» образности.

Главная роль этих, на первый взгляд, «лишних» конstituентов заключается в дополнительной конкретизации сем: оценочность (положительная — отрицательная); кондициональность, которая отражает условия протекания процесса во времени (кратковременность, продолжительность); компаративность, определяющая исследуемые коммуникативные процессы по степени интенсивности действия (пониженная — нормальная — высокая / повышенная степень интенсивности). Наличие в ФЕ таких членов способствует более точному отнесению ФЕ к тому или иному микрополю, и далее — к тому или иному синонимическому ряду и / или антонимической паре.

Было изучено наличие структурно-логических членов ФЕ по всем исследуемым концептам в немецком и в русском языках через призму ЛФП. В данной статье в виде таблицы помещён результат такого исследования на примере концепта «Зрительная деятельность», вербализованного лексико-фразеологическими средствами немецкого и русского языков.

Следует заметить, что структурно-логические члены по исследуемым языкам помещены в таблице в ячейках № 2 и № 5 под заголовком «Избыточный компонент».

Кроме того, наблюдается интересная закономерность: при сохранении в составе УСК определённого эксплицитного идентификатора (как правило, это — существительное-соматизм) дополнительный эксплицитный идентификатор в сочетании с соматизмом даёт возможность отнести УСК к разным микрополям.

**Структурно-логические члены, эксплицирующие принадлежность
к МАП / МИП ЛФП «Зрительная деятельность» в немецком и русском языках**

Структ.- семантич. характери- стика	Немецкий язык			Русский язык					
	«Избыточный компонент»	УСК	МАП / МИП	«Избыточный компонент»	УСК	МАП / МИП			
1	2	3	4	5	6	7			
1. Существит.- композит.	1) Argusaugen	1) etw. mit Argusaugen beobachten	1/5	–	–	–			
	2) Stielaugen	2) Stielaugen machen / bekom- men / kriegen	3/8						
	3) Seitenblick	3) j-m einen Seitenblick zuwerfen							
2. Наречие	1) ganz	1) ganz Auge und Ohr sein; j-n ganz aus den Augen verlieren	1/2 4/1	1) сквозь пальцы	1) Посмот- реть сквозь пальцы на что / на кого	3/4			
	2) fest/scharf	2) etw. fest / scharf ins Auge fassen	2/1						
	3) links	3) j-n links liegen- lassen	3/4						
	4) immer	4) j-m immer vor Augen stehen	3/7						
	5) genau	5) j-m genau auf die Finger sehen	2/1						
3. Прилагатель- ное и т. д.	1) all/alle	1) allem Ansehen nach j-n / etw. von allen Seiten ansehen / betrachten	2/3	1) собст- венный	1) Не видеть дальше своего соб- ственного носа;	2/4			
	2) halb	2) j-n mit einem halben Blick streifen / sehen / wahrnehmen	2/1				2) большой / крупный	2) Делать большие / крупные глаза	3/1
	3) innere	3) etw. vor seinem inneren Auge vor- beiziehen lassen	2/1				3) другой / иной	3) Смотреть / глядеть другими / иными глазами на кого / на что	3/2; 4/4
	4) groß / klein	4) große Augen machen / bekom- men; kleine Augen machen	3/2 3/1						
	5) schön	5) j-m schöne Augen machen	3/4				4) розовый 5) чёрный	4) Смотреть сквозь розо- вые очки 5) Видеть / видеться в чёрном цвете	1/3; 3/5 1/3; 3/5

Проследим эту закономерность на определённых соматизмах-существительных различных ЛФП.

ЛФП «Слуховая деятельность»: das Ohr — die Ohren.

Er war gerade mit den neusten Sportberichten beschäftigt und hatte nur mit einem Ohr zugehört [8: с. 142].

Du hörst ja, wenn ich erzähle, nur mit halbem Ohr zu. An was denkst du eigentlich? [9: с. 247].

Благодаря наличию неопределённого артикля в роли числительного, а также прилагательного halb, который создаёт эффект повышенной образности, УСК «(nur) mit einem / halbem Ohr zuhören» относятся к МИП 1/2 «Осторожность, внимательность / невнимательность».

В русском языке имеем аналогичную картину.

Он смотрел заворожённый, смотрел во все глаза, слушал во все уши и только тогда ушёл, когда они прямо сказали, что пора уходить (В. Панова. «Спутники» [7: с. 501]).

УСК *смотреть во все глаза* и *слушать во все уши* благодаря местоимению *весь* относятся к МИП 1/4 «Интенсивность / продолжительность слуховой / зрительной деятельности».

Приведём другие примеры из ЛФП «Зрительная деятельность»:

Als ich meiner Freundin ein neues Kleid zeigte, machte sie aber Stielaugen [12: S. 210].

Er ist ein heller Junge, der mit offenen Augen durch die Welt geht [11: S. 53].

Структурно-логические члены *Stiel-* и *offen* УСК *Stielaugen machen* и *mit offenen Augen durch die Welt gehen* относят данные УСК соответственно МИП 3/1 «Удивление, ирония, неприязнь», 3/8 «Интерес (корыстный), зависть, симпатия» и 1/3 «Проявление зрительной деятельности, связанное с определённой чертой характера».

В ЛФП «Мыслительная деятельность» отмечены следующие примеры:

«Es ging alles so schnell», sagte er, «und kam so unerwartet».

«Das haben Überfälle so an sich. Machen Sie sich deshalb keinen Kopf. Immerhin haben Sie noch die Pistole gezogen, wie ich hörte» (Т. Wittgen. Das schwarze-Peter-Spiel [8: с. 111]).

Отрицание *kein* способствует отнесению УСК *sich keinen Kopf machen* к МИП 3/2 «Понимание (сопереживание) / осознание чего-л. / непонимание / отсутствие желания помочь».

В следующем примере отрицание *nicht* способствует отнесению УСК *nicht auf den Kopf gefallen sein* уже к МИП 1/1 «Физическая способность к мышлению» и 1/3 «Проявление мыслительной деятельности, связанное с определённой чертой характера»:

Lassen Sie mich erst ausreden, Doktor. In Ihren Kreisen hat man Zeit und Geld gehabt, sich das Wissen anzueignen, aber dafür haperte es an dem, was Sie bei mir finden. ... Sie stellen erstaunt fest, dass eine alte Arbeiterfrau wie ich nicht auf den Kopf gefallen ist (W. Joho. Die Wendemarke [8: с. 209]).

В ЛФП «Мыслительная деятельность» в русском языке выявлены следующие примеры:

Флигель, в который привел меня Гаврила, назывался «новым флигелем», только по старой памяти, но выстроен был уже давно (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели [7: с. 310]).

В УСК по старой памяти прилагательное *старый* способствует отнесению его к МИП 3/7 «Запоминание, воспоминания / забывание увиденного / услышанного». При замене прилагательного *старый* на *свежий* УСК на *свежую память / голову* может быть отнесено кроме МИП 3/7 к МИП 4/3 «Способ получения или передачи информации / осуществления мыслительной деятельности»:

Как вместо трёх недель итальянская опера стала гостить у нас по 7-ми месяцев... — это у всех на свежей памяти (П. Чайковский. Итальянская опера [7: с. 310]).

В ЛФП «Речевая деятельность» при сохранении базового эксплицитного идентификатора (как правило, соматизма) и изменении структурно-логических членов как в немецком, так и в русском языках наблюдается такая же картина, как и в вышеперечисленных ЛФП. Приведём примеры:

Die Nachbarin hatte eine lose Zunge, war aber sonst sehr hilfsbereit und freundlich. Ich kannte die Lage in Berlin nicht..., und ich hätte... meine lose Zunge hüten sollen (Duden 11, 839).

Böse Zungen, oder vielmehr deren Besitzer, behaupteten..., daß ich an einem Buch über Kafka schreibe [10: S. 839].

В данных примерах прилагательные *los* и *böse* в УСК *eine lose Zunge haben* и *böse Zungen* при сохранении эксплицитного идентификатора ЛФП «Речевая деятельность» — *die Zunge* относят УСК соответственно к МИП 1/3 «Проявление речевой деятельности, связанное с чертами характера или физическим состоянием» и 2/3 «Субъект речевой деятельности и его оценка».

Практика показывает, что, когда режиссёр и драматург находят общий язык и достигают взаимопонимания, тогда можно наибольшим образом ручаться за будущее качество как пьесы, так и постановки её (Н. Охлопков. Драматургия и театр нераздельны [7: с. 270]).

— *Я думаю, спор давно уж пора кончать, — сказал он. — Ясно, что мы говорим на разных языках и никогда не сталкиваемся* (Вересаев. Поветрие [7: с. 541]).

Прилагательные *общий* и *разный* в УСК *найти общий язык* и *говорить на разных языках* способствуют отнесению их соответственно к МИП 4/3 «Способ и цель получения или передачи информации / осуществления речевой деятельности» и 5/2 «Стремление / нестремление к отношениям, заигрывание» (УСК *найти общий язык*) или 3/2 «Понимание / непонимание сказанного» (УСК *говорить на разных языках*).

Таким образом, становится очевидным, как чётко «срабатывает» закон наличия «лишних» структурно-логических конститuentов ФЕ (или, по образному выражению Э.-С. Рахманкуловой, «эффект лишних членов модели предложения»), способствующий более чёткой структуризации ФЕ в рамках лексико-фразеологической языковой картины мира.

Библиографический список*Литература*

1. Герасимова С.А. Антропоцентрический подход к языку // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 96–100.
2. Гусева А.Е. Лексикографическое описание фразеологически связанных значений глаголов современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1988. 24 с.
3. Гусева А.Е. Лингвокогнитивное моделирование лексико-фразеологических полей (на материале немецкого и русского языков). Saarbrücken (Germany): Palmarium Academic Publishing, 2012. 292 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
5. Рахманкулова И.-Э.С. Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 28–35.

Справочные и информационные издания

6. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
7. Войнова Л.А., Жуков В.И., Молотков А.П., Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
8. Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь живых идиом. М.: Метатекст, 1997. 202 с.
9. Мальцева Д.Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. М.: Русский язык МЕДИА, 2003. 506 с.
10. Duden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Hrsg. G. Drosdowsky. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Meyers Lexikonverlag, 1992. 864 S.
11. Friederich W. Moderne deutsche Idiomatik. 2. neubearb. Aufl. München: Max Hueber Verlag, 1976. 824 S.
12. 1 000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen von H. Griesbach u. D. Schulz. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2000. 248 S.

References*Literatura*

1. Gerasimova S.A. Antropocentricheskij podxod k yazy'ku // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 96–100.
2. Guseva A.E. Leksikograficheskoe opisanie frazeologicheskix svyazanny'x znachenij glagolov sovremennogo nemeczkogo yazy'ka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 1988. 24 s.
3. Guseva A.E. Lingvokognitivnoe modelirovanie leksiko-frazeologicheskix polej (na materiale nemeczkogo i russkogo yazy'kov). Saarbrücken (Germany): Palmarium Academic Publishing, 2012. 292 s.
4. Kubryakova E.S. Yazy'k i znanie. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 555 s.
5. Raxmankulova I.-E'.S. Strukturno-funkcional'ny'j podxod k issledovaniyu nemeczkix frazeologismov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 28–35.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. *Binovich L.E., Grishin N.N.* Nemecko-russkij frazeologičeskij slovar'. M.: Russkij jazы'k, 1975. 656 s.
7. *Vojnova L.A., Zhukov V.I., Molotkov A.P., Fyodorov A.I.* Frazeologičeskij slovar' russkogo jazы'ka / Pod.red. A.I. Molotkova. M.: Russkij jazы'k, 1986. 543 s.
8. *Dobrovol'skij D.O.* Nemecko-russkij slovar' zhivy'x idiom. M.: Metatekst, 1997. 202 s.
9. *Mal'ceva D.G.* Nemecko-russkij slovar' sovremenny'x frazeologizmov. M.: Russkij jazы'k MEDIA, 2003. 506 s.
10. Duden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Hrsg. G. Drosowsky. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Meyers Lexikonverlag, 1992. 864 S.
11. *Friederich W.* Moderne deutsche Idiomatik. 2. neubearb. Aufl. München: Max Hueber Verlag, 1976. 824 S.
12. 1 000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen von H. Griesbach u. D. Schulz. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2000. 248 S.

М.А. Фомина

Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит*

К 90-летию И.-Э.С. Рахманкуловой

В статье рассматривается семантическая категория субъектности с позиций теории функциональной грамматики, а также проблема разграничения таких смежных понятий, как субъект, подлежащее, носитель предикативного признака. Определяется периферийный характер безличных пространственных моделей типа *У меня в ухе звенит* в рамках категории субъектности. Анализируются структурный и семантический аспекты данных моделей, предлагаются варианты передачи реализованной ими предикации на английский язык. Устанавливается непрототипический характер субъектов результирующих английских высказываний.

The paper focuses on the category of semantic subject within the framework of a functional approach to linguistics. The semantic subject is related to similar notions such as the grammatical subject and the bearer of predicative feature. The paper 1) features a peripheral status of spatial impersonal sentence models such as *U menia v ukhe zvenit* within the category of semantic subject, 2) makes a structural and semantic analysis of the models, 3) focuses on their Russian-English translation patterns, 4) reveals non-prototypical features of subjects in the English equivalents.

Ключевые слова: семантический субъект; безличное предложение; модель предложения; подлежащее; носитель предикативного признака.

Keywords: semantic subject; impersonal sentence; sentence model; grammatical subject; bearer of predicative feature.

В статье рассматривается семантическая категория субъектности с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов, который получил широкое применение в работах И.-Э.С. Рахманкуловой (см., например, [6–7]). Для данных работ характерным явился «учёт связи лексики и грамматики», «синтез синтагматического и парадигматического аспектов языка» [6: с. 3]. Такой подход оказывается эффективным при рассмотрении целого комплекса семантических категорий, и в частности категории субъектности.

Вслед за А.В. Бондарко, под субъектностью мы будем понимать «группировку грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов семантики субъекта». Грамматический центр категории субъектности, обладающей полевой структурой, представлен подлежащим двусоставного предложения, выраженным существительным или местоимением в именительном падеже. Подлежащее, выступая

в позиции преддицируемого компонента синтаксической структуры предложения (структурного НПП — носителя предикативного признака), является «наиболее адекватным выразителем семантики субъекта» и выполняет роль семантического носителя предикативного признака [2: с. 68]. При выражении субъекта другими структурными носителями предикативного признака происходит удаление от центра поля субъектности и приближение к периферии. При этом, вероятно, безличные (бесподлежащие) конструкции, находясь на «дальней» периферии, представляют наибольшую сложность с точки зрения интерпретации субъектно-объектно-предикатных отношений.

Остановимся подробнее на введённом выше понятии НПП, которое оказывается не только ключевым при определении категории субъектности, но и очень эффективным при интерпретации русских безличных моделей. Под носителем предикативного признака понимается «субстанция, которой приписывается предикативный признак» [2: с. 54–55]. В качестве НПП выступают единицы, выполняющие функцию преддицируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому в активных конструкциях соответствует семантический субъект, а в пассивных — объект. Таким образом, носитель предикативного признака представляет собой синтаксическую субстанцию, в которой разграничиваются и соотносятся структурные и семантические функции, связанные с теми или иными средствами формального выражения. Такая трактовка данного понятия позволяет, например, решить вопрос о залоговой принадлежности ряда конструкций, когда понятия подлежащего и семантического субъекта оказываются недостаточными [2: с. 56–57]. Более того, введение понятия носителя предикативного признака «позволяет сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном толковании» [2: с. 60] и, тем самым, избежать возникновения двойственности и утраты определённости данной категории — ср. предложения типа *Отцу не работается; Ему холодно; Больного лихорадит; Его тянет уехать; Сестру охватил страх*, которые трактуются в ряде работ как структуры с подлежащим, имеющим неноминативное выражение [4: с. 135–139]. В данных предложениях Г.А. Золотова соотносит преддицируемый компонент со значением личного субъекта физического или душевного состояния с подлежащим предложения. Широкое понятие НПП, объединяющего целый класс синтаксических единиц, функционально сближающихся с подлежащим, позволяет сохранить понятие подлежащего в его каноническом понимании и выделить в рассматриваемых синтаксических конструкциях НПП, выраженные дополнениями. Такое расширение понятия НПП возможно с той оговоркой, что НПП, выраженные дополнениями, принадлежат периферийному подклассу синтаксических элементов (НПП2), отличающихся синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении [2: с. 63]. Более того, при выявлении денотативно-понятийной основы выражаемой семантики в данных предложениях, как справедливо отмечает А.В. Бондарко, элемент субъекта состояния оказывается сопряжённым с «объектной интерпретацией, исходящей от формы прямого дополнения со значением субстанции, зависимой от действия, выраженного глаголом-сказуемым» [2: с. 63–65].

Рассмотрим безличные предложения типа *У меня в ухе звенит*. В подобных конструкциях НПП оказывается совмещённым с косвенным объектом, выраженным косвенно-падежными формами и предложно-падежными сочетаниями, что означает пересечение объектных функций с обстоятельственными и ещё больше смещает подобные конструкции на периферию категории субъектности.

При описании семантики безличных синтаксических структур О.А. Сулейманова выделяет ряд интегральных семантических признаков, в котором особая роль отводится признаку пространственности [9]. При определении термина «пространство» учёный опирается на широкую трактовку этого понятия, предложенную в работах О.Н. Селивёрстовой (см., например, [8]). Как справедливо полагает О.Н. Селивёрстова, при определении понятия пространства необходимо учесть выполняемую им функцию — «помещать в себя что-то, включать в себя что-то». Таким образом, понятие пространства, отображённое в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие [8: с. 143].

Учитывая фундаментальное свойство пространства «помещать в себя что-то» и отталкиваясь от геометрического представления пространства, О.Н. Селивёрстова предлагает уточнённое определение: «нахождение некоторого объекта (Y-а) в S означает, что точка, соответствующая Y-у, стоит в рамках той конфигурации, которая образуется точками пространства S» [8: с. 143].

Однако вследствие сложной концептуальной структуры понятия «пространство» (см. подробнее о формировании концепта «пространство» и отражении его в языке в [5]) данное определение не всегда можно применить для интерпретации тех или иных языковых явлений, и поэтому оно требует определённых уточнений.

Так, О.Н. Селивёрстова, комментируя такие высказывания, как *В моей душе сомненья нет; Есть в близости людей заветная черта (Ахматова); В моей юности не было ни одного значительного события*, говорит о необходимости употреблять понятие пространства в широком смысле, выделяя не только физическое пространство, но и психическое пространство, пространство человеческих отношений, временное пространство и др. [8: с. 143].

Применительно к рассматриваемой безличной модели О.А. Сулейманова вводит понятие пространства посессивности X-а — пространство S, образуемое X-ом [9: с. 25]. При этом в качестве критерия, позволяющего отнести ту или иную модель к пространственным, выступает невозможность опущения пространственного компонента без нарушения смысла и даже грамматической правильности высказывания. Модель также можно классифицировать как пространственную, если такое опущение приводит к появлению эллиптического высказывания. Невозможность опущения (или появление эллиптического высказывания) указывает на принадлежность пространственного компонента структурной схеме предложения [9: с. 5].

Обратимся к логической структуре предложений типа *У меня в ухе звенит*.

Д.И. Ермолович рассматривает такие безличные модели как примеры выражения условно-субъектных предикаций — предикаций, описывающих некие состояния или ощущения, к которым субъект может быть домыслен, — ср. предложения *Пахло чесноком, Здесь легко дышится*, сообщающие об «ощущениях, которые должен был бы испытывать участник описываемой ситуации (это может быть и рассказчик), хотя он в предложении и не назван (см. о роли имплицитного / потенциального наблюдателя в работе [9]). К данному типу предикаций автор относит и высказывания, «в которых актант формально представлен как непроизвольно оказавшийся в некотором состоянии», и его обозначение выступает в качестве предидируемого компонента, которому предидируется какая-то характеристика, так что его можно рассматривать как условный субъект предикации — ср. *У него зарябило в глазах, Ему не повезло, Нам посчастливилось, Их потянуло друг к другу* [3: с. 472].

По мнению Г.А. Золотовой, в предложениях данного типа имеет место комплексное или расчленённое обозначение субъекта состояния, который выражается «обозначением лица (целого) и места (части целого или его принадлежности)» локализации состояния [4: с. 154].

Как отмечает О.А. Сулейманова, в рассматриваемой модели «пространственный компонент *У меня* вносит информацию о том, что *Р* имеет место в пространстве *S*, образуемом *X*-ом». Помимо пространственного компонента обязательным элементом модели является локативный уточнитель [9: с. 25] — ср. *У меня в желудке бурчало; *У меня бурчало*. Пространственный же компонент *У меня* в тексте может опускаться — ср. *У меня в желудке бурчало; В желудке бурчало* — но его место в модели всегда сохраняется, а значение этого компонента легко восстанавливается из контекста. Как представляется, пространственный компонент и служит для обозначения субъекта предикации — *X*-а, которому в синтаксической структуре предложения соответствует косвенное дополнение. Второй же обязательный компонент модели — локативный уточнитель — вносящий информацию о той части тела, в которой имеет место *Р*, выступает не в качестве обозначения субъекта (ср. с представленной выше трактовкой данного компонента модели Г.А. Золотовой), что плохо согласуется с интуитивным представлением о содержании категории субъектности, а выполняет наряду с пространственным компонентом функцию НПП.

Интерпретация данного компонента модели в качестве носителя предикативного признака согласуется с пониманием А.В. Бондарко о структурном носителе предикативного признака, принадлежащем периферийному подклассу синтаксических элементов, который отличается синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении. По мнению учёного, управляемый член предложения может быть признан в качестве структурного НПП в том случае, когда в предложении отсутствует другой компонент, соотносящийся с предикатом, то есть речь идёт об «актанте при одноместном предикате». При такой трактовке предикативного отношения управление

в анализируемой модели можно рассматривать как «формальную связь, совместимую со “стоящей выше” функцией предикативного отношения» [2: с. 63].

Таким образом, в рамках НПП можно выделить два подкласса синтаксических единиц с функцией предикативного компонента — неуправляемые и управляемые НПП [2: с. 64]. Правомерность приписывания функции НПП комбинации пространственного компонента и локативного уточнителя подтверждается тем, что оба компонента являются обязательными в данной модели — при возможности опущения первого компонента его место в модели всегда сохраняется, позиция же локативного уточнителя является обязательной и может быть заполнена выражениями типа *в / на / под + Loc, ср.: в ушах, горле, желудке, животе, в плече, боку, груди, голове; на сердце, душе; под сердцем, ложечкой* [9: с. 26].

Особый интерес представляет рассмотрение способов передачи предикаций, реализованных анализируемыми безличными конструкциями.

Авторы учебных пособий по переводу, затрагивая вопросы об особенностях построения синтаксической структуры английских предложений, неоднократно отмечали, что поверхностная (синтаксическая) структура английского высказывания в большей степени тяготеет к логической структуре, нежели синтаксическая структура русского предложения (см., например, [3: с. 465]). Ср.:

У меня звенит в ушах. — *My ears are buzzing* [10].

Голова раскалывалась, в животе бурлило... — *My forehead pounded, my stomach churned...* [1].

Мы с ланча ничего не ели, в животе урчит от голода. — *We haven't had anything to eat since lunch, and my stomach is grumbling* [1].

Почему же так дрожат у неё руки и холодеет под ложечкой? — *But how to explain this feeling that made her hands shake and the pit of her stomach grow cold?* [1].

У меня до сих пор в голове гудит. — *My head still sings with it* [1].

В данных примерах английские высказывания имеют структуру личных предложений с подлежащим, обозначающим часть тела или орган, в котором имеет место Р. Субъект-источник процесса в данных предложениях, обозначенный подлежащим, обладает признаком псевдоактивности, то есть занимает промежуточное положение между прототипом категории субъекта (в качестве которого выступает агенс, производитель действия) и её периферией.

В следующих примерах в роли подлежащего английских высказываний выступает обозначение субъекта состояния (ощущения), представленного одушевлённым объектом, что приближает данный тип субъекта к прототипу категории, ср.:

Впервые за много месяцев у неё посветлело на душе. — *She felt better now than she had felt in months* [1].

Я весь иззяб; стучал от холода зубами; горло у меня разболелось немилосердно, как прежде на островке; в боку кололо, не переставая... — *I was never warm; my teeth chattered in my head; I was troubled with a very sore throat, such as I had on the isle; I had a painful stitch in my side, which never left me...* [1].

Рассматриваемые пространственные модели могут быть также переданы на английский язык при помощи личных предложений с подлежащим со значением причины состояния, ср.: *У меня до сих пор в горле першит от этой гадости.* — *That villainous stuff seems still to linger round my throat;* а также предложений с подлежащим, обозначающим неодушевленную субстанцию, субъект-источник действия, проявляющий энергетическую активность, но лишённый признаков волитивности и контролируемости, ср.: *Ноги у него подкашивались, в боку сильно кололо, пот заливал лицо, мешая смотреть.* — *His limbs were shaking, a terrible stitch was beginning in his side, and the sweat that kept dropping into his eyes blinded them and made them smart.*

Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемые русские безличные модели, находясь на «дальней» периферии категории субъектности, передаются на английский язык при помощи личных двусоставных предложений, имеющих различную структуру, субъекты английских высказываний также располагаются на некотором расстоянии от прототипического центра категории субъектности, представляя ближайшую периферию.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (режим доступа свободный).

Литература

2. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.

3. Ермолович Д.И. Русско-английский перевод: учебник для студентов вузов, обучающихся по образовательной программе «Перевод и переводоведение» направлений «Лингвистика», «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Аудитория, 2014. 592 с.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.

5. Лягушкина Н.В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 55–61.

6. Рахманкулова И.-Э.С. Теоретическая функциональная грамматика немецкого языка. Глагол. М.: НВИ-Тезаурус, 2006. 204 с.

7. Рахманкулова И.-Э.С. Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 28–35.

8. Селивёрстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 142–150.

9. Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. М., 2000. 53 с.

Справочные и информационные издания

10. Словарь АББYY Lingvo-Online. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/> (режим доступа свободный).

References*Istochniki*

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (rezhim dostupa svobodny'j).

Literatura

2. *Bondarko A.V.* Sub"ektno-predikatno-ob"ektny'e situacii // *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vy'skazy'vaniya. Opredelyonnost' / neopredelyonnost'*. SPb.: Nauka, 1992. S. 29–71.

3. *Ermolovich D.I.* Russko-anglijskij perevod: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po obrazovatel'noj programme «Perevod i perevodovedenie» napravlenij «Lingvistika», «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya». M.: Auditoriya, 2014. 592 s.

4. *Zolotova G.A.* Kommunikativny'e aspekty' russkogo sintaksisa. M.: E'ditorial URSS, 2001. 368 s.

5. *Lyagushkina N.V.* K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2012. № 2 (10). S. 55–61.

6. *Raxmankulova I.-E'.S.* Teoreticheskaya funkcional'naya grammatika nemeczkogo yazy'ka. Glagol. M.: NVI-Tezaurus, 2006. 204 s.

7. *Raxmankulova I.-E'.S.* Strukturno-funktcional'ny'j podxod k issledovaniyu nemeczkix frazeologizmov // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2009. № 1 (3). S. 28–35.

8. *Selivyorstova O.N.* Ponyatiya «mnozhestvo» i «prostranstvo» v semantike sintaksisa // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury' i yazy'ka*. 1983. T. 42. № 2. S. 142–150.

9. *Sulejmanova O.A.* Relevantny'e tipy' bezlichny'x sintaksicheskix struktur i ix semanticheskie korrelyaty': avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19, 10.02.01. M., 2000. 53 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Slovar' АББYY Lingvo-Online. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/> (rezhim dostupa svobodny'j).

**С.Я. Ромашина, Р.Е. Андропова,
Е.М. Косцова, А.В. Межина**

Формирование личностных результатов обучающихся в иноязычном образовании

Профессиональная компетентность педагога в вопросах формирования личностных результатов как единство его теоретической и практической готовности к осуществлению иноязычного образования рассматривается через профессионально-ценностные ориентации, саморазвитие и полноценную самореализацию в избранной профессии. Демонстрируются подходы к развитию соответствующего диагностического аппарата.

Teachers' professional competence in formation of personality development results as a unity of their theoretical and practical readiness to implementation in foreign language education is viewed through teachers' professional value commitments, self-development and full self-realization in the chosen profession. Approaches to elaboration of an appropriate diagnostic apparatus are demonstrated.

Ключевые слова: иноязычное образование; личностные результаты обучающихся; диагностика личностных результатов; ценностные ориентации педагога.

Keywords: foreign language education; pupils' personality development results; personality development diagnostic apparatus; teacher's value commitments.

Федеральный образовательный стандарт общего образования устанавливает приоритет личностных образовательных результатов обучающихся над метапредметными и предметными [1–2]. Анализ социального заказа на образование, проведённый нами за последние 7 лет, подтверждает востребованность общего образования как среды социализации обучающихся, способствующей формированию готовности их к самореализации на протяжении всей жизни. Иноязычное образование не является исключением из этого правила. Ряд лингводидактов (Н.Ф. Коряковцева, Е.Г. Тарева, З.Н. Никитенко) [5; 6; 10] обозначили проблему саморазвития личности при изучении иностранного языка. Они отмечают, что назрела необходимость проведения феноменологического исследования актуально и потенциально репрезентированных наборов лингвообразовательных ценностей и ценностных систем, выявления соотносительной значимости ценностей между собой и в представлении разных субъектов, что важно

определить, какими методическими стратегиями и технологиями содействовать максимальной реализации самопрезентирующих потребностей человека.

Федеральный государственный стандарт обозначает спектр личностных результатов обучающихся *ценностными ориентациями*, в их числе отношение к Отечеству, к природе, к миру (миролюбие), к труду (трудолюбие), к культуре, к знаниям, к другим людям (гуманность), к иным людям (представителям иной национальности, иной веры), к своему здоровью, своему внутреннему миру). Динамика личностных результатов — личностный рост — является целью педагога в зоне ближайшего развития обучающегося и воспитанника. Образовательный процесс, позволяющий достичь цели, должен соответствовать принципам *субъектности* и *природосообразности*. Обоснуем это, опираясь на труды П.В. Степанова [8–9], отражающие классическое психологическое представление о знаниевом (когнитивном), отношенческом (аксиологическом) и деятельном (праксеологическом) компонентах человеческого сознания.

Социальное знание — знание об общественных нормах и ценностях, об устройстве общества, о социально одобряемых и не одобряемых формах поведения в обществе и т. п. — будет сообразно поставленной цели личностного развития, если не вытесняется предметным знанием, носит гражданский, а не только утилитарно-обыденный, этикетный характер. Социальное знание не означает, что человек готов добровольно следовать нормам в различных обстоятельствах жизни, ценит их. Поэтому личностный рост — это развитие *позитивного отношения к базовым общественным ценностям*, перечисленным в образовательном стандарте. Целостность личность обретает только в поступке, *самостоятельном ценностно-ориентированном социальном действии*, являющемся основным признаком личностного роста человека. Важна возможность социального действия не только в школьной среде, защищённой и дружественной, но и в открытой общественной среде, в которой в выпускнике как субъекте необязательно заинтересованы, и ему придётся доказывать свою самостоятельность и независимость перед лицом других социальных субъектов. Таким образом, движение вверх по уровням личностного роста формирует субъектность обучающегося как социальной личности. Педагогические цели личностного роста должны соответствовать возрастным особенностям обучающихся, т. е. быть природосообразными. Так, если в начальной школе ценностно-ориентированное действие — высший достижимый уровень образовательного процесса, преимущественно направленного на формирование ценностных отношений, в том числе посредством социального знания, то в пубертатном периоде «нотации» на знаниевом уровне нецелесообразны, поскольку приводят к негативному результату, а ценностно-ориентированное действие обучающихся должно быть повседневной практикой.

Встаёт вопрос, каковы образовательные условия личностно-формирующего процесса в иноязычном образовании. Особенность иноязычного образования в том, что новая языковая среда накладывает ограничения на выражение его субъектности обучающегося. В этой связи задача педагога заключается в формировании языковой среды, способствующей успешному личностному развитию.

Ключевым словом в данном случае является *эффективность* образовательного процесса, т. е. достижение обучающимся цели при минимальных затратах и без негативного воздействия на иные аспекты его жизни [8]. Необходимо проектировать образовательный процесс таким образом, чтобы деятельность, способствующая личностному развитию учащегося, вызывала у него положительные эмоции. Всё сказанное предъявляет особые требования к целеполаганию образовательного процесса и к его индивидуализации.

Определение эффективной траектории личностного развития в иноязычном образовании предполагает компетентность педагога в вопросах диагностики личностных результатов. Наблюдение, безусловно, самый точный метод и единственный в условиях начальной школы. Учёными разработана карта наблюдений [8: с. 36–41], позволяющая сформировать индивидуальную траекторию личностного развития для каждого обучающегося и для класса в целом. Вместе с тем, в основной школе педагог может быть поставлен в ситуацию необходимости формирования плана образовательной деятельности в незнакомом ему классе, в этом случае экспресс-методы диагностики, не дающие достоверных результатов в отношении отдельных учащихся, позволяют получать статистически верные характеристики сформированности социально значимых ценностей для класса. Подобная экспресс-диагностика делается с использованием опросника П.В. Степанова и его соавторов [9: с. 8–24], содержащего утверждения, степень согласия или несогласия с которыми оценивается в баллах, причём та или иная их оценка не выглядит в глазах школьника заведомо общественно одобряемой. Оценки распределяются по шкалам, соответствующим уровням и аспектам личностного роста обучающегося.

Нами была обеспечена автоматизированная процедура такой диагностики, позволяющая получить анализ по классу за один урок; методика внедрена в образовательный процесс учителями иностранного языка образовательного комплекса ГБОУ г. Москвы «Школа № 854» с 2010 года. В качестве иллюстрации приведём динамику личностного роста в одном из классов образовательного комплекса (см. табл.). Процент выраженности конкретного уровня ценностных ориентаций, отмеченных в образовательном стандарте, для 7 класса в 2010 году и 9 класса в 2012 году показывает, что, несмотря на пубертатный возраст (особо проявившийся в отношении к своему внутреннему миру), обнаруживает положительную динамику по большинству параметров. Важно отметить, что диагностика личностного роста не относится к разряду психологических и потому не предусматривает согласия родителей на её проведение. Уведомления родителей на собраниях о целях диагностики вполне достаточно. Личностный рост — явление динамическое, требует повторной диагностики, но при этом опросник в основном общем образовании можно задействовать не чаще 1 раза в 2 года в одной и той же группе учащихся во избежание привыкания, снижающего достоверность результатов. Знание того, какие именно из социально значимых ценностей в конкретной группе необходимо формировать в первую очередь, позволяет целесообразно подбирать образовательный комплекс по иностранному языку, содержательно

**Сравнительный анализ результатов диагностики личностного роста в классе
(апрель 2010 – апрель 2012 гг.)**

Критерий анализа	Устойчиво- негативное, %		Ситуативно- негативное, %		Ситуативно- позитивное, %		Устойчиво- позитивное, %	
	2010	2012	2010	2012	2010	2012	2010	2012
Отношение к Отечеству	0,0	0,0	0,0	11,1	66,7	44,4	33,3	44,4
Отношение к природе	0,0	0,0	4,8	5,6	33,3	22,2	61,9	72,2
Отношение к миру	0,0	0,0	28,6	11,1	66,7	61,1	4,8	27,8
Отношение к труду	0,0	0,0	19,0	11,1	61,9	50,0	14,3	38,9
Отношение к культуре	0,0	0,0	9,5	11,1	61,9	50,0	28,6	38,9
Отношение к знаниям	4,8	0,0	23,8	5,6	47,6	38,9	19,0	55,6
Отношение к другим людям	4,8	0,0	33,3	16,7	47,6	61,1	4,8	22,2
Отношение к иным людям	0,0	5,6	14,3	22,2	76,2	33,3	9,5	38,9
Отношение к своему здоровью	0,0	0,0	4,8	0,0	61,9	27,8	33,3	72,2
Отношение к своему внутреннему миру	4,8	27,8	42,9	33,3	47,6	33,3	0,0	0,0

направленный именно на данные ценности, и эффективно использовать внеурочные образовательные формы.

Среди форм урочной и внеурочной деятельности обучающихся в иноязычном образовании наиболее предпочтительна проектная; сейчас эта форма стала повсеместной практикой, позволяющей преодолеть планку социально значимого действия. Проведённое нами анкетирование родителей показывает, что трудности использования проектной формы в иноязычном образовании в начальной школе связаны с тем, что учащиеся не всегда готовы делать проекты самостоятельно, без помощи семьи; при этом родители зачастую не обладают требуемой иноязычной компетенцией. Проектная форма в начальном иноязычном образовании успешна только с методической поддержкой педагога, в том числе путём семейного консультирования; то же справедливо для дошкольного отделения образовательных комплексов.

Иноязычное образование предоставляет особые возможности для личностного развития, поскольку позволяет сравнить родную и иноязычную культуру, и усиление лингвострановедческой компоненты иноязычного образования, в том числе посредством чтения факультативных курсов страноведения, является эффективным в плане формирования личностных результатов. Аксиологический потенциал современного иноязычного образования подчёркивается в [10: с. 233–245]. Язык, будучи продуктом социальной конвенции, отображает все устойчивые социальные явления. Даже в курсе грамматики возможно формирование ценностных ориентаций. Рассмотрим личностные результаты, которые могут

быть сформированы при изучении явления модальности в английском языке. Модальность отражает отношение к действию. В английском языке данное отношение выражается соответствующими модальными глаголами *can, may, need, ought (to), must* — *могу, умею, имею возможность, имею необходимость, имею моральный долг, должен, обязан*. Модальный глагол *need* оказывается в одном ряду с другими, выражающими категории возможности и долга. В процессе развития языка, в особенности — американского варианта английского языка, глагол *need* в значении *мне нужно* постепенно утратил характер модального. Уже в конце прошлого века преобладал вариант глагола *need* со вспомогательным глаголом при формировании вопросов и отрицаний [3: р. 949]. Таким образом, глагол *need*, выражающий потребность, оказался в одном ряду с *хотеть, любить, нравиться*. В такой эволюции грамматических форм нашли отражение социальные трансформации потребительского общества, не ограничивающего себя нравственными категориями. Дискуссия с обучающимися по поводу данного явления будет способствовать развитию социальной ответственности как ценности.

Воспитание социально ответственной личности в образовательном процессе невозможно, если учитель не обладает социально значимыми качествами, вне зависимости от языка, на котором он общается с обучающимися. В этой связи встаёт вопрос о степени развития профессиональной компетентности педагогов в сфере формирования личностных результатов.

Проведённые нами исследования показали, что первокурсники, выбравшие направление «Педагогическое образование», отличаются лучшими средними показателями по ценностным ориентациям в сравнении со средними показателями выпускников школ того же года [4]. Но и в этом случае остаётся проблематичным качество личностных результатов будущих учителей иностранного языка. Проиллюстрируем сказанное диаграммами (см. рис. 1), полученными в 2014 году с использованием опросника П.В. Степанова для 9–11 классов.

В данной группе выявлены следующие особенности:

- 16 % респондентов ощущают неудовлетворённость своими ценностными ориентациями (отношение к внутреннему миру);
- имеет место невысокий уровень толерантности — до 50 % ситуативно-негативного отношения;
- проявляется высокий уровень сформированности позитивного отношения к знаниям, культуре, труду, миру;
- требует внимания формирование патриотизма (немногим более 40 %), ценностного отношения к здоровью (также немногим более 40 %);
- формировать толерантность готовы лишь 25 % членов этой группы, гуманность — менее 20%, экологическую культуру — около четверти её членов.

Диагностика позволила конкретизировать задачи воспитательной работы в этой группе и определить организационные формы их решения:

- в области аксиологического аспекта рекомендованы научные семинары, конференции и т. д.;

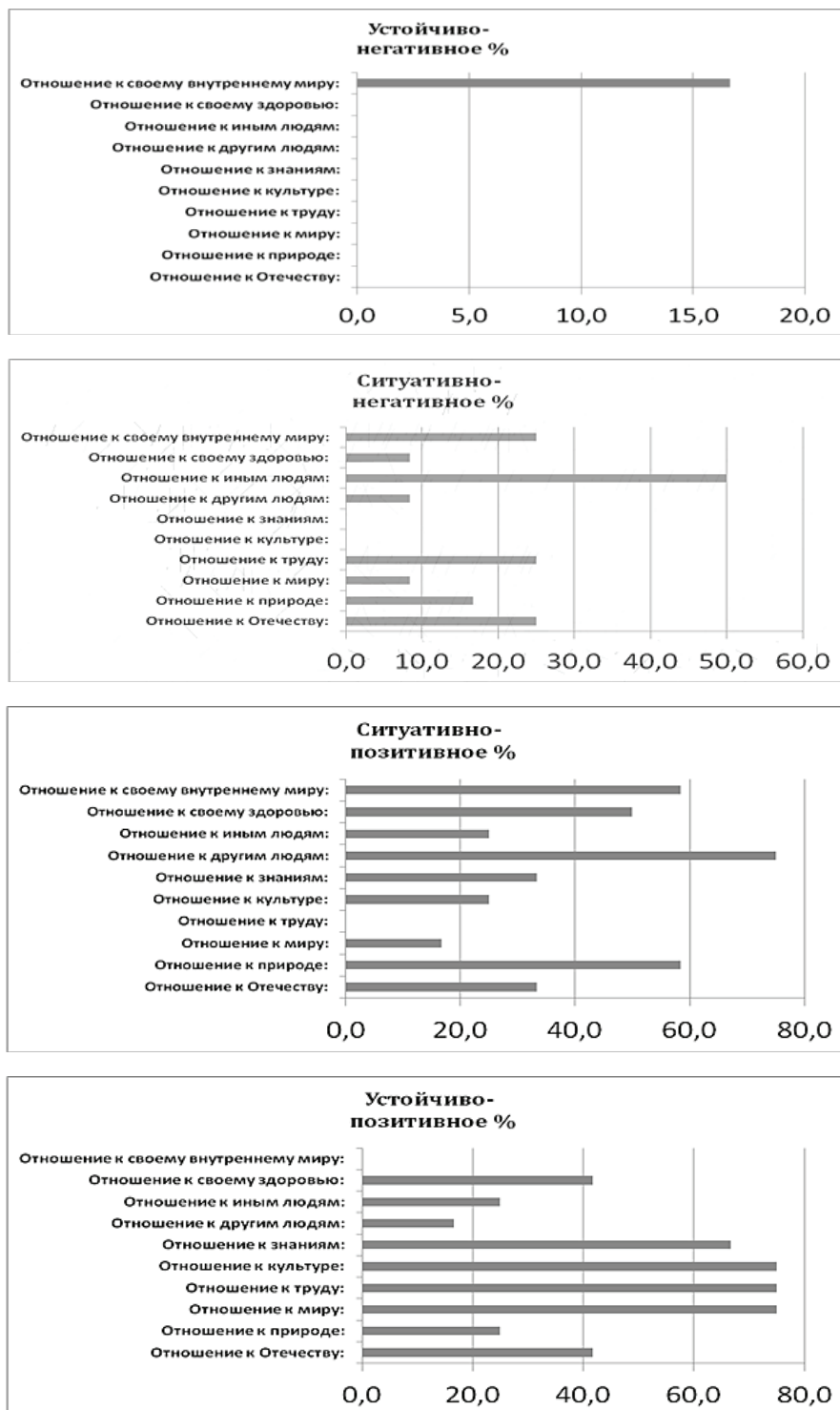

Рис. 1. Результаты диагностики группы 1-го курса педагогического вуза

- в области праксеологического аспекта требуется усиление практической деятельности по взаимодействию с детьми, в особенности в социально-реабилитационных центрах, детских домах и т. п.

Обобщение результатов диагностики студентов в ряде институтов МГПУ в течение четырёх лет указывает на следующие потребности в организации воспитательной работы в педагогическом вузе в целом:

- Очевидна необходимость и актуальность формирования кадрового потенциала педагогов, способных реализовать личностные результаты обучающихся на уровне, превышающем требования образовательного стандарта.

- Социальные проекты могут послужить эффективной формой подготовки таких кадров.

- Активизация образовательной деятельности, направленной на формирование устойчиво позитивного отношения к основным социальным ценностям посредством индивидуальных воспитательных траекторий, актуальна для всех типов образовательных учреждений.

Результативность преобразований, происходящих в современной школе, в том числе в иноязычном образовании, находится в прямой зависимости от уровня профессионально-педагогической компетентности педагогов, их личностных качеств, а также от уровня развития мотивационно-ценностной ориентации на профессию «педагог». Активная позиция компетентного педагога — носителя социально значимых ценностей — позволяет эффективно формировать личностные результаты обучающихся иностранному языку в начальной и основной школе при условии использования современных методов педагогической диагностики.

Библиографический список

Источники

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (1–4 кл.). URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922> (дата обращения: 07.05.2015).

2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.). URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938> (дата обращения: 07.05.2015).

Справочные и информационные издания

3. Longman Dictionary of Contemporary English. Edinburgh Gate: Pearson Education Ltd, 2001. 1668 p.

Литература

4. Андропова П.Е. О личности будущего педагога как факторе воспитательного процесса // Изменяющееся воспитание в изменяющейся России: Теории, практики, институты, технологии: мат-лы. Межд. научн.-практ. конф. (Москва, 15–17 октября 2012 г.). М.: НОУ «Педагогический поиск», 2012. С. 136–138.

5. *Коряковцева Н.Ф.* Развивающее обучение в системе иноязычной подготовки: проблемы, инновации, перспективы // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Вып. 567. Сер. «Педагогические науки». М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 55–56.

6. *Никитенко З.Н.* Концептуальные основы развивающего иноязычного образования в начальной школе: монография. М.: Прометей, 2011. 191 с.

7. *Ромашина С.Я., Майер А.А., Межина А.В.* Фасилитация развития субъекта образования: учеб.-метод. пособие. М.: МГПУ, 2010. 102 с.

8. *Степанов П.В., Степанова И.В.* Оценка качества и анализ воспитания в основной и средней школе: пособие для учителей общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2014. 80 с.

9. *Степанов П.В.* Оценка качества воспитанности в образовательных учреждениях / Л.В. Алиева, Г.Ю. Беляев, Д.В. Григорьев, Н.Л. Селиванова, П.В. Степанов, И.В. Степанова. М.: Московский центр качества образования, 2010. 64 с.

10. *Тарева Е.Г.* Динамика ценностных смыслов лингводидактики // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллектив. монография / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, Е.Г. Тарева и др. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.

References

Istochniki

1. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obrazovaniya (1–4 kl.). URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922> (data obrashheniya: 07.05.2015).

2. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshchego obrazovaniya (5–9 kl.). URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938> (data obrashheniya: 07.05.2015).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

3. Longman Dictionary of Contemporary English. Edinburgh Gate: Pearson Education Ltd, 2001. 1668 p.

Literatura

4. *Andronova R.E.* O lichnosti budushhego pedagoga kak faktore vospitatel'nogo processa // *Izmenyayushheesya vospitanie v izmenyayushhejsya Rossii: Teorii, praktiki, instituty, tehnologii: mat-ly'*. Mezhd. nauchn.-prakt. konf. (Moskva, 15–17 oktyabrya 2012 g.). М.: NOU «Pedagogicheskij poisk», 2012. S. 136–138.

5. *Koryakovceva N.F.* Razvivayushhee obuchenie v sisteme inoyazy'chnoj podgotovki: problemy, innovacii, perspektivy // *Vestnik Moskovskogo gos. lingvisticheskogo un-ta. Vy'p. 567. Ser. «Pedagogicheskie nauki»*. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. S. 56–66.

6. *Nikitenko Z.N.* Konceptual'ny'e osnovy razvivayushhego inoyazy'chnogo obrazovaniya v nachal'noj shkole: monografiya. М.: Прометей, 2011. 191 с.

7. *Romashina S.Ya., Mayer A.A., Mezgina A.V.* Fasilitaciya razvitiya sub'ekta obrazovaniya: ucheb.-metod. posobie. М.: МГПУ, 2010. 102 с.

8. *Stepanov P.V., Stepanova I.V.* Ocenka kachestva i analiz vospitaniya v osnovnoj i srednej shkole: posobie dlya uchitelej obshheobrazovatel'ny'x organizacij. М.: Prosveshchenie, 2014. 80 с.

9. *Stepanov P.V.* Ocenka kachestva vospitannosti v obrazovatel'ny'x uchrezhdeniyax / L.V. Alieva, G.Yu. Belyaev, D.V. Grigor'ev, N.L. Selivanova, P.V. Stepanov, I.V. Stepanova. M.: Moskovskij centr kachestva obrazovaniya, 2010. 64 S.

10. *Tareva E.G.* Dinamika cennostny'x smy'slov lingvodidaktiki // *Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov; kollektiv. monografiya* / L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova, E.G. Tareva i dr. M.: Tezaurus, 2011. 352 s.

О.А. Муратова

Проблема обучения критическому мышлению студентов экономических вузов на занятиях по иностранному языку

В статье ставится вопрос о необходимости развития критического мышления студентов экономических вузов в процессе обучения иностранному языку. Особое внимание уделяется ряду проблем, возникающих при достижении задачи формирования умений и навыков критического мышления студентов. Описываются технологии обучения, направленные на развитие аналитических умений.

The article raises the issue of the necessity to develop students' critical thinking skills in foreign languages classes in universities of economics. It pays special attention to some problems that can arise in the attempt to achieve the goal of building critical thinking skills. It also describes methods of teaching analytical skills to students.

Ключевые слова: критическое мышление; критический анализ; объективная оценка; межкультурные различия.

Keywords: critical thinking; critical analysis; objective assessment; cross cultural differences.

В настоящее время в методических публикациях и на научно-практических конференциях внимание преподавателей всё чаще акцентируется на необходимости развития в процессе обучения иностранному языку (далее — ИЯ) *критического мышления* студентов. Данное направление исследований обусловлено модернизацией учебного процесса и использованием информационных технологий, дающих свободный доступ к информации, требующей активизации когнитивных процессов обучающихся, включения возможностей критического мышления. Владея способностью мыслить критически, студент может самостоятельно работать с информацией любой сложности, выражать свои мысли (устно и письменно) ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений, принимать взвешенные решения, выстраивать конструктивные взаимоотношения с другими людьми. Это позволяет избежать перегруженности информацией, сократить количество стрессовых ситуаций в образовательном процессе и в дальнейшей профессиональной деятельности [7].

С учётом потенциальных возможностей критического мышления, его значимости для становления современного выпускника вуза закономерно возникает необходимость целенаправленного формирования нового стиля мышления,

для которого характерны открытость, гибкость, рефлексивность, осознание внутренней многозначности позиций и точек зрения, альтернативности принимаемых решений. Данная статья посвящена исследованию ряда проблем, возникающих в ходе формирования критического мышления студентов экономического вуза в процессе обучения ИЯ.

Обучение критическому мышлению (*critical thinking*) — образовательная технология, весьма популярная и вполне успешно реализуемая в зарубежных университетах. Внедрению данной технологии способствуют такие модели, как модульное обучение и персонализированное обучение (*Personal System Instruction*) [1: с. 132]. Данные модели дают студентам возможность самостоятельно работать с индивидуальной программой, включающей в себя план действий, учебный материал и методические рекомендации по достижению целей. Поскольку выполнение самостоятельных действий требует сформированных аналитических умений и способности студента мыслить критически, то университеты предусматривают специальные курсы, направленные на формирование у студентов этих важных умений. Например, в университете штата Огайо студенты 1 курса изучают курс «Деловая коммуникация» (*Business Communication: building critical skills*), который состоит из нескольких модулей, посвящённых правильному оформлению деловой корреспонденции, формированию межкультурной компетенции и умений межличностных отношений [10]. Каждый модуль включает в себя учебный материал, после ознакомления с которым студентам предлагаются задания, направленные на развитие критического мышления. Одним из примеров таких заданий является анализ конкретной (проблемной) ситуации (*Case study*), сущность которого заключается в систематическом вовлечении студентов в процесс поиска обоснованного решения незнакомых для них проблем. Внимание обучающихся акцентируется на противоречиях и сомнениях, мотивирующих к раскрытию источника их возникновения и обоснованию каждого шага в ходе решения проблемы. Данное задание формирует способность выявить проблему и активизирует критичность мышления у студентов. Помимо анализа ситуаций (*Case study*) предлагается выполнить проект на одну из тем в изучаемом курсе. Для практической реализации проекта требуется эффективно применить накопленный багаж знаний и умений, осуществить осмысленный выбор стратегий и адаптировать их согласно конкретным целям и задачам [4: с. 245]. Такие задания актуализируют познавательную и творческую деятельность каждого студента и, в итоге, способствуют созданию условий для формирования критического мышления.

Как указывают авторы [4; 6], студенты отечественных вузов не имеют мотивированной привычки критического отношения к усваиваемой в ходе целенаправленного обучения информации и принимают её на веру. В своей педагогической практике мы наблюдаем, что студенты не готовы к полноценной, непредвзятой, объективной критической оценке того, что им преподносится

как в аудиторном пространстве, так и за его пределами (в ходе самостоятельной работы с привлечением интернет-ресурсов) [2]. Как следствие, погружаясь в зарубежный образовательный контекст (в ходе стажировок или иных форм академической мобильности), студенты испытывают ощутимый дискомфорт, снижается успешность выполнения заданий, затрудняется процесс адаптации к условиям иного академического социума.

Возникает проблема, связанная с обеспечением процесса формирования способности к критическому мышлению студентов российских вузов, особенно студентов экономической специализации, профессиональная квалификация которых требует подключения действий особой когнитивной «заострённости» — критической оценки информации, личностно мотивированного отношения к фактам, событиям и процессам экономического развития. Важным представляется понимание многоаспектности исследования проблемы инновационной экономики, знание потенциала каждого из вариантов принятия решения, осознание своей позиции, рефлексивного к ней отношения и пр. В целом, формирование критического мышления требует смены образовательных приоритетов. При толковании фактов и явлений важно перейти с однозначности на многозначность, с бесспорности на оспариваемость позиций, с «априорного принятия» точки зрения собеседника на критическое осмысление различных мнений. И как следствие, принять только ту идею, которая удовлетворяет критериям поиска, с позиции «не согласен, но лучше промолчу» на позицию «обязательно выскажусь, если не согласен». Требуется, по сути, корректировка на уровне ментальных образований студентов, их мировоззрения, ценностных ориентаций, что входит в структуру ценностно-смыслового компонента подготовки выпускников вузов, являющегося одним из наиболее сложных для принятия дидактических решений.

Особая значимость формирования и развития критического мышления студентов экономического вуза обусловлена их активным включением в иноязычное профессиональное пространство, в пределах которого имеется множество несовпадений на уровне фрагментов профессиональных картин мира из-за различного характера мироустройства, геополитических факторов. Студентам необходимо осознать данные расхождения, критически их осмыслить для принятия корректного ответственного решения и его полноценного предъявления (формулирования) представителю иного лингвосоциума [5: с. 101].

Формирование критического мышления — сложная задача. Одной из проблем, с которой сталкивается преподаватель на занятии ИЯ, является то, что для студентов понятие «критика», как правило, имеет негативную коннотацию. При выполнении задания, направленного на критический анализ высказывания товарища, студенты непременно подразумевают подчёркивание или выделение исключительно отрицательных моментов. Слушая критику со стороны товарища, студент чувствует себя неловко, и в дальнейшей работе на занятии это приводит к нежеланию выражать свои идеи. В практике обучения встречаются случаи, когда

обучающийся, пытаясь избежать неприятной ситуации, испорченных отношений и нередко конфликта, пытается завуалировать критику, превращая объективный и правильный отзыв в неверную оценку. У того, кого он таким образом оценивает, возникает «иллюзия успеха» — необъективный взгляд на результаты своей речевой деятельности, что создаёт помеху для достижения более высоких результатов при овладении ИЯ. К сказанному добавляется проблема адекватного выражения критической оценки на ИЯ. Неизбежны существенные трудности, связанные не только с содержательной стороной речевой деятельности, но и с формулированием результатов критического мышления. Преодолеть эту трудность можно путём ознакомления студентов с толкованием и сущностным содержанием понятия «критика», предполагающего (по В.И. Далю) «розыск и суждение» не только о недостатках какого-либо труда, сочинения, но и об их достоинствах, предусматривающего разбор и оценку [3].

Ещё одна существенная проблема при формировании способности к критическому мышлению — неготовность (в силу недостаточного багажа знаний для вынесения обоснованной оценки) студентов к критической оценке материалов, подготовленных преподавателем. Например, просьба проанализировать материал лекции, семинара или пособия авторов с высоким уровнем квалификации и компетенции представляется студенту странной, непонятной и лишённой всякого смысла.

Добавим, что преподавателю важно помнить о межкультурных различиях, которые могут помешать развитию критического мышления у студентов и быть причиной серьёзных конфликтов. Нередко в аудитории присутствуют студенты разных национальных культур, с нравственными и культурными ценностями, в которых порядочность, честность, вежливость и уважение к старшим (в том числе к преподавателям) прививается с детства и высказывание критики в адрес человека, несущего знания, или сомнение в твёрдо устоявшихся взглядах и принятие противоположных идей недопустимы [2].

И наконец, важно помнить о существовании «щекотливых» тем, которые вызывают много споров и дискуссий как в обществе, так и на занятиях. Такие проблемные вопросы, как социальные последствия генной инженерии или клонирования человека, в идеале требуют объективной оценки их преимуществ и недостатков, взвешивания всех *за* и *против* и, следовательно, формирования своего мнения, основанного на фактах. Предубеждения, религиозные взгляды и эмоции часто «парализуют» способность трезво взглянуть на ситуацию и служат препятствием для принятия правильного и разумного решения проблемы [8].

Преподавателю необходимо учитывать перечисленные выше сложности и не отступать от достижения задачи формирования навыков критического мышления у студентов. Выполнение этой задачи требует огромного количества времени, терпения и заинтересованности преподавателя, так как любому человеку свойственны свои установки и предрассудки, и заставить его пересмотреть и даже изменить свои убеждения непросто. Важно донести до студента необходимость независимого мышления, смысл которого заключается в том, как мы думаем, а не что мы думаем [9].

В заключение стоит отметить, что реалии современной жизни и модернизация образования обуславливают необходимость формирования *критического мышления* у студентов. Умение самостоятельно и творчески мыслить поможет студенту добиться успехов в образовательном процессе, лучше адаптироваться к непростым условиям на современном рынке труда, которому нужны образованные, квалифицированные и мобильные работники, и подготовиться к решению сложных жизненных задач.

Библиографический список

Литература

1. *Бондаренко Е.Н.* Технологии и методы обучения студентов в зарубежном педагогическом вузе // Высшее образование в России. Народное образование. Педагогика. 2009. № 6. С. 132–138.
2. *Бернацкая М.В., Муратова О.А.* Использование критического мышления при обучении иностранному языку студентов экономических вузов // Концепт. 2014. № 4. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14107.htm>. Гос. рег. эл. по ФС 77-49965. ISSN 2304-120X (дата обращения: 08.02.2015).
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля: подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. Электрон. дан. М.: АСТ [и др.], 1998. URL: <http://slovardalya.ru/description/kritika/14188> (дата обращения: 15.04.2015).
4. *Пригожина К.Б.* Организация самостоятельной работы студентов средствами компетентностно-когнитивного подхода // Педагогическое мастерство: мат-лы IV Междунар. научн. конф. (Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 244–246.
5. *Тарева Е.Г.* Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 98–103.
6. *Тарева Е.Г., Казанцева Е.М.* Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник МГПУ. Сер. «Филология, Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 65–77.
7. *Терно С.А.* Обучение критическому мышлению — «экзотические приёмы» или решение нетривиальных проблем? // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2014/01/5594> (дата обращения: 10.01.2015).
8. *Черкашина Е.И.* Преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе: особенности профессионального становления // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 2 (4). С. 81–85.
9. *Cottrell S.* Critical Thinking Skills, developing effective analysis and argument. Second edition. England: Palgrave Macmillan, 2011. P. 3–30.
10. *Locker K.O., Kaczmarec S.K., Braun K.* Business Communication. Building Critical Skills. Third edition. Canada: McGraw-Hill Ryerson Limited, 2007. P. 4–45.

References

Literatura

1. *Bondarenko E.N.* Technologii i metody' obucheniya studentov v zarubezhnom pedagogicheskom vuze // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. Narodnoe obrazovanie. Pedagogika. 2009. № 6. S. 132–138.

2. *Bernaczkaya M.V., Muratova O.A.* Ispol'zovanie kriticheskogo my'shleniya pri obuchenii inostrannomu yazy'ku studentov e'konomicheskikh vuzov // *Koncept*. 2014. № 4. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14107.htm>. Gos. reg. e'l. po FS 77-49965. ISSN 2304-120X (data obrashheniya: 08.02.2015).
3. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo russkogo yazy'ka Vladimira Dal'ya: podgot. po 2-mu pech. izd. 1880–1882 gg. E'lektron. dan. M.: AST [i dr.], 1998. URL: <http://slovar-dalya.ru/description/kritika/14188> (data obrashheniya: 15.04.2015).
4. *Prigozhina K.B.* Organizatsiya samostoyatel'noj raboty' studentov sredstvami kompetentnostno-kognitivnogo podxoda // *Pedagogicheskoe masterstvo: mat-ly' IV Mezhdunar. nauchn. konf. (Moskva, fevral' 2014 g.)*. M.: Buki-Vedi, 2014. S. 244–246.
5. *Tareva E.G.* Kommunikativny'j podxod: v poiskakh lingvodidakticheskikh innovacij // *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. 2014. № 5. S. 98–103.
6. *Tareva E.G., Kazanceva E.M.* Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podxod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2011. № 2 (8). S. 65–77.
7. *Terno S.A.* Obuchenie kriticheskomu my'shleniyu — «e'kzoticheskie priomy'» ili reshenie netrivial'ny'x problem? // *Gumanitarny'e nauchny'e issledovaniya*. 2014. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2014/01/5594> (data obrashheniya: 10.01.2015).
8. *Cherkashina E.I.* Prepodavatel' inostrannogo yazy'ka v neyazy'kovom vuze: osobennosti professional'nogo stanovleniya // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2009. № 2 (4). S. 81–85.
9. *Cottrell S.* *Critical Thinking Skills, developing effective analysis and argument*. Second edition. England: Palgrave Macmillan, 2011. P. 3–30.
10. *Locker K.O., Kaczmarec S.K., Braun K.* *Business Communication. Building Critical Skills*. Third edition. Canada: McGraw-Hill Ryerson Limited, 2007. P. 4–45.

А.С. Карпова

Реализация мифологического сюжета о Пигмалионе в русской литературе первой половины XIX века

Статья посвящена изучению социальных и художественно-эстетических причин востребованности сюжета о Пигмалионе и Галатее в русской литературе XIX века. Особый интерес к этому мифологическому сюжету был обусловлен его связью с проблемой творческого начала в человеке, самовоспитания и воспитания «другого». Миф, как показано в статье, призывал к оживлению фантазии художника, к творчеству, символизировал жизненное пробуждение ото сна.

This article is devoted to research of social and artistic aesthetic reasons of the demand for the plot about Pygmalion and Galatea in the XIX century's Russian literature. A particular interest in this mythological plot was caused by its connection with the issue of human creativity, self-cultivation and cultivation of another person. The myth, as shown in the article, called for revival of the artist's imagination and creativity, symbolized life awakening after sleep.

Ключевые слова: русская литература XIX века; миф; миф о Пигмалионе; мифопоэтика.

Keywords: Russian literature of the XIX century; myth; myth about Pygmalion; mythopoetic.

Мифологический пласт в литературных текстах, созданных в эпоху, когда, казалось бы, произошел окончательный разрыв с архаикой, в последнее время неизменно и справедливо привлекает внимание учёных. Всё чаще говорится о том, что реалистическая эстетика не потеряла связи с такими глубинными структурами, как миф, и что мифологическое мышление в литературе не исчезло, утвердившись там ещё на этапе романтизма, начавшего «освоение мифа как эстетического феномена» в плане последовательного его использования «на всех уровнях художественной системы (жанр, стиль, поэтика)» [17: с. 4]. К тому же существовали мифологические сюжеты, ёмко отражающие философско-эстетические и социально-нравственные запросы общества.

Одним из таких популярных «сюжетов» в мировой литературе является миф о Пигмалионе и Галатее. Греческий вариант мифа¹ стал востребованным в литературе ещё в XVIII веке (пьеса Ж.-Ж. Руссо «Пигмалион»), затем распространился в XIX веке (поэзия Е.А. Баратынского, А.А. Дельвига, А.А. Фета, Я.П. Полонского, проза И.А. Гончарова и А.В. Дружинина, И.С. Тургенева, А.И. Куприна, жизнетворчество Н.Г. Чернышевского)², в XX столетии (пьеса Б. Шоу «Пигмалион», рассказ Ю. Никитина «Пигмалион», рассказ А. Бестера «Прекрасная Галатеея», комедия М. Казовского «Новый Пигмалион», рассказ О. Ларионовой «Планета, которая ничего не может дать», пьеса Тауфика аль-Хакима «Пигмалион») и в начале XXI века (цикл рассказов Ю.В. Буйды «У кошки девять смертей», роман В. Семенова «Эффект Пигмалиона»).

Остановимся на структурных элементах сюжета о Пигмалионе, которые были востребованы литературой XIX века.

Во-первых, героиня оказывалась, как правило, юным созданием, и была внешне схожа с холодной белоснежной каменной статуей; герой уподоблялся скульптору, «ваял» свою спутницу, а в результате обычно влюблялся в своё «произведение». Примечательно, что в литературе середины XIX века Пигмалион и Галатеея нередко менялись ролями: женщина оказывалась творцом, пробуждающим к жизни апатичного мужчину. Сюжет о Пигмалионе проявлялся в *мотивах камня, статуи, статуарности, скульптурности* [16: с. 408] как героини, так и героя.

Во-вторых, литературная Галатеея XIX века обладала чертами героинь романов Жорж Санд. У французской писательницы женщина оказывалась на особом пьедестале. По свидетельству Ф.М. Достоевского, её героини «представляли собою тип <...> высокой нравственной чистоты <...> жаждали жертв, подвига» [4: т. 13, с. 193]. *Жоржсандовские мотивы* соединялись с сюжетной линией мифа и подчинялись отчасти социальной задаче реализации в литературе женского вопроса: просвещения и эмансипации женщины и общества³.

В-третьих, это вытекающий из вышеперечисленного *мотив жертвенности* героини, которая стремилась перенять функции Пигмалиона: в порыве оживить супруга, пробудить в нём интерес к жизни героиня шла на самопожертвование. Этот мотив акцентирует главенствующее положение мужчины

¹ Напомним его основное содержание. Кипрский царь Пигмалион, обладающий даром искусного ваяния, вырезал из слоновой кости прекрасную женскую статую и нарёк её Галатеей. Он полюбил своё создание и пожелал его оживить, так как ему казалось, что никто из живущих не сравнится по красоте с его скульптурой. Пигмалиону помогла Афродита, которая ему покровительствовала. Она совершила чудо: превратила статую в царицу Кипра. Миф о Пигмалионе призывал к оживлению фантазии творца, что метафорически выражалось в пробуждении от окаменения, но также заключал в себе мысль о значимости руководства по жизни.

² Проблема реализации данного мифа в художественных текстах XIX века затрагивается в работах Г.П. Козубовской «Середина века миф и мифопоэтика» [14], А. Молнар «Поэтика романов И.А. Гончарова» [15], Л.А. Ходанен «Миф в творчестве русских романтиков» [17].

³ О жоржсандовских мотивах в русском романе в свете вопроса эмансипации семьи см.: [12].

в социуме, однако указывает и на гендерные изменения, в результате которых обществу предстояло по достоинству оценить созидательную роль женщины.

В-четвертых, Пигмалионом зачастую оказывался человек искусства и давал о себе знать *мотив творчества*. Это актуально и для женщины-Пигмалиона, но её талант раскрывался только в процессе воспитания ею любимого человека как осуществления идеи о ценности сотворчества.

Для мифа о Пигмалионе с *мотивом творчества (художника в широком смысле слова)* неразрывно связаны основополагающие *мотивы красоты и любви*, поскольку их силой из безжизненного материала создаётся прекрасное.

В литературе одним из первых обратил внимание на древнегреческий сюжет о Пигмалионе Ж.-Ж. Руссо в одноактной лирической пьесе в прозе «Пигмалион» (1762). Вдохновение Руссо черпал из «Метаморфоз» Овидия, где и был изложен этот древнегреческий сюжет⁴ [5]. Французское искусство XIX века активно воссоздавало данный миф: он нашёл своё выражение в опере-балете Ж. Рамо «Пигмалион» (1748), в живописи Ф. Буше («Пигмалион и Галатеея», 1767), в скульптуре М. Фальконе («Пигмалион и Галатеея», 1763).

Идея Руссо антропоцентрична: история его Пигмалиона доказывает, что не только Богу дано создавать совершенное, но есть и человек, наделённый даром воплощать красоту. Французский мыслитель, совпадая с романтиками в стремлении опереться на древнегреческую мифологию, подчёркивает актуальность темы художника во все времена. У Руссо Галатеея, созданная силой фантазии, оживает и свидетельствует о существовании рукотворного идеала. *Мотив творчества* и образ художника здесь — основное, ведь Пигмалион с пробуждением статуи обретает себя, он любит в Галатеее именно себя: «...я обожаю себя в том, что я создал... Нет, никогда в природе не появлялось ничего более прекрасного; я превзошел творения богов...» [9: т. 1, с. 507].

Образ творца, созданный Руссо, повлиял на бытование данного сюжета в русской литературе, что сказалось к концу XVIII века: в переходные эпохи «античный сюжет о Пигмалионе актуализируется в качестве эстетической концепции, определяющей роль идеала в акте художественного творчества», как справедливо отмечает А.В. Зезюлевич [13: с. 513].

Одним из первых русских литераторов, заинтересовавшихся вечным сюжетом об оживающей статуе, стал поэт и драматург В.И. Майков⁵, воплотивший его в своей музыкальной драме «Пигмалион, или Сила любви» (1779). Пигмалион Майкова не только силой воображения, но и силой любви пробуждает статую. Таким образом, писатель развивает идею Руссо, концентрируясь на области чувств, что связано с укоренением сентиментализма. То есть сюжет о Пигмалионе подвергается в отечественной литературе своей «кодификации» [13: с. 514] и получает вектор развития, отличный от Руссо.

⁴ Во Франции по этой книге преподавали латинский язык.

⁵ Далее везде упоминается русский поэт и драматург В.И. Майков (1728–1778).

Скульптурный миф, частью которого является миф о Пигмалионе, привлекал русских романтиков, таких как Е.А. Баратынский («Скульптор», 1841) и А.А. Дельвиг («Изобретение ваяния», 1825–1829?).

Поэзия Дельвига на всех этапах была связана с пластическим стилем [17: с. 175–187], который выбирает поэт для погружения в античность в своих идиллиях. Уже в ранних стихотворениях лицейского периода Дельвиг часто обращается к мифологической теме: «Стихи на рождение В.К. Кюхельбекера» (1813), «К К<нязю Горчакову>» (1815), «На смерть Державина» (1818), «Купидону» (1819 или 1820), «Надпись на статую флорентийского Меркурия» (1819 или 1820), «К Е.А. Кильштетовой» (1818).

Наиболее полно данный миф воплотился в идиллии «Изобретение ваяния». Поэт не обращается напрямую к мифу о Пигмалионе и Галатее, но ключевой в идиллии является тема художника и сотворение им прекрасной скульптуры. Дельвиг воспеваёт божественную сущность искусства, дар художника. Юный скульптор из мёртвой глины создаёт живое подобие живого оригинала — Хариты, в которую он безответно влюблён: «Ликидас, всеми любимый, был презрен единой пастушкой, Злою Харитой, которою он безрассудно пленился!» [3: с. 133]. Всё происходящее в идиллии представлено как чудо: «Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!» [3: с. 133]. Чудесное здесь заключается не только в помощи богов, но и в том, что скульптор не простой творец, а влюблённый художник.

У Баратынского же в стихотворении «Скульптор» (1841) всё начинается с мотива творческого преображения камня художником: «Глубокий взор вперив на камень, // Художник Нимфу в нём прозрел...» [1: т. 1, с. 226]. Поэт развивает тему художника и любви: миф, любовь и творчество у поэта неразрывно связаны в идее великой созидательной силы искусства. В конечных строках «Скульптора» дана ситуация ответной реакции Галатеи — это итог стараний скульптора: отклик, к которому стремится творец. Только так свершится «победа», а скульптор явит себя «мудрецом».

Мотив скульптурности звучит и в стихотворениях А.А. Фета «Кусок мрамора» (1847) и «Влажное ложе покинувши...» (1847). В первом творец создаёт произведение искусства из камня: «Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый мрамор; // Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить: // Что одевает кора грубо изрубленной массы? // Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик, // Змей примирителя жезл, крылья и стан быстроногий, // Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?» [11: т. 1, с. 137], где читатель — свидетель тайны замысла художника, его творческих исканий.

Во втором стихотворении поэт обращается к мотиву красоты, развёрнутому с помощью мифа о Пигмалионе: «Юношу он на траве увидал: белоснежные члены // Были раскинуты... // ...и белые формы на тёмной // Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались; // Весь был разодран хитон, округлые бёдра белели, // Будто бы мрамор, приявший изгибы из рук Праксителя...» [11: т. 1, с. 136].

Скульптурный миф здесь воссоздаётся на контрасте мёртвого «мрамора» тела юноши и живой зеленеющей природы — «трав благовонных». Как отмечает Г.П. Козубовская, «очевидна смена представлений о мифе — от мифа, осмысленного как культура, к мифу, осмысленному как органика, природа» [14: с. 92].

К теме художника также обращался Я.П. Полонский. В стихотворении «Статуя» (1841) лирический герой вспоминает былое величие Эллады, глядя на мрамор статуи, пробуждающей в его душе, как у Пигмалиона, желание творить: «Чтобы с утренним первым лучом // В мертвый мрамор ударить резцом, // благородным и резким чертам // Уловленную мысль передать // И чредою грядущим векам // Все, что было завещано нам, // В первобытной красе завещать!» [7: т. 1, с. 30]. Повторение момента переживания художником творческого подъёма под влиянием искусства античности («Помню я, как...») — своеобразный залог духовного единства времён.

В «Весталке» (1849) Полонский актуализирует миф о Пигмалионе с помощью мотива сна: «это и экскурс в прошлое героини, это и начало зарождающихся сомнений в необходимости служения кумиру, это и “пробуждение” сознания, это и зреющее подспудное решение» [14: с. 57]. Поэт развивает мотивы творчества, любви и красоты, но дополняет их мотивом жертвенности героини, что характерно в целом для литературы того периода: Полонский «сталкивает живое и мёртвое (статуя богини — символ мёртвого), овеществляя, материализуя внутренний конфликт героини, заключающийся в противоречии женской природы и мёртвой догмы — долга, искажающего эту природу» [14: с. 61]. Его интересует героическая личность, которую он находит в античном мире, в данном случае это женщина, приносящая себя в жертву ради любви, не желающая страдать от несчастливого семейного союза: «Потухни, жертвенник, как это пламя страсти // Потушит завтрашня казнь!» [6: т. 1, с. 170–175]. Судьба самого литератора напоминает миф о Пигмалионе, что выразилось в отношениях писателя с его второй женой (см.: [14: с. 61]).

В рассказе Полонского «Статуя весны» (1862) также встречается этот сюжет. Он вовлечён в проблематику «отцов» и «детей»: мальчик Илюша обделён вниманием со стороны отца и потому живёт в воображаемом мире, в котором он влюбляется в белоснежную гипсовую статуэтку богини Весны: «статуя Весны, с своим античным профилем, была, так сказать, его маленьким кумиром» [8: с. 15]. По неосторожности Илюша разбивает статую, желая её поцеловать, после чего у него начинаются видения, он тяжело заболевает, но в итоге выздоравливает. Его отец работал день и ночь, чтобы «оставить по себе достойный памятник» [8: с. 3], позабыв, что его главным трудом, статуей, над которой должно было трудиться, являлся его маленький сын. Думается, для Полонского была важна мысль о взаимодействии творческой фантазии с действительностью, а также об ответственности человека за свою жизнь, которую нужно рассматривать как труд и творчество, что характерно в целом для прозы 1860-х годов.

Сюжет о Пигмалионе нашёл своё отражение и в романе И.С. Тургенева «Накануне» (1860). Один из персонажей романа, скульптор Шубин, видит и оценивает мир с эстетической точки зрения, мыслит категориями искусства: «<...> у болгара характерное, скульптурное лицо; вот оно теперь хорошо осветилось...» [10: с. 52]. Фамилия героя также не случайна и должна напоминать читателю об известном русском скульпторе. Шубин талантлив, он чувствует красоту, но уловить её в природе не может. В его представлении, красоту мира способна передать только женщина, и жизнь героя превращается в постоянный поиск красавиц, получающий в романе ироническую окраску. Шубин-художник находит идеал в образе Елены, чьё имя отсылает нас в античные времена Трои. «Статуарность» героини напоминает также Галатею: «В начале романа она — статуя, которой любуются, молчаливо соперничая друг с другом, окружающие её мужчины...» [14: с. 155]. После смерти Инсарова Елена становится «окаменевшей», что замыкает сюжет об оживающей статуе.

Интерес к мифу о Пигмалионе не ослабевал и в последующие десятилетия, так как он затрагивал насущное: отношения художника и эстетического идеала, но позволял каждой эпохе выявить в общем то неповторимое, что было свойственно именно ей. Свои мотивы обращения к мифологическому сюжету о Пигмалионе были в русской литературе середины XIX века, которая ставила перед собой задачу пробудить общество, предложить иные, свободно-творческие, отношения внутри семейного союза и описать новые возможности созидательного участия одного человека в жизни другого.

Библиографический список

Источники

1. *Баратынский Е.А.* Скульптор («Глубокий взор вперив на камень...») // Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1936. С. 226.
2. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952–1955. 576 с.
3. *Дельвиц А.А.* Полн. собр. стихотворений. М.–Augsburg: Im Werden–Verlag, 2002. 164 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. Л.: Наука. Ленинград. отд., 1994. 544 с.
5. *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы. М.: Худож. лит-ра, 1977. 431 с.
6. *Полонский Я.П.* Весталка // Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений Я.П. Полонского: в 5 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. С. 170–175.
7. *Полонский Я.П.* Статуя // Полн. собр. стихотворений Я.П. Полонского: в 5 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. С. 30.
8. *Полонский Я.П.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Повести и рассказы. СПб.: Изд.-е Ж.А. Полонской, 1896. 582 с.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. 852 с.
10. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М.: Худож. лит-ра, 1976. 389 с.
11. *Фет А.А.* Собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1839–1863 г. / Под общ. ред. Г.Д. Асланова и др.; ред. тома Н.П. Генералова, В.А. Кошелев, Г.В. Петрова. СПб.: Академический проект, 2002. 552 с.

Литература

12. *Беляева И.А.* Роман А.И. Герцена «Кто виноват?» и проблема счастья в русской прозе 1840-х годов // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 1. С. 38–44.
13. *Зезюлевич А.В.* В поисках идеала: сюжет о Пигмалионе в русской литературе переходных эпох // Revitalizacehodnot: umenia literatura: Kolektivni monografie. Brno: Tribun EU, 2013. С. 51–518.
14. *Козубовская Г.П.* Середина века: миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008. 273 с.
15. *Молнар А.* Поэтика романов И.А. Гончарова. М.: Спутник+, 2004. 157 с.
16. *Назирова Р.Г.* О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. 408 с.
17. *Ходанен Л.А.* Миф в творчестве русских романтиков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 320 с.

References*Istochniki*

1. *Baraty'nskij E.A.* Skul'ptor («Glubokij vzor vperiv na kamen'...») // Baraty'nskij E.A. Poln. sobr. stixotvorenij: v 2 t. T. 1. L.: Sov. pisatel', 1936. 226 s.
2. *Goncharov I.A.* Sobr. soch.: v 8 t. T. 8. M.: Gos. izd-vo xudozh. lit., 1952–1955. 576 s.
3. *Del'vig A.A.* Poln. sobr. stixotvorenij. M.–Augsburg: Im Werden–Verlag, 2002. 164 s.
4. *Dostoyevskij F.M.* Sobr. soch.: v 15 t. T. 13. L.: Nauka. Leningrad. otd., 1994. 544 s.
5. *Publij Ovidij Nazon.* Metamorfozy'. M.: Xudozh. lit-ra, 1977. 431 s.
6. *Polonskij Y.P.* Vestalka // Poln. sobr. stixotvorenij Y.P. Polonskogo: v 5 t. T. 1. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1896. S. 170–175.
7. *Polonskij Y.P.* Statuya // Poln. sobr. stixotvorenij Y.P. Polonskogo: v 5 t. T. 1. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1896. S. 30.
8. *Polonskij Y.P.* Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 4: Povesti i rasskazy'. SPb.: Izd.-e Zh.A. Polonskoj, 1896. 582 s.
9. *Russo Zh.-Zh.* Izbr. soch.: v 3 t. T. 1. M.: Gos. izd-vo xudozh. lit-ry', 1961. 852 s.
10. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch.: v 12 t. T. 3. M.: Xudozh. lit-ra, 1976. 389 s.
11. *Fet A.A.* Sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 1: Stixotvorenija i poemy' 1839–1863 g. / Pod obshh. red. G.D. Aslanova i dr.; red. toma N.P. Generalova, V.A. Koshelev, G.V. Petrova. SPb.: Akademicheskij proekt, 2002. 552 s.

Literatura

12. *Belyaeva I.A.* Roman A.I. Gercena «Kto vinovat?» i problema schast'ya v russkoj proze 1840-x godov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 1. S. 38–44.
13. *Zezyulevich A.V.* V poiskax ideala: syuzhet o Pigmaliione v russkoj literature perexodny'x e'pox // Revitalizacehodnot: umenia literatura: Kolektivni monografie. Brno: Tribun YES, 2013. S. 511–518.
14. *Kozubovskaya G.P.* Seredina veka: mif i mifopoe'tika. Barnaul: BGPU, 2008. 273 s.
15. *Molnar A.* Poe'tika romanov I.A. Goncharova. M.: Sputnik+, 2004. 157 s.
16. *Nazirova R.G.* O mifologii i literature, ili Preodolenie smerti. Stat'i i issledovaniya razny'x let. Ufa: Ufinskij poligrafkombinat, 2010. 408 s.
17. *Xodanen L.A.* Mif v tvorchestve russkix romantikov. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2000. 320 s.

А.Е. Агратин

**«Игра в событие»:
к вопросу о повествовательной
идентичности чеховского героя
(на примере рассказов «После театра»
и «Попрыгунья»)**

В статье рассматривается проблема повествовательной идентичности чеховского героя на примере типологически сходных произведений («После театра» и «Попрыгунья»). Персонаж, пытаясь найти собственное «я», воспринимает жизнь сквозь призму шаблонных нарративных моделей, позаимствованных, как правило, из литературы и ведущих либо в мир грёз, либо к столкновению с реальностью.

The paper deals with the problem of narrative identity of the Chekhov's character as a case study of typologically similar works («After the Theatre» and «The Grasshopper»). In attempt to find their «selves», the characters experience life through the prism of formulaic narrative patterns borrowed usually from literature and leading to the world of dreams or to the collision with reality.

Ключевые слова: А.П. Чехов; нарратив; повествовательная идентичность; сюжет; «игра в событие».

Keywords: A.P. Chekhov; narrative; narrative identity; plot; «event game».

Чеховский герой чаще всего рассматривается исследователями как «средний человек» [3: с. 45], лишённый выдающихся черт, пассивный, нравственно слабый, не способный на поступок. По мнению Э.Я. Фесенко, «само слово “герой” применимо к» подобной фигуре «лишь как литературоведческий термин» [8: с. 524].

«Неопределённость» персонажа в произведениях писателя напрямую зависит от степени его самосознания, на что обращает внимание С.В. Тихомиров [6]. Участник повествуемой истории у Чехова не всегда понимает, кем ему быть. Поэтому он ориентируется на известные образцы. Справедливо замечание И.В. Мартыновой о том, что «чеховские герои начинают действовать, любить, страдать так, как будто они — герои прочитанных романов» [4: с. 21].

Приведённое выше наблюдение свидетельствует о несамостоятельности чеховского героя в поиске собственного «я». Данный тезис находит убедительное подтверждение в рассказах «После театра» (апрель 1892) и «Попрыгунья» (январь 1892).

Первое из названных произведений было опубликовано позже второго, но работу над ним Чехов начал ещё в 1880-х годах, видимо, в процессе

написания романа, который должен был состоять из «<...> отдельных законченных рассказов, тесно связанных между собою общностью интриги, идеи и действующих лиц» [1: П., т. 3, с. 77–78]. Небольшая история о впечатлениях молодой девушки, на первый взгляд, не имеет решающего значения для исследователя, однако тот факт, что писатель собирался включить «После театра» в крупный повествовательный текст, свидетельствует о важной роли произведения в формировании стратегий чеховского нарратива. С нашей точки зрения, рассказ повлиял, в частности, на повествовательную структуру «Попрыгуньи». Данную гипотезу подтверждают типологические связи двух произведений, о чём и пойдёт речь в настоящей статье.

Надя Зеленина, главная героиня произведения «После театра», вспоминает увиденные на сцене образы из «Евгения Онегина» и хочет воспроизвести сюжет знаменитого романа в стихах: она «поскорее села за стол, чтобы написать такое письмо, как Татьяна» [1: С., т. 7, с. 32]. Надя настолько увлечена знаменитым литературным сюжетом, что сквозь его призму воспринимает знакомых мужчин, как бы помещая их в любовное повествование: «Она знала, что её любят офицер Горный и студент Груздев, но теперь, после оперы, ей хотелось сомневаться в их любви», поскольку «Онегин интересен тем, что совсем не любит, а Татьяна очаровательна, потому что очень любит» [1: С., т. 7, с. 32]. При этом Горный предстает гением, который «наверное был бы знаменитым музыкантом», но тщательно скрывает свой талант, чтобы находиться среди обывателей, «где холодное высокомерие и равнодушие считаются признаком хорошего воспитания и благородного нрава» [1: С., т. 7, с. 33].

Так же Ольга Ивановна из «Попрыгуньи», хоть и без опоры на конкретный литературный материал, но всё же наделяет художника Рябовского исключительными качествами, свидетельствующими, как и у Горного, о его причастности к тайнам искусства: «Думала она <...> о том, что рядом с нею, облокотившись о борт, стоит настоящий великий человек, гений, божий избранник...» [1: С., т. 7, с. 15]. Любопытно, что Дымову Ольга Ивановна до измены тоже присваивает внешние признаки неординарного, словно сошедшего со страниц романа героя, в котором «есть что-то сильное, могучее, медвежье» [1: С., т. 7, с. 8].

В обоих произведениях героини создают «авантюрную картину мира» [7: с. 154], где каждому, будто в игре, отведена своя роль. По сути, вся жизнь для Нади и Ольги Ивановны — не более чем увлекательная история.

Героиня рассказа «После театра» в письме к Горному интерпретирует прошлое и настоящее в духе романного сюжета: «Правда, вы увлеклись мною и вы думали, что встретили во мне ваш идеал, но это была ошибка <...>» [1: С., т. 7, с. 32]. Надя сочиняет «сценарий» будущего, точнее — излагает три его версии. Первая носит драматичный характер: «Мне тяжело оставить маму и брата, а то бы я надела монашескую рясу и ушла, куда глаза глядят. А вы бы стали свободны и полюбили другую». Вторая — трагический: «Ах, если бы я умерла!» [1: С., т. 7, с. 33]. Третья — идиллический: «Скоро весна, лето, ехать с мамой

в Горбики, приедет в отпуск Горный, будет гулять с нею по саду и ухаживать <...> Ей страстно захотелось сада, темноты, чистого неба, звезд» [1: С., т. 7, с. 34].

Чехов подчёркивает фиктивность представлений девушки: они основаны на «классических», шаблонных нарративах и слишком легко варьируются. Кроме того, героиня без труда переходит от одного повествования к другому, предоставляя себе полную свободу в рамках приятной и ни к чему не обязывающей «игры в событие». Вначале мыслями Нади владеет Горный, однако очень скоро она забывает его и решает проявить чувство к другому ухажёру: «Нет, буду лучше любить Груздева, — решила Надя и разорвала письмо» [1: С., т. 7, с. 34].

В рассказе «Попрыгунья» используется более сложная система «правил» для «игры в событие». Подобно Наде Зелениной, Ольга Ивановна последовательно романтизирует прошлое. Знакомство с Дымовым предстаёт в виде повествования о неожиданно вспыхнувшем чувстве: «Мой Дымов врезался по самые уши <...> в один прекрасный вечер вдруг — бац! сделал предложение <...> Я всю ночь проплакала и сама влюбилась адски» [1: С., т. 7, с. 8].

Настоящее адаптируется к авантюрному нарративу, причём в этом Ольге Ивановне помогает Рябовский, активно поддерживающий её иллюзии. «Ты меня любишь? Да? Да? О, какая ночь! Чудная ночь!» — произносит художник, словно убеждая героиню в том, что между ними происходит нечто удивительное, таинственное. «Да, какая ночь!» — вторит Рябовскому Ольга Ивановна, «глядя ему в глаза, блестящие от слез» [1: С., т. 7, с. 16].

Будущее, как и в рассказе «После театра», предусматривает различные альтернативы. Одна из них — путь к наивысшему, непреходящему счастью, которое будет длиться вечно: Ольга Ивановна «думала о том, что бессмертна и никогда не умрет <...> ожидают её успех, слава, любовь народа...» [1: С., т. 7, с. 15]. Аналогично повествование о долгожданной свободе от мучительных отношений с художником: «<...> и всё время она думала о том <...> как весной или летом она поедет с Дымовым в Крым, освободится там окончательно от прошлого и начнет новую жизнь» [1: С., т. 7, с. 26].

Чаще же Ольга Ивановна рисует другую, пессимистическую перспективу, сходную с планами Нади Зелениной отправиться в монастырь или погибнуть. Героиня, поссорившись с любовником, «думала о том, что хорошо бы отравиться, чтобы вернувшийся Рябовский застал её мертвою» [1: С., т. 7, с. 19]. Кроме того, Ольга Ивановна «оставляла ему письмо, в котором клялась, что если он сегодня не придет к ней, то она непременно отравится» [1: С., т. 7, с. 23]. Иногда печальный исход истории видится настолько уместным, что героиня призывает к его осуществлению: «Ну, убейте, убейте меня!» [1: С., т. 7, с. 19].

В нарративе Ольги Ивановны довольно эффектно сочетаются разные временные планы. Например, героиня подчёркивает, что её счастье растёт от безоблачного настоящего к необыкновенному будущему: «Настоящее было прекрасно, а на смену ему приближалась весна, уже улыбавшаяся издали и обещающая тысячу радостей. Счастью не будет конца!» [1: С., т. 7, с. 12]. Судьба Рябовского, с точки

зрения героини, тоже подчиняется принципу градации: «Всё, что он создал до сих пор, прекрасно, ново и необыкновенно, а то, что создаст он со временем <...> будет поразительно, неизмеримо высоко <...>» [1: С., т. 7, с. 15].

Воображаемый универсум Ольги Ивановны столь же хрупок, как и фантазии Нади Зелениной. «Игра в событие» отличается максимальной условностью, которая выражена в неправдоподобной, искусственной репрезентации прошлого и настоящего, в антиномичности версий будущего, схематизме повествовательных техник.

Виртуальность повествуемого мира позволяет Ольге Ивановне беспрепятственно «переключаться» между нарративами. Вначале воображение героини занято сценой самоубийства, «потом же она <...> вообразила, как она сидит неподвижно рядом с Дымовым и наслаждается физическим покоем и чистотой и как вечером сидит в театре и слушает Мазини» [1: С., т. 7, с. 19].

Попытки Нади Зелениной и Ольги Ивановны придать своему существованию узнаваемые контуры знакомых, клишированных историй могут быть рассмотрены как поиск повествовательной идентичности, то есть, по определению П. Рикёра, «такой формы идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности». Субъект в процессе обнаружения «самости» пользуется «лингвистическим опосредованием» — нарративом, мыслит о себе как о другом, осуществляет «идентификацию с другим» [5]. Эти же процессы хорошо описаны в современной науке, часто избирающей в качестве своего объекта «сознание, изучаемое через формы его овнешнения» [2: с. 82], одной из которых является «ментальное представление об определенном событии, действии» [10: с. 113]. Рикёр отмечает не только объективную необходимость, но и опасность экзистенциальной операции по созданию собственного «я». Она нередко «порождает колебания между соперничающими способами идентификации, которым подвержена сила воображения», приводящая «субъекта к тому, что он сталкивается с угрозой утраты идентичности» [5].

Такой угрозе отчасти подвержена Надя из произведения «После театра». Девушка примеряет разные «маски» (счастливой и несчастной возлюбленной, монахини, самоубийцы), среди которых она, конечно, рискует затеряться. Однако героиня не использует их на практике (действие рассказа не выходит за порог Надиной комнаты) и оберегает себя от разочарований.

Иначе обстоят дела в произведении «Попрыгунья». Невзирая на то, что Дымов, исполняя все прихоти Ольги Ивановны, обеспечивает достаточно комфортные условия для «игры в событие», непредвиденные беды периодически нарушают её ход. Однажды «Дымов заразился в больнице рожей, пролежал в постели шесть дней <...>». В другой раз герой «два пальца порезал» во время процедуры вскрытия. В финале рассказа Дымов серьёзно заболевает. Ольга Ивановна боится и недоумевает. Героиня не может объяснить происходящее посредством повествовательных формул и в буквальном смысле не находит слов для решения этой задачи: «Nature morte, порт... <...> спорт... курорт... А как Шрек? Шрек, грек, врек... крек» [1: С., т. 7, с. 29].

Вместе с тем героиня возвращается к прежней модели повествовательной идентичности. Она не раскаивается, а жалеет, что не заметила прямо рядом с собой идеального персонажа для своей истории (на это, в частности, обращает внимание А.П. Чудаков [9: с. 215]): ведь врачи «видели в нём (Дымо́ве. — А.А.) будущую знаменитость [1: С., т. 7, с. 30].

Таким образом, поиск собственного «я» при помощи нарративных образцов оказывается безуспешным для чеховского героя. Он увлекается «игрой в событие» и, с одной стороны, уходит в мир грёз («После театра»), с другой — сталкивается с жизнью, всегда более сложной, чем повествование о ней («Попрыгунья»). В то же время писатель делает важное художественное открытие: стереотипные литературные сюжеты, которыми руководствуется персонаж, в контексте чеховской прозы дезонтологизируются, а значит, больше не выступают в качестве фактов изображённой действительности и ограничиваются сознанием героя. Писатель ставит вопрос о состоятельности традиционных форм наррации, утрачивающих авторитет к концу XIX века.

Библиографический список

Источники

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. (При цитировании произведений А.П. Чехова в скобках указываются серия сочинений (С.), писем (П.), номер тома, номер страницы.)

Литература

2. Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект интегративных исследований: традиции и инновации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4. С. 80–88.

3. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. 261 с.

4. Мартынова И.П. Проза А.П. Чехова 90-х годов и традиции русского классического романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1986. 24 с.

5. Рикёр П. Повествовательная идентичность // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. С. 19–37. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=83233&p=1> (режим доступа свободный).

6. Тихомиров С.В. Формы сознания героев в произведениях А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1987. 185 с.

7. Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

8. Фесенко Э.Я. Русская литература XIX века в поисках героя. М.: Академический проект, 2013. 524 с.

9. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 290 с.

10. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1. С. 110–120.

References***Istochniki***

1. *Chexov A.P.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. M.: Nauka, 1974–1983. (Pri citirovanii proizvedenij A.P. Chexova v skobkax ukazy'vayutsya seriya sochinenij (S.), pisem (P.), nomer toma, nomer straniczy'.)

Literatura

2. *Bubnova I.A., Krasny'x V.V.* Chelovek i ego obraz mira kak ob''ekt integrativny'x issledovanij: tradicii i innovacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4. S. 80–88.

3. *Kataev V.B.* Literaturny'e svyazi Chexova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1989. 261 s.

4. *Marty'nova I.P.* Proza A.P. Chexova 90-x godov i tradicii russkogo klassicheskogo romana: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01; Moskovskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova. M., 1986. 24 s.

5. *Rikyor P.* Povestvovatel'naya identichnost' // Rikyor P. Germenevtika. E'tika. Politika: Moskovskie lekicii i interv'yuu. M.: Academia, 1995. S. 19–37. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=83233&p=1> (rezhim dostupa svobodny'j).

6. *Tixomirov S.V.* Formy' soznaniya geroev v proizvedeniyax A.P. Chexova: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01; Moskovskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova. M., 1987. 185 s.

7. *Tyupa V.I.* Diskursny'e formacii: Oчерki po komparativnoj ritorike. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2010. 320 s.

8. *Fesenko E.Ya.* Russkaya literatura XIX veka v poiskax geroya. M.: Akademicheskij proekt, 2013. 524 s.

9. *Chudakov A.P.* Poe'tika Chexova. M.: Nauka, 1971. 290 s.

10. *Shevchenko I.S.* Koncepty' kommunikativnogo povedeniya v kognitivno-diskursivnoj paradigme // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1. S. 110–120.

Н.Ю. Шинкарева

Художественное пространство в лирических циклах сборника Н.А. Павлович «Берег»

Статья посвящена изучению художественного пространства в лирических циклах сборника Н.А. Павлович «Берег» (1922). Выявлены различные формы художественного пространства: реальное (открытое и закрытое) и трансцендентное (пространство высшего и низшего миров, легенды, сказки, сна). Особо выделен образ Петербурга, соответствующий «петербургскому мифу» русской литературы. Показаны функции художественного пространства: раскрытие духовной эволюции лирической героини и выражение историософской концепции автора.

The article is devoted to studying of artistic space in the lyrical sequences of the collection «Shore» (1922) by N.A. Pavlovich. It reveals various forms of artistic space such as the real (opened and closed) and the transcendental (the space of the upmost and lowest worlds, legends, fairy tales, dreams). The author specially concentrates on the image of St. Petersburg corresponding to «the Petersburg myth» in Russian literature. The displayed functions of artistic space include demonstration the lyrical heroine's spiritual evolution and expression of the author's historiosophical concept.

Ключевые слова: Н.А. Павлович; художественное пространство; лирический цикл.

Keywords: N.A. Pavlovich; artistic space; lyrical sequence.

Надежда Александровна Павлович (1895–1980) — поэтесса, переводчик и литературный критик, чей творческий путь начался в эпоху Серебряного века. К сожалению, её имя почти не известно ни читателям, ни литературоведам. Исследователям детской литературы знакомы её сборники стихотворений для подрастающего поколения, вышедшие в 1930-е годы. Православным читателям доступны богословские труды, написанные ею в зрелом возрасте, в 60–70-х годах XX века. Однако никто до настоящего времени не изучал поэтическое наследие Н.А. Павлович 1920-х годов. Наша статья призвана восполнить пробелы исследования творчества символистов, к которому тяготеет ранняя лирика поэтессы. Кроме того, мы дополнили нашу статью краткими сведениями из биографии Н.А. Павлович символистского периода её творчества.

В начале 1920-х годов Н.А. Павлович была одним из инициаторов создания студии стиховедения, возглавляемой В.Я. Брюсовым (впоследствии переросшей в Литературный институт), участвовала в создании московского и самарского отделений Пролеткульта. Вместе с А.А. Блоком Павлович организовала Петербургское отделение Союза поэтов в 1920 году. В последний год жизни поэта она много общалась с ним, её имя часто упоминается в дневниках поэта.

Блок был для Павлович и учителем, и соратником, и близким другом. Его безвременная кончина в 1921 году стала глубоким потрясением для молодой поэтессы, испытавшей сильное влияние Блока.

Первый сборник стихотворений Павлович, вышедший в 1922 году, носит название «Берег». В его структуре прослеживается аналогия с блоковской «трилогией вочеловечения» [5: с. 42]: в книгу включено три цикла, не имеющих названий, но обозначенных цифрами.

Значение циклизации в лирике возросло в эпоху Серебряного века, особенно в творчестве символистов: Брюсова, Блока, А. Белого. Цикл воспринимался как единство, состоящее из отдельных произведений, а соотношение между ними — как между целым произведением и его частями. В качестве цикла стали рассматривать не только группу объединённых автором стихотворений, но и лирический сборник в целом. Так, Брюсов писал в предисловии к своему сборнику «Urbi et Orbi»: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединённым единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы до последней. <...> Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которые нельзя переставлять произвольно» [1: с. 604–605].

Классическим примером такого единства в лирике рубежа веков является творчество Блока, получившее глубокое освещение в данном аспекте в работах Д.Е. Максимова, Л.Я. Гинзбург, З.Г. Минц [5; 3; 6].

Для лирики Павлович, испытавшей заметное влияние символистов, также характерно тяготение к циклизации. Как пишет исследователь проблемы цикла М.Н. Дарвин: «С одной стороны, циклизация рассматривалась поэтами рубежа веков как способ выражения авторской художественной концепции мира, с другой — как способ организации читательского восприятия (понимания) этой художественной концепции» [4: с. 45]. В сборнике Павлович «Берег» одним из значимых элементов поэтики, отражающих авторскую концепцию и придающих единство лирическому целому, является категория художественного пространства. Это подтверждает вынесенная в заглавие книги пространственная метафора, которая прочитывается как конец странствий в море жизни, обретение пристани, успокоения души.

Пространство первого цикла многообразно. Оно поддаётся дифференциации: на первом уровне его можно подразделить на реальное и трансцендентное, на втором уровне деления в реальном пространстве вычленяется открытое и закрытое, в трансцендентном — пространство высшего и низшего миров, снов, сказок, легенд.

Открытое реальное пространство — это русская земля с её дорогами, тропинками, озёрами, околицами деревень, лесами, а также городами: Москвой, Петербургом, провинциальным Данковым. Упоминается поле с белым камнем, море, степные равнины, льды, вероятно, северных морей, омывающих берега России. Возможно, северные пейзажи ассоциируются с родными для самой

поэтессы просторами Латвии. Из других стран представлена только Италия, где пребывает учитель героини — поэт Вячеслав Иванов.

Закрытое реальное пространство — это комната героини, «гроба домов» [2: с. 12] провинциального города Данкова, домик старого лесничего в стихотворениях «Снова жег мне чей-то взор затылок» [2: с. 11], «Данков» [2: с. 12], «Берегом, берегом, с разбегу» [2: с. 21–22].

Трансцендентное пространство — это пространство, в котором героине являются посланцы иного мира.

Так, пространство высшего мира — место пребывания ангелов. Аллегорическое лирическое пространство — место обитания музы в виде ангела. Например, в стихотворении «Ты возникаешь предо мной, // О муза, ангел мой убогий...» [2: с. 9] героине является муза с печатью страдания на лице.

В пространстве низшего мира и ада обитают демонические сущности («Лишь русалка ночная блюдет, // Как из глинистых вязких пут // Прорастает огненный рот» в стихотворении «Осыпается в синь сирень...» [2: с. 16]. В сказочном трансцендентном пространстве обитает сказочный конь, уносящий в неизвестность (стихотворение «Берегом, берегом, с разбегу» [2: с. 21–22]).

Легендарное трансцендентное пространство — место обитания героев легенд о граде Китеже (стихотворения «Русь! Чужая чуженинка я...» [2: с. 10], «Спутник» [2: с. 54–60]) и о Петре Первом — вечном хозяине основанного им города («Хозяин твой державный // Проходит снова поутру» (стихотворение «Летний сад...» [2: с. 18])).

Трансцендентное пространство сна перекликается с легендарным, так как сон героини — это пророческое видение разрушенной цивилизации, в которой на месте Петербурга зияет финское болото, гранит пристаней осел в котловины, мостовая разворочена, по ней бродят воюющие волки, как описано в стихотворении «Ломают дом, а день совсем пустой» [2: с. 20].

Таким образом, можно наблюдать многогранность пространства цикла. Такое разнообразие связано с его основной темой — странничеством. Героиня пытается найти смысл существования — своего, России, цивилизации, поэтому не только бродит по улицам столиц и провинциального города Данкова, по дорогам, но и погружается в пространство легенд, сказок, христианского предания, снов и, конечно, в пространство лирики как области творчества и прозрения.

Во втором цикле пространство менее разнообразно и приобретает конкретные топонимические черты. Это, главным образом, реальное (открытое и закрытое) пространство, а трансцендентное представлено только сном, где у героини появляется возможность встретиться с любимым человеком.

Реальное открытое пространство второго цикла — город Петроград: улицы, набережные, площади, Зимняя Канавка, Исаакиевский собор, церковные плиты, Летний сад, дворцы, шпили, колонна с ангелом, Нева, мосты, корабли вдалеке. Образ Петербурга–Петрограда занимает важное место в книге Павлович, отражая и душевные переживания лирической героини, и историософскую концепцию автора.

Первое упоминание об этом городе связано с образом мостов, покорных судьбе, усмирённых цивилизацией: «гранитные выи // Наклонили мосты Невы» [2: с. 10]. Другой образ города в первом цикле — Летний сад. Он охарактеризован как чудо, сотворённое по приказу Петра («Петрово диво!» [2: с. 18]). В Летнем саду также есть мосты, чугунные и отяжелённые цепями, вызывающими ассоциации с каторжными — символом борьбы с инакомыслием («Висят чугунные мосты // И глухо не гремят цепями» [2: с. 18]). Из гранита, символизирующего твёрдость, изготовлены вазы Летнего сада («вазы финского гранита» [2: с. 18]). Образ явившегося на смотр Петра [2: с. 18] связан с петербургскими мифами и является реминисценцией из «Медного всадника» Пушкина. Петербург первого цикла является воплощением прежнего строя, самодержавия и угнетения свободы. Разрушение старинного дома в Петербурге вызывает у героини ассоциации с пророчеством Евдокии Лопухиной, первой жены царя Петра Великого: «Петербургу быть пусту». Пророчество не сбылось, но ожидание разрушения города является характерной чертой петербургского текста. Пространство будущего в этом стихотворении — одичавший мир: «вновь волками мы зарыщем» [2: с. 20].

Мотив катастрофы, разрушения прежней цивилизации, соотносится с личными переживаниями героини. Сначала в Петербурге исполняются её желания: она встречает известного поэта, способного научить её настоящему мастерству, и в его же лице — любимого человека, но позже в этом же городе она переживает его смерть.

Вначале Петербург представляется героине полным романтики: «И отголосок пароходных свистов // О тайном моем счастье говорит» [2: с. 25]. Это город любви, не всегда счастливой, о чём свидетельствуют образы Германа и Лизы — реминисценция из повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» и одноименной оперы П.И. Чайковского, по сюжету которой Лиза, узнав о безумии Германа, бросилась с моста в Зимнюю Канавку — топоним, присутствующий в стихотворении Павлович [2: с. 26]. С мотивом борьбы связан образ Исаакиевского собора, уподобляющегося человеку, вросшему по пояс в сугроб. Образ, возможно, навеян фольклорной былинной о Святогоре, который пытался перевернуть землю, но сам погрузился в неё («По пояс Исакий в сугробы врос» [2: с. 35]). Основой городской вертикали является колонна, символизирующая победу, пророческое служение, труд и вдохновение: «А там над вьюгой, снова, снова, // Колонна, ангел, крест и звук...» [2: с. 36]. После смерти любимого человека ангел кажется устрашающим: «И там, на площади огромной, // Грозный ангел на столбе...» [2: с. 38]. Вообще город после смерти героя становится тревожным: «В пролетах моста Биржевого // Меня тревога стережет» [2: с. 39]. Героине кажется, что наступает одиночество и забвение: «Все крупным снегом занесло» [2: с. 41]. Переломный момент в душевном состоянии героини («Уснут ли муки и восторги, // И сердце отдохнет мое» [2: с. 42]), вера в победу добра над злом находит отражение и в перемене города: Святой Георгий — символ герба Москвы — простирает копьё над городом

героини («Простер над городом Георгий // Тяжеловесное копьё» [2: с. 42]). А в Петербурге начинается борьба («Уже слетает ветер брани // На шпиль, на крепость и мосты» [2: с. 42]). Во второй части цикла появляется пространство за городом — поля, пни, валуны: «Тихо за полем пустым» [2: с. 4]. Лирическая героиня перемещается туда после смерти героя, адресата своих стихотворений.

Закрытое пространство стихотворений второго цикла — это комната героини, где она беседует с возлюбленным («В углу Богоматерь блистает над нами» [2: с. 31]), церковь («Лишь в темной церкви // Мерцает малый огонек» [2: с. 32]), дом героя («Не отвести усталых глаз // От светлой полоски в твоём окне» [2: с. 34]), зал, где устраивали новогодний бал («Разубранный убого зал» [2: с. 36]).

Трансцендентное пространство сна связано с желанием вновь увидеть любимого. Здесь герой участвует в смертельной схватке («Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою» [2: с. 29]). После его смерти героиня ждёт прихода друга во сне («И только в буре сновиденья, // Мой друг, явись передо мной» [2: с. 43]).

В третьем цикле реальное пространство также предстаёт в форме открытого и закрытого, но оно намного менее разнообразно, а трансцендентное пространство, напротив, приобретает многоцветье. Это связано с тематикой третьего цикла сборника — духовным преображением героини после смерти возлюбленного. Реальное открытое пространство — это место у гроба возлюбленного, затем его могила и кладбище вокруг, но постепенно пространство расширяется до границ мира («И в огромном нестрашном мире // Подымается светлый дым» [2: с. 52]). Закрытым реальным пространством является комната героини, где она молится и размышляет о судьбе любимого человека.

Трансцендентное пространство представлено аллегорическим и духовным. В начале цикла в аллегорическом пространстве пребывает тоска, в видении предстоящая пред гробом любимого человека («Над ним тоска неотступно стоит» [2: с. 51]).

Трансцендентное духовное пространство преобладает. В видении предстаёт героине небесный садовник, посланец духовного мира. В девятый день после смерти любимого героиня оказывается в духовном мире вместе с умершим. В этом пространстве реальны апокалипсические образы («И тихо книгу развернул» [2: с. 56]), и образы, созданные творчеством возлюбленного, и пространство легендарного затонувшего града Китежа («Подводный благовест летит издалека» [2: с. 56]), и евангельские образы («Не идут ли волхвы из Заволжских стран» [2: с. 57]) — всё оказывается в едином духовном мире, где героиня путешествует со спутником — умершим героем. Конечной точкой путешествия является место упокоения от земных трудов, соответствующее евангельским обетованиям («В тихий сад и в Господень дом» [2: с. 60]).

Таким образом, перед глазами читателя проходит эволюция героини: блуждающая по дорогам первого цикла, она встречает человека, изменившего её представление о мире, а после его смерти обретает надежду на вечное

блаженство с любимым в райском саду. Важным в сборнике стал образ Петербурга, связанный с романтическими событиями в жизни героини и трагедией, пережитой ею. В изображении Петербурга прослеживаются традиции петербургского текста, в частности, обращение к мифу об основании города Петром и пророчествам о конце «петербургского» периода русской истории. Можно сказать, что художественное пространство в сборнике Павлович «Берег» является средством выражения важнейших мыслей автора о личной духовной эволюции и движении истории. Наследуя традиции русских символистов (А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова), поэтесса одновременно предвосхищает дальнейшее развитие русской духовной лирики, например, Д. Андреева [7].

Библиографический список

Источники

1. Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Худож. лит-ра, 1973. 672 с.
2. Павлович Н.А. Берег. М.: Неопалимая купина, 1922. 61 с.

Литература

3. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 416 с.
4. Дарвин М.Н. Европейские традиции в становлении понятия цикла // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: мат-лы Междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2003. С. 38–49.
5. Максимов Д.Е. Поэзия и проза А. Блока. Л.: Советский писатель, 1981. 552 с.
6. Минц З.Г. Поэтика А. Блока. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. 727 с.
7. Яковлев М.В. Образ природы в книге стихотворений Д. Андреева «Русские боги» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 36–44.

References

Istochniki

1. Bryusov V.Ya. Sobr. soch.: v 7 t. T. 1. M.: Xudozh. lit-ra, 1973. 672 s.
2. Pavlovich N.A. Bereg. M.: Neopalimaya kupina, 1922. 61 s.

Literatura

3. Ginzburg L.Ya. O lirike. M.: Intrada, 1997. 416 s.
4. Darwin M.N. Evropejskie tradicii v stanovlenii ponyatiya cikla // Evropejskij liricheskij cikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie: mat-ly' Mezhdunar. nauch. konf. M.: RGGU, 2003. S. 38–49.
5. Maksimov D.E. Poe'ziya i proza A. Bloka. L.: Sovetskij pisatel', 1981. 552 s.
6. Mincz Z.G. Poe'tika A. Bloka. SPb.: Isskusstvo-SPB, 1999. 727 s.
7. Yakovlev M.V. Obraz prirody v knige stixotvorenij D. Andreeva «Russkie bogi» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). С. 36–44.

Л.С. Катышева

Поэтика сокровенного в творчестве А.П. Платонова 1920-х годов

В статье раскрывается понятие *сокровенность* в творчестве А.П. Платонова, рассматривается его роль в характеристике центральных героев. Его истоки автор статьи находит в библейском тексте, специфически преломленном в философских исканиях нового времени, и приходит к выводу, что «сокровенные» платоновские герои — носители высшего знания, связанного с идеей преображения мира. *Сокровенность* выражает внутреннее «я» самого писателя, которого волновала проблема онтологического несовершенства.

The paper exposes the concept of *intimacy* in the writings of Andrey Platonov and dwells upon its contribution to the main characters' sketches. The author of the paper finds its origins in the biblical text specifically refracted in the philosophical pursuits of the new time and concludes that the Platonov's «intimate» characters are carriers of ultimate knowledge connected with the idea of transformation of the world. The concept of *intimacy* expresses the inner self of the very writer who was concerned by the problem of ontological imperfection.

Ключевые слова: Андрей Платонов; поэтика; сокровенный; преображение мира.

Keywords: Andrey Platonov; poetics; intimate; transformation of the world.

Одним из наиболее значимых библейских слов, нашедших отражение в творчестве А.П. Платонова, является *сокровенность*. Оно используется как в раннем творчестве писателя, так и в произведениях более позднего периода и уже привлекало внимание отечественных и западных платоноведов [5–11], однако до сих пор не подвергалось обстоятельному анализу применительно к раннему творчеству писателя. Цель настоящей статьи — проанализировать наполнение данного понятия в творчестве Платонова, проследить эволюцию его смыслов от ранних стихов и рассказов к повести «Сокровенный человек» (здесь и далее курсив мой. — Л.К.).

Функционирующее в художественном мире автора слово *сокровенность* имеет библейское происхождение: «Да будет украшением вашим... сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» [1 Петр 3: 3–4]. Встречающееся в Первом послании апостола Петра определение «сокровенный» означает «скрытый», «тайный» и, одновременно, «принадлежащий к Царствию Небесному», «осенённый высшим духовным знанием» [7: с. 214].

Символический смысл этого слова раскрывается в последующем рассмотрении образов платоновских героев. Так, в стихотворении «Сказка» (1921) появляется маленький герой «с ранней думой сокровенной» [2: с. 474]. Платонов сделал акцент на его внутреннем мире:

Мальчик с думой обручится,
Всё узнает и поймёт.
Богатырь с царевной снится,
Волга вечером поёт...
И ушёл на лодках рано
У земли искать конца...
А царевну в море кинул —
Без неё в душе светло. [2: с. 475].

Герой показан странником, наделённым чертами «нового бога», способным преобразовать мир. В его образе выражена идея целомудрия, истоки которой находим в фундаментальном труде Н. Федорова «Философия общего дела», где автор, размышляя о путях преодоления смерти, рассматривал целомудрие как один из способов достижения бессмертия [6].

Стихотворение «Сказка» идеологически близко раннему рассказу «Поэма мысли» <1920–1921>, в котором писатель ставит проблему вселенского несовершенства: «<...> есть тайная, сокровенная мысль, есть в нас глубокий колодезь. Мы там видим, что и эта жизнь, этот мир мог бы быть иным — лучшим и чудесным, чем есть <...> Вселенная могла бы быть иной, и человек мог бы поворотить её на лучшую дорогу <...> Всё могло бы быть иным, лучшим и высшим <...>» [2: с. 278]. Платонов говорит о спасении мира, о счастливом будущем: «Почему же не может спастись мир, то есть перейти на иную дорогу; почему он так волнуется, изменяется, но стоит на месте? Потому что не может прийти к нему спаситель и, когда приходит, если придёт, не сможет жить в этом мире, чтобы спасти его» [2: с. 278]. «Сокровенная мысль» является своеобразным ключом к пониманию высказанной в авторском повествовании идеи «нового бога» — человека. Именно он, согласно платоновской мысли, способен спасти человечество от несовершенства мира. На подобную позицию писателя оказали влияние обстановка эпохи рубежа веков, отмеченная тенденциями богоборчества и богоискательства, а также воззрения Пролеткульта.

Как и в стихотворении «Сказка», в рассказе «Сатана мысли» <1921> действует герой-преобразователь, проповедующий «идею переделки земного шара», создания «дома человечеству» — некоего рая на земле. Инженер Вогулов подходит к этому вопросу «как рабочий», решив «пересотворить вселенную ультрасветом»: «<...> природа, сокровенность света, инфраполя и всех переходных форм — одна и та же» [2: с. 308]. Герой воплощает в себе «сознание — твёрже и упорнее материи, — которое одно способно взорвать вселенную в хаос и из хаоса сотворить иную вселенную — без звёзд и солнц, — одно ликующее, ослепительное, всемогущее сознание, освобождающее все формы и строящее лучшие земли, если хочет того, если радостно ему это творчество» [2: с. 307]. В Вогулове художественно выражены черты «нового бога», творящего совершенный мир посредством труда. Обращают на себя внимание богоискательские мотивы: «<...> надо иметь руки беспощаднее и тверже кулаков того дикого творца, который когда-то, играя, сделал звёзды и пространства <...>. Чтобы земное человечество в силах было

восстать на мир и на миры и победить их — ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе плавающее теплокровное, божественное сердце» [2: с. 307]. Так писатель иллюстрирует «новую религию» пролетариата.

Примечательно, что герой рассказа носит в себе идею бессмертия, потому что пережил личную трагедию — гибель любимой девушки. Конечной целью переустройства мира для него является победа над смертью: «<...> любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, — душа другого человека. И Вогулов размечет вселенную... с болью о невозвратимом и утраченном, чем дышит человек и что нужно ему не через несметные времена, а сейчас. И Вогулов руками хотел сделать это невозможное сейчас» [2: с. 311]. Герой одержим мечтой сделать невозможное возможным, т. е. преодолеть смерть, создать новый мир без страданий.

Понятие *сокровенность* художественно осмысливается и в более позднем творчестве Платонова. Так, например, в одноименной повести 1927 года заявляет о себе «тип героя — “сокровенный человек”, который отличается беспокойством о “всеобщей судьбе”, правдоискательством, способностью сохранить в себе человеческую душу, надеждой на воскрешение умерших» [6: с. 163]. Сознание Фомы Пухова занимает мысль о «порочной дурости в людях» и «невнимательности к такому единственному занятию, как жизнь и вся природная обстановка» [3: с. 199]. Герой стремится обрести «природную» истину, разрешить глубинные онтологические противоречия, найти пути к созданию идеального, гармоничного мироустройства для счастливого будущего всех людей. В его образе своеобразно интерпретированы черты «нового бога».

«Сокровенность» героя выявляется при обращении к поэтике Платонова, к «низшим уровням текста» [12: с. 227], что позволяет наиболее полно понять авторскую мысль. В рассматриваемом произведении окружающий мир показан через призму восприятия Фомой Пуховым. Явления действительности, свидетелем которых он становится, получают глубокое личностное выражение. В этом отношении характерен финальный эпизод, в котором Пухов наблюдает своеобразное «единение» между революционным и естественным, «природным» началами: «Нечаянное *сочувствие* к людям, одиноко работавшим против вещества всего мира, прояснялось в заросшей жизнью *душе* Пухова. <...> Он даже остановился, опустив глаза, — нечаянное в *душе* возвратилось к нему. <...> *Душевная* чужбина оставила Пухова на том месте, где он стоял, и он узнал *теплоту* родины, будто вернулся к *детской матери* от ненужной жены. Он тронулся <...> легко преодолевая *опустевшее счастливое тело*. Пухов сам не знал — не то он *таял*, не то *рождался*» [3: с. 235]. Писатель передаёт душевное состояние своего героя, его переживания и радости, что отражает взгляды самого художника на революционные события. Характерно, что каждый день мыслится для Пухова «*сотворением мира*». Он целомудрен, что, по мнению автора, является важнейшей чертой героя-преобразователя, стремящегося к достижению бессмертия [6: с. 149].

Герою Платонова свойственно самоотречение. Жизненный путь Фомы Пухова направлен на благоустройство жизни других людей: он не заботится о личных потребностях, «не гонится за материальным и социальным благополучием», ибо обладает высшим знанием [7: с. 214]. Пухов противостоит «опасности расчеловечения людей», главной его заботой является «сохранение души, лишившись которой человек превращается в “ветхое животное”» [6: с. 163]. Его волнуют онтологические проблемы, пути их решения.

Имя героя имеет символический подтекст и отсылает к библейскому образу Фомы Неверующего: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» [Ин 20: 25]. Герой повести — сомневающийся, ищущий, всё подвергающий «сомнению и критическому рассмотрению» [9: с. 31]: «<...> вы делаете не вещь, а отношение! — говорил Пухов, смутно припоминая плакаты, где говорилось, что капитал не вещь, а отношение; отношение же Пухов понимал как ничто» [3: с. 199].

Центральный персонаж повести «Сокровенный человек» не имеет мирских привязанностей. Данная черта напоминает о проповеди Иисуса Христа: «...всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» [Мф 19: 29]. Фома Пухов тяготеет к «странствиям и духовным испытаниям» [7: с. 214]. Автор изображает героя, онтологически связанного с природой. Переживая дисгармоничность людского мира, он находит успокоение в природе: «Пухов шёл, плотно ступая подошвами. <...> Это даровое удовольствие, знакомое всем странникам, Пухов тоже ощущал не в первый раз. Поэтому движение по земле всегда доставляло ему телесную прелесть...» [3: с. 199].

Тема странничества также приобретает у Платонова символическое звучание, ибо оно «осознаётся в платоновском мире как собирание пространства в душу человека и сохранение времени» [6: с. 163]. Герой предстаёт путником, «взыскующим истины, Града Невидимого» [7: с. 214]. Важнейшая религиозная идея служения Господу подменяется у писателя служением высшей идее — созданию идеального гармоничного мироустройства для всего человечества, и поэтому герой как «движущая сила истории» вмещивается во враждебную ему, «недостойную» жизнь [12: с. 312]. Пухов стремится неустроенное земное существование изменить к лучшему. В повести «Сокровенный человек» заявляет о себе «конфликт экзистенциального и социального, подавляющего человека как экзистенцию, и столкновение экзистенциального человека с социальной личностью в одной судьбе...» [4: с. 198]. Осознавая своё родство с природой, герой стремится к преодолению враждебности между природным и социальным существованием.

Важное место в повести занимает мотив бессмертия, восходящий к Библии (ср.: «...что вы ищете живого между мёртвыми? Его нет здесь: Он воскрес...» [Лк 24: 5–6]). Пухов впервые обретает истину в Баку, наблюдая «единение» революции и рабочих на буровой. Он испытывает глубокое внутреннее

удовлетворение, которое можно отождествить с духовным преображением: «Во второй раз — после молодости — Пухов снова увидел роскошь жизни и неистовство смелой природы, невероятной в тишине и в действии. <...> Он постепенно догадывался о самом важном и мучительном. <...> Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение» [3: с. 235]. Пухов преодолевает своё главное сомнение, как евангельский персонаж: «...Господь мой и Бог мой!» [Ин 20: 28]. Герой обретает братский союз с людьми труда: «Пухов шёл с удовольствием, чувствуя, как и давно, родственность всех тел к своему телу. <...> Газ двигателя Пухов вобрал в себя, как благоухание, чувствуя свою жизнь во всю глубину — до *сокровенного* пульса» [3: с. 235]. Внимание автора сосредоточено на движениях души героя.

Таким образом, в раннем творчестве А.П. Платонова и в повести «Сокровенный человек» библейское слово *сокровенность* приобретает философский смысл, в процессе эволюции наполняясь дополнительными значениями. Действующий в раннем творчестве герой-преобразователь, носитель «сокровенной думы», «сокровенной мысли» к 1927 году вырастает в новый тип героя — «сокровенного человека». Этот и подобные платоновские герои подспудно носят в себе высшее знание, связанное с идеей бессмертия и преображения мира. Осознанно или неосознанно, они стремятся к идеалу, поэтому в их образах художественно выражены черты «нового бога». Так через библейское понятие Платонов стремился донести до читателя собственные размышления о человеке и мироздании, о ценности каждой личности.

Библиографический список

Источники

1. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Сибирская Благовонница, 2006. 560 с.
2. Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М.: Время, 2009. 656 с.
3. Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Время, 2009. 560 с.

Литература

4. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002. 304 с.
5. Краснощёкова Е.А. О поэтике Андрея Платонова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 38. №. 1. М., 1979. С. 42–51.
6. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: Поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 334 с.
7. Матвеева И.И. Библейский текст и эсхатологические мотивы в творчестве А. Платонова 1920–1930-х годов // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. С. 212–217.
8. Матвеева И.И. Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 27–35.

9. Никонова Т.А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 220 с.
10. Семенова С.Г. «Тайное тайных» Андрея Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М.: Совр. писатель, 1994. С. 122–153.
11. Спиридонова И.А. О природе «сокровенного» в творчестве А. Платонова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2005. С. 513–524.
12. Толстая Е.Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. М.: РГГУ, 2002. 511 с.

References

Istochniki

1. Novy'j Zavet Gospoda nashego Iisusa Xrista. M.: Sibirskaya Blagozvonnicza, 2006. 560 s.
2. Platonov A.P. Usomnivshijsya Makar: Rasskazy' 1920-x godov; Stixotvoreniya. M.: Vremya, 2009. 656 s.
3. Platonov A.P. E'firny'j trakt: Povesti 1920-x – nachala 1930-x godov. M.: Vremya, 2009. 560 s.

Literatura

4. Zamanskaya V.V. E'kzistencial'naya tradiciya v russkoj literature XX veka. Dialogi na granicax stoletij. M.: Flinta; Nauka, 2002. 304 s.
5. Krasnoshhyokova E.A. O poe'tike Andreya Platonova // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury' i yazy'ka. T. 38. №. 1. M., 1979. S. 42–51.
6. Maly'gina N.M. Andrej Platonov: Poe'tika «vozvrashheniya». M.: TEIS, 2005. 334 s.
7. Matveeva I.I. Biblejskij tekst i e'sxatologicheskie motivy' v tvorchestve A. Platonova 1920–1930-x godov // Duxovno-nravstvenny'e osnovy' russkoj literatury'. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. S. 212–217.
8. Matveeva I.I. Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 27–35.
9. Nikonova T.A. Andrej Platonov v dialoge s mirom i social'noj real'nost'yu. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2011. 220 s.
10. Semenova S.G. «Tajnoe tajny'x» Andrey Platonova // Andrej Platonov. Mir tvorcestva. M.: Sovr. pisatel', 1994. S. 122–153.
11. Spiridonova I.A. O prirode «sokrovennogo» v tvorchestve A. Platonova // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov. Vy'p. 4. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. un-ta, 2005. S. 513–524.
12. Tolstaya E.D. Mirposlekonca: Raboty' o russkoj literature XX veka. M.: RGGU, 2002. 511 s.

Е.В. Весманова

Терминологические параллели в лексическом минимуме по русскому языку как иностранному: на примере англо-русских лингвистических терминов

Статья посвящена проблеме межъязыковых терминологических параллелей — языкового явления, известного в классической лингвистике как «ложные друзья переводчика». Автор описывает основные подходы к изучению этого явления и предлагает классификацию терминологических параллелей с учётом их семантических и количественных характеристик. Исследование выполнено на материале англо-русских лингвистических терминов, входящих в лексические минимумы по русскому языку как иностранному.

The article is devoted to the issue of interlingual terminological parallels — the linguistic phenomenon known in classical linguistics as «False Friends». The author describes the main approaches to the study of this phenomenon and proposes a classification of terminological parallels with regard to their semantic and quantitative characteristics. The research is conducted as a case study of English-Russian linguistic terms included in the lexical minima of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: терминологические параллели; «ложные друзья переводчика»; лексический минимум по русскому языку как иностранному; лингвистические термины; англо-русские корреляты.

Keywords: terminological parallels; «False Friends»; lexical minimum of Russian as a foreign language; linguistic terms; English-Russian correlates.

Как утверждает большинство исследователей (А.А. Реформатский, Л.А. Капанадзе, В.В. Морковкин), терминология характеризуется однозначностью, эмоциональной нейтральностью и интернациональным характером. Названные свойства позволяют предположить, что изучение терминов на занятиях по русскому языку не вызывает трудностей у иностранных студентов, особенно если речь идёт о внешне сходных терминологических лексемах в родном и изучаемом языках.

Однако терминология «формируется на базе общенародного языка, обусловлена им, и самобытность того или иного подъязыка исследователями обычно не отрицается» [10: с. 182]. Следовательно, неизбежно проявление национальной специфики терминов в различных языках, что может привести к ошибкам интерференционного характера. Таким образом, наличие в русской терминологической системе как общих с терминологией родного языка студентов,

так и специфических характеристик предполагает более тщательное изучение терминов на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ).

В рамках данного исследования наибольший интерес представляют внешне сходные терминологические лексемы английского и русского языков, входящие в состав лексических минимумов по РКИ.

Необходимо отметить, что в языкознании существует несколько определений слов, созвучных в двух или более языках, но разных, а иногда и противоположных по значению. В классической лингвистике они называются «ложными друзьями переводчика», или «межъязыковыми омонимами» (паронимами). В.В. Акуленко разграничивает понятия «межъязыковые омонимы» и «межъязыковые паронимы». К первым он относит слова «обоих языков, сходные до степени отождествления по звуковой (или графической форме), но имеющие разные значения» [1: с. 372]. «Межъязыковые паронимы» в понимании учёного — это «слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений» [1: с. 372].

Однако наиболее точный термин, по нашему мнению, вводит В.В. Дубичинский: он называет рассматриваемый языковой феномен «лексическими параллелями», объединяя, таким образом, в единую теоретическую и терминологическую систему перечисленные выше термины.

Разнообразны и классификации данного языкового явления. Так, по графической и фоно-морфологической близости К.Г.М. Готлиб различает:

1) полные междуязычные аналогизмы — слова, звуко-буквенный состав которых отличается друг от друга только специфическими для каждого языка фонетическими или графическими особенностями;

2) междуязычные корнеаналогизмы — слова с аналогичным звуко-буквенным составом корней.

По лексико-семантическим свойствам исследователь выделяет:

1) окказиональные междуязычные аналогизмы — слова, между которыми нет этимологической связи;

2) деривативные междуязычные аналогизмы — слова, имеющие общее происхождение [3].

В.В. Дубичинский говорит о необходимости разграничивать:

1) полные лексические параллели — внешне сходные лексемы сравниваемых языков, семантические структуры которых полностью совпадают;

2) неполные лексические параллели — внешне сходные лексемы различных языков в случае совпадения одних и несовпадения других значений в их семантических структурах;

3) ложные лексические параллели — лексические параллели, полностью различные по семантическим структурам.

Исследователь отмечает, что в полных и неполных параллелях возможно расширение или сужение совпадающих значений, а также могут иметь место различия стилистического характера.

Именно эта классификация является, по нашему мнению, наиболее подробной. Кроме того, по аналогии с лексическими, автор выделяет терминологические параллели — внешне сходные терминологические лексемы «со сходными-несходными семантическими структурами двух и более синхронически сравниваемых языков» [10: с. 251]. По мнению учёного, расхождение смыслового содержания параллельных лексем в различных языках представляет собой естественный процесс, поскольку «каждая как лексическая, так и терминологическая единица проходит и в языке-источнике, и в языке-заимствователе свой индивидуальный эволюционный путь, что обусловлено национальным своеобразием культуры и жизни народа, спецификой лексико-семантической системы каждого национального языка» [10: с. 187].

Именно этот путь на материале разновременных переводов французской литературы середины XVIII–XX веков исследует Н.В. Габдреева, выделяя две противоположные тенденции лексико-семантического освоения галлицизмов в русском языке: сокращение и расширение семантического объема [9: с. 111].

На наш взгляд, использование на занятиях русско-английских лексико-семантических коррелятов является эффективным методом обучения русскому языку как иностранному. Подобный метод был разработан и описан нами в статьях «Проблема контроля лексических знаний на начальном этапе обучения РКИ: на примере типовых тестов» [11: с. 255] и «О проблемах усвоения лексико-семантических параллелей иностранными слушателями на начальном этапе обучения РКИ» [12: с. 50], а также опробован на подготовительном факультете для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета. В качестве базы использовались лексические минимумы по русскому языку как иностранному элементарного, базового, первого и второго сертификационного уровней (общее владение). На этот раз мы исследовали те же лексические минимумы на наличие в них внешне сходных лингвистических терминов английского и русского языков. Понимание этих терминов «необходимо при освоении грамматики русского языка на данном этапе» [3: с. 6], и их количество возрастает от уровня к уровню: от 11 слов (на элементарном уровне владения языком) до 26 (на втором) [4–7].

В своей работе мы использовали понятие В.В. Дубичинского «терминологические параллели» и анализировали отобранные единицы по следующим параметрам:

1. Семантическая характеристика: полные, неполные (с учётом расширения / сужения совпадающих значений) и ложные терминологические параллели.
2. Количественная характеристика: количественное соотношение лексико-семантических вариантов (ЛСВ) терминологических лексем в сравниваемых языках.

Так, лексема *синоним(-ы)* в русском языке имеет следующее значение: те члены тематической группы, которые а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление

в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств [2: с. 396]. Английское слово *synonym* означает: 1. абсолютный синоним; 2. (устаревшее) синоним [8: с. 87]. В ходе анализа данных лингвистических терминов видно, что основное значение русской лексемы *синоним* является устаревшим для английского языка: «русскому термину *синоним* в современной англоязычной лингвистике соответствует *plesionym*; *synonym* используется для обозначения слов, полностью совпадающих по значению и употреблению, и соответствует отечественному *абсолютный синоним*» [8: с. 87]. Следовательно, корреляты *синоним* — *synonym* являются ложными терминологическими параллелями. По количеству ЛСВ семантическая структура *synonym* больше семантической структуры русского коррелята.

Часто у изучающих русский язык возникает трудность при переводе слова *акцент*. В словаре «ложных друзей переводчика» представлены следующие толкования данных терминов:

accent: 1. ударение; = акцент¹ (здесь и далее верхний индекс после слова означает порядковый номер его ЛСВ. — *Е.В.*); 2. знак ударения; 3. особенности выговора, свойственные говорящему не на своем родном языке; = акцент³.

акцент: 1. = *accent*¹; *stress* 2. (переносное значение, книжный стиль) подчёркивание, акцентирование какой-либо мысли *stress, emphasis*; 3. = *accent*³ [1: с. 21].

Итак, рассматриваемые лексемы можно отнести к неполным терминологическим параллелям, поскольку их семантические структуры имеют два совпадающих значения — «ударение» и «особенности выговора, свойственные говорящему не на своем родном языке». Остановимся более подробно на втором. В русском языке употребление термина *акцент* в значении «особенности выговора, свойственные говорящему не на своем родном языке», возможно, если речь идёт о любом иностранце. В английском: «если *accent* употребляется без прилагательного, имеется в виду какой-либо из английских региональных акцентов» [8: с. 15]. Мы видим, что акцент³ шире, чем *accent*³. Количество ЛСВ в семантических структурах рассматриваемых терминологических лексем совпадает.

Говоря о несовпадающих значениях в паре акцент — *accent*, необходимо отметить их разную стилистическую окраску: один из ЛСВ терминологической лексемы *акцент* даётся с пометой «книжный стиль».

Лексемы в парах *фраза* — *phrase*, *термин* — *term* и *фонетика* — *phonetics* также являются неполными терминологическими параллелями, так как одни значения у них совпадают, а другие нет.

По-английски *phrase*: 1. группа слов, функционирующая как единая грамматическая структура (не включающая подлежащего и сказуемого); словосочетание; 2. краткое выразительное высказывание, выражение, замечание; 3. идиоматическое выражение; фразеологизм; оборот; 4. (музыка) краткий отрывок, образующий относительно законченную музыкальную тему в составе большего отрывка или пьесы; = (музыкальная) фраза⁴; 5. манера говорить; язык; стиль; 6. (неодобрительно) пустые слова, разговоры; болтовня [1: с. 241–242].

По-русски *фраза*: 1. отрезок речи, законченный в смысловом и интонационном отношении; предложение *sentence*; 2. (неодобрительно) набор громких, красивых слов, прикрывающих бедность или лживость содержания (сравни *phrase*⁶); 3. устойчивое сочетание слов (сравни *phrase*³); 4. (музыка) = *phrase*⁴ [1: с. 242].

Эти корреляты эквивалентны лишь в одном значении — «краткий отрывок, образующий относительно законченную музыкальную тему в составе большего отрывка или пьесы». Кроме того, английское *phrase*³ примерно соответствует русскому *фраза*³, а *phrase*⁶ — *фраза*⁶. В первом случае ЛСВ русского термина шире, чем английского, а во втором — уже. В количественном плане семантическая структура терминологической лексемы *фраза* меньше семантической структуры *phrase*.

Семантические структуры лексем *термин* и *term* имеют один сходный ЛСВ — «слово или сочетание слов, точно обозначающее определённое понятие из области науки, техники, искусства и т. п.» [1: с. 349]. Однако английский коррелят имеет еще 11 значений, в некоторых из них *term* выступает в роли юридического, медицинского и математического термина: 9. (юридический термин) судебная сессия; 11. (медицина) срок разрешения от бремени; 12. (математика) член (*general term* — общий член) [1: с. 350]. Семантическая структура терминологической лексемы в русском языке гораздо меньше, чем в английском.

Любопытно, что в английском языке *phonetics* — это не только «наука о звуках и человеческой речи, их физиологии, механизме их воспроизведения и передачи», но и «произношение»: «Your English phonetics are excellent // У вас отличное английское произношение» [1: с. 241]. Русское же *фонетика* в значении «описание звукового состава какого-либо языка или его эволюции во времени; звуковой строй языка» переводится на английский язык как *phonology* [1: с. 241]. Количественный состав лексико-семантических структур в паре *фонетика* — *phonetics* совпадает.

Приведённые примеры показывают разнообразие семантических и количественных характеристик неполных терминологических параллелей.

Большинство англо-русских коррелятов, входящих в лексические минимумы по РКИ, представляют собой «внешне сходные терминологические единицы с полностью совпадающими семантическими структурами / или единственным совпадающим значением» [10: с. 183], то есть являются полными терминологическими параллелями. К ним относятся такие лексические пары, как: *алфавит* — *alphabet*, *диалог* — *dialogue*, *императив* — *imperative*, *интонация* — *intonation*, *инфинитив* — *infinitive*, *контекст* — *context*, *пунктуация* — *punctuation*, *синтаксис* — *syntax*, *фонема* — *phoneme* и другие.

Итак, несмотря на однозначность и интернациональный характер терминов, нами были обнаружены терминологические лексемы, способные вызвать трудность у иностранных студентов при изучении грамматики русского языка:

– *синоним* — *synonym* — случай полного несовпадения значений внешне сходных терминологических единиц;

– *акцент* — *accent*, *фраза* — *phrase* — пример расширения/сужения совпадающих значений внешне сходных терминов русского и английского языков;

– *акцент* — *accent*, *термин* — *term* — пары, корреляты которых имеют различия стилистического характера, а также употребляются не только в лингвистике, но и в других областях научного знания: медицине, математике и др.

На примере анализа англо-русских терминологических параллелей, входящих в лексические минимумы по РКИ, мы наглядно продемонстрировали специфику международной терминологии, ярко выраженную в семантической структуре терминологических лексем.

Полученные в ходе исследования данные имеют немаловажное значение при обучении русскому как иностранному, как в переводоведческом, так и в методическом аспектах. Особую ценность представляет классификация терминологических параллелей, разработанная нами на базе исследований учёных, таких как Н.В. Габдреева, К.Г.М. Готлиб, В.В. Дубичинский и др. В дальнейшем данная классификация будет расширена путем включения в нее формального показателя параллельных коррелятов. По аналогии с лингвистическими терминами планируется анализ других терминологических лексем, входящих в лексические минимумы по РКИ.

Библиографический список

Источники

1. Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Сов. энциклопедия, 1969. 384 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.

3. Готлиб К.Г.М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский). М.: Русский язык, 1985. 160 с.

4. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. СПб.: Златоуст, 2012. 80 с.

5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина и др. СПб.: Златоуст, 2011. 116 с.

6. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. СПб.: Златоуст, 2013. 200 с.

7. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. СПб.: Златоуст, 2013. 164 с.

8. Хворостин Д.В. Англо-русский словарь лингвистических терминов. Челябинск, 2007. 115 с.

Литература

9. Габдреева Н.В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2001. 340 с.

10. *Дубичинский В.В.* Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1995. 311 с.
11. *Михайлова Е.В.* Проблема контроля лексических знаний на начальном этапе обучения РКИ: на примере типовых тестов // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (Казань, 28–29 ноября 2013 г.). Казань, 2013. С. 253–259.
12. *Михайлова Е.В.* О проблемах усвоения лексико-семантических параллелей иностранными слушателями на начальном этапе обучения РКИ // Вестник ЦМО МГУ (Вестник ИРЯиК МГУ). Сер. «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». 2014. № 2. С. 47–52.

References

Istochniki

1. *Akulenko V.V., Komissarchik S.Yu., Pogorelova R.V., Yuxt V.L.* Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' «lozhny'x druzej perevodchika». M.: Sov. e'nciklopediya, 1969. 384 s.
2. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskix terminov. M.: Sov. e'nciklopediya, 1966. 607 s.
3. *Gotlib K.G.M.* Slovar' «lozhny'x druzej perevodchika» (russko-nemezckij i nemezcko-russkij). M.: Russkij yazy'k, 1985. 160 s.
4. *Leksicheskij minimum po russkomu yazy'ku kak inostrannomu. Elementarny'j uroven'. Obshhee vladenie / N.P. Andryushina i dr.* SPb.: Zlatoust, 2012. 80 s.
5. *Leksicheskij minimum po russkomu yazy'ku kak inostrannomu. Bazovy'j uroven'. Obshhee vladenie / N.P. Andryushina i dr.* SPb.: Zlatoust, 2011. 116 s.
6. *Leksicheskij minimum po russkomu yazy'ku kak inostrannomu. Pervy'j sertifikacionny'j uroven'. Obshhee vladenie / N.P. Andryushina i dr.* SPb.: Zlatoust, 2013. 200 s.
7. *Leksicheskij minimum po russkomu yazy'ku kak inostrannomu. Vtoroj sertifikacionny'j uroven'. Obshhee vladenie / N.P. Andryushina i dr.* SPb.: Zlatoust, 2013. 164 s.
8. *Xvorostin D.V.* Anglo-russkij slovar' lingvisticheskix terminov. Chelyabinsk, 2007. 115 s.

Literatura

9. *Gabdreeva N.V.* Leksika francuzskogo proisxozhdeniya v russkom yazy'ke (istoriko-funkczional'noe issledovanie). Izhevsk: ID «Udmurtskij universitet», 2001. 340 s.
10. *Dubichinskij V.V.* Teoreticheskoe i leksikograficheskoe opisanie leksicheskix paralelej: dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 1995. 311 s.
11. *Mixajlova E.V.* Problema kontrolya leksicheskix znaniy na nachal'nom e'tape obucheniya RKI: na primere tipovy'x testov // Yazy'ki Rossii i stran blizhnego zarubezh'ya kak inostranny'e: prepodavanie i izuchenie: materialy' Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 28–29 noyabrya 2013 goda). Kazan', 2013. S. 253–259.
12. *Mixajlova E.V.* O problemax usvoeniya leksiko-semanticheskix paralelej inostranny'mi slushatelyami na nachal'nom etape obucheniya RKI // Vestnik CzMO MGU (Vestnik IRYaiK MGU) Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2014. № 2. S. 47–52.

Ц.-В.О. Громыко

Тематическая группа «движение воздуха в природе» на материале текстов русской рок-поэзии

В статье рассматриваются слова, входящие в тематическую группу с семантическим множителем *движение воздуха в природе*. Уточняется место тематической группы (ТГ) в лексической системе, её признаки, особенности и реализация исследуемой ТГ в текстах субкультуры русского рока. В качестве материала были выбраны тексты песен рок-групп «Кино» и «Алиса». Предметом структурно-семантического анализа была денотативная составляющая ТГ. Были выделены семантические признаки, актуальные для выбранных текстов, и сделан вывод об особенностях образного ряда субкультуры.

The article dwells upon the words constituting the thematic group with the semantic multiplier of «natural air motion». It specifies the positioning of the thematic group in lexical system as well as its features, peculiarities and implementation in the texts of the Russian rock subcultural. The lyrics of rock groups «Kino» and «Alisa» were chosen as material for analysis. The subject of structural and semantic analysis is the denotative component of the thematic group. The identified semantic features typical of the chosen lyrics allowed to draw a conclusion about certain peculiarities of the imagery within the subculture.

Ключевые слова: тематическая группа; денотат; сема; тексты русского рока; контекст.

Keywords: thematic group; denotation; seme; texts of Russian rock; context.

Лексический состав любого языка — это система, обладающая сложной структурой, скреплённая парадигматическими и синтагматическими отношениями, которые тесно связаны с языковой картиной мира. Выделяют следующие структурные единицы: лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ), тематическая группа (ТГ) и т. п. «Особую трудность представляет разграничение терминов ЛСГ и ТГ, так как любая лексико-семантическая группа, будучи составной частью того или иного тематического объединения слов, является одновременно и тематической» [7: с. 9]. Обратимся к словарному определению ТГ: «лексическая группировка в семантическом поле, в которой лексика объединена по денотативному признаку. Тематические группы классифицируют все элементы действительности — от предметов домашнего обихода до небесных тел, с одной стороны, и мыслительных процессов, с другой стороны» [11].

Денотативный признак в качестве обобщающего является отличительной чертой ТГ. В свете этого принадлежность к одной части речи становится априорной. ЛСГ, связанные семантическим множителем, не обязательно соотносятся с реалиями действительности. ТГ наиболее тесно сближается

с экстралингвистической реальностью. «Таким образом, парадигматические отношения между лексическими единицами тематической группы являются зеркальным отражением отношений между явлениями окружающей действительности» [7: с. 10]. Значения слов в ТГ объединяются семантическим множителем — гиперонимическим понятием или словом.

В данной работе мы попробуем рассмотреть ТГ с семантическим множителем «движение воздуха в природе», которая была выделена в ходе работы со структурой ЛСП с гиперсемой «воздух». Одним из объектов исследования стала субкультура русского рока, взятая в качестве материала лексикологического анализа: рассмотрению подлежали тексты, принадлежащие данной субкультуре, а точнее, тексты русской рок-поэзии. Список слов был выделен в результате работы с рядом семантических словарей и анализа представленных в них семных связей. Была выделена тематическая группа «движение воздуха в природе»: *ветер* — «движение воздуха»; *штиль* — «отсутствие движения воздуха»; *тайфун* — «быстрое, разрушительное движение воздуха в Тихом океане»; *ураган* — «быстрое, разрушительное движение воздуха»; *метель* — «снег в быстром движении воздуха»; *шторм* — «разрушительное движение воздуха на море»; *пурга* — «быстрое передвижение воздухом снега»; *вьюга* — «быстрое движение воздухом снега». Поводом для уточнения семантического множителя «в природе» стало слово *сквозняк* — «однонаправленное активное движение воздуха в помещении» — оно не подпадает под интуитивно понятную общность слов, обладая денотативной семой «в помещении», что отличает его от слова *ветер*, которое обладает дифференциальной семой «в природе».

Далее рассмотрим подробно, как представлены в текстах элементы тематической группы. Статистическому и семантическому анализу были подвергнуты более 400 текстов групп «Алиса», «ДДТ», «Аквариум», «Агата Кристи», «Кино», текстов Я. Дягилевой. В статье мы остановимся на текстах групп «Алиса» и «Кино». Важно уточнить, что в этой статье рассматриваются только прямые значения слов. Работа с художественным текстом сталкивает исследование с проблемой переносного значения, указывающего на предмет за пределом исходного понятия. Такое значение выражает символическую коннотацию, которой определяется место слова в культуре [6: с. 10]. Однако подобный анализ не является задачей данной статьи.

Ниже последовательно приводится следующая информация о ряде слов тематической группы «движение воздуха в природе»: количество употреблений в рок-текстах, количество вхождений соответственно в тексты песен групп «Алиса» и «Кино». *Ветер* — всего обнаружено 150 контекстов, в том числе у группы «Алиса» — 28 контекстов, у группы «Кино» — 11 контекстов. *Штиль* — всего обнаружено 4 контекста, в том числе у группы «Алиса» — 2 контекста. *Ураган* — всего обнаружено 4 контекста, в том числе у группы «Алиса» — 1 контекст. *Метель* — всего обнаружено 13 контекстов, в том числе у группы «Алиса» — 1 контекст. *Шторм* — всего обнаружено

2 контекста, у группы «Алиса» — 1 контекст. *Пурга* — всего обнаружено 3 контекста у группы «Алиса». *Вьюга* — всего обнаружено 8 контекстов, у группы «Алиса» — 2 контекста. Слова интересующей нас тематической группы используются достаточно регулярно в текстах различных групп, это позволяет предположить, что в рок-текстах можно найти необходимый материал для выявления денотативных признаков, которые в рассмотренной субкультуре приписываются лексическим значениям рассмотренных слов.

Как было указано выше, ТГ всецело опирается на денотативный, материально-образный аспект значения слова, что отражается в контекстах в виде появления дополнительных признаков, дополнительного образного расширения исходного смысла. Так, например, «Ветер двадцать метров в секунду ночью и днём...» («Кино», «46», 1983, «Хочу быть с тобой») можно разбить на два сочетания «ветер двадцать метров в секунду», где определение «двадцать метров в секунду» приобретает значение «сильный» в свете денотативного признака лексического значения (ЛЗ) слова *ветер* — «скорость». Значимой становится фоновая информация, полученная из энциклопедического словаря: привычная скорость ветра — 3–5 м/с, тогда «двадцать метров в секунду» — это высокая скорость, сила ветра напрямую зависит от скорости. Обстоятельство «ночью и днём» имеет значение «постоянный», актуализируя у слова *ветер* денотативные семы «время» и «фазовая характеристика». Кроме того, слово *ветер* в сочетании с «сильный» и «постоянно» приобретает негативную коннотацию — «дискомфорт». То есть ветер может делать пространство вокруг реципиента комфортным или дискомфортным, или еще каким-то (это будет видно из различных контекстов). Соответственно, данный контекст актуализирует сему «состояние пространства».

Рассмотрим некоторые другие примеры, в которых проявляются денотативные, связанные с фактами действительности, признаки ЛЗ.

Сема «пространство» актуальна для следующего контекста: «Никто не знает, как мой путь одинок, // Сквозь ночь и ветер...» («Начальник Камчатки», 1984, «Ария мистера Х»). Для более подробного объяснения обратимся к словарю. Большинство словарей объясняет слово *сквозь* синонимом *через* (например, Большой толковый словарь русского языка [10]), и уже в определении предлога *через* мы обнаруживаем подходящее объяснение для нашего контекста: «Указывает на место, пространство, предмет, которые преодолеваются, а также располагаются на другой стороне или с промежутком друг от друга» [11]. То есть данный предлог актуализирует сему «пространство, среда» у слова *ветер*. Кроме того, можно выделить семы «препятствие», «помеха». При рассмотрении более широкого пласта текстов можно проследить регулярность сочетания слов *ветер* и *ночь / вечер*, из чего следует актуальность семы «атрибут ночи». Сема «воздействие на объекты, изменение их положения в пространстве» актуальна для следующего контекста: «Ветер задувает полы моего плаща, // Ещё один дом, и ты увидишь меня...» («Ночь», 1986, «Жизнь в стеклах витрин»). «У меня есть парус, но *ветра* нет, // И есть ещё краски, но нет холста...» («Звезда по имени «Солнце», 1988,

«Место для шага вперёд») — «движение», «сила». Семы «разрушительный», «сила», «снаружи» присущи искомому слову в контексте: «И в моей комнате, наверно, дуют злые *ветра*, // И в этой песне нет смысла, эта песня стара...» («Неизвестные песни Виктора Цоя», 1982–1989, «Я из тех»). У группы «Кино» данная тематическая группа представлена только одним словом — *ветер*, хотя при этом данное слово имеет высокую частотность и семантическую нагрузку. Образ ветра репрезентирован в семах «скорость», «время», «фазовый характер», «дискомфорт», «пространство», «препятствие», «помеха», «атрибут ночи», «изменение положения объектов», «движение», «разрушительный», «сила», «снаружи». Таким образом, с помощью слова *ветер* выделяется актуальная для субкультуры часть реальности, связанная со стихийным явлением, полным движения, сопротивления, силы разрушения, представленным через ощущения человека, в том числе через ощущение времени, пространства, через тактильные ощущения. Это невидимая, но предельно ощутимая часть действительности.

Для рассмотрения оттенков денотативного значения ТГ «движение воздуха в природе» у группы «Алиса» были отобраны контексты, в которых встретились репрезентирующие ТГ слова: *ветер*, *штиль*, *метель*.

Слово *ветер* мы находим в нескольких текстах. «Мы уже почти вышли к морю, // Мы уже почти бросили сеть, // Мы уже почти чувствуем *ветер*, // Мы уже почти научились смотреть...» («Шестой лесничий», 1989, «Аэробика») — в данном контексте проявляется денотативная сема «источник тактильных ощущений», поскольку используется сочетание с глаголом *чувствовать*. «*Ветер* поплевывал пылью в глаза» («Нервная ночь», 1984, «Вор Да Палач») — «переносчик чего-то материального» (пыли) — порывы ветра сравниваются с плевками, «помеха зрению» — *ветер в глаза*. «Через щель *ветра* плоток...» (там же) — здесь у слова *ветер* актуализируется сема «воздух», точнее, «семантический шлейф» — «воздух как нечто необходимое для дыхания, то есть для жизни человека». Кроме того, обстоятельство *через щель* актуализирует сему «движение». «Мой *ветер* вентилятор, // Моя земля асфальт...» («БлокАда», 1987, «Компромисс») — здесь происходит актуализация семы «природа»: контекст состоит из двух синтаксически тождественных частей, где *ветер* и *земля* для лирического героя «выражены» *вентилятором* и *асфальтом* соответственно. При определении возможности или невозможности такого «выражения» становится очевидной семантическая разница: первые два понятия имеют значение природного, естественного, а вторые — «рукотворного», «искусственного», «неестественного». Контекст построен на оксюмороне, для создания которого у слова ветер актуализируется сема «природа».

Слово *штиль* в контексте, содержащем слово в прямом (денотативно-образном) значении, встречается здесь: «Жёлтый песок. // Всеми свой срок. // Я на время превращусь в шторм, // Как *штиль*. // Я пройду землёю глубин, // Я когда-то здесь уже был» («JAZZ», 1996, «Вечер») — слово использовано в ряду слов с общей семой «природа»: *шторм*, *штиль*, *земля*. Оборот *как штиль* может описывать образ действия *пройду* и приведён в позиции противопоставления шторму, в результате

основное значение «отсутствие движения воздуха» приобретает дополнительные признаки «тихо», «неслышно», «без воздействия». Здесь же можно обнаружить слово, входящее в ТГ, *шторм*: для анализа значения этого слова в паре со словом *штиль* стоит обратиться к более широкому контексту, где обнаруживаются последовательные изменения состояний природы и человека на максимально противоположные, используются контрарные антонимы, которые подразумевают наличие переходных стадий, отсутствие которых подчёркивает значение «стремительности», «силы».

Далее рассмотрим слово *метель*: «Снег летит, кружит время *метель*, // Над землёй — белая канитель...» («Танцевать», 2001, «Веретено») — в контексте актуализируются семы «движение» (в данном случае по кругу — *кружит*), «изменение пространства». Здесь можно говорить о прямом значении слова *метель*, поскольку речь идёт о снеге.

При анализе контекстов группы «Алиса» были выявлены следующие актуальные для текстов группы денотативные семы: «источник тактильных ощущений», «природа», «переносчик чего-то материального» (пыли), «фазовое значение», «помеха зрению», «воздух», «воздух как нечто необходимое для дыхания, то есть для жизни человека», «отсутствие движения воздуха», «тихо», «без воздействия», «изменение пространства», «движение». Слова ТГ «движение воздуха в природе» отразили способность ветра передвигать предметы, изменять пространство, производить звуки, при этом быть недоступным для зрения. Образ апеллирует также к физическим ощущениям. Особо выделяется актуализация семы «воздух как субстанция, необходимая для жизни».

Денотативные семы обнаруженных слов тематической группы «движение воздуха в природе» играют важную роль в создании художественных образов русской рок-поэзии, уточняя субъективное восприятие пространства («звук», «дискомфорт», «помеха зрению»), объективную реальность («природа», «время»), характеризуя называемые объекты как своеобразных деятелей («изменение положения объектов в пространстве»).

Библиографический список

Источники

1. Алиса. Дискография. URL: <http://www.alisa.net/diskografiya.php>.
2. Солнцеворот. Стихотворения, песни, статьи, интервью: авторский сборник / [Вадим Штепа, Анастасия Рахлина, Константин Кинчев и др.]; сост.: В. Гаврилов, А. Панфилова, А. Селищева. М: Эксмо-Пресс, 2001. 416 с.
3. Тексты песен группы «Алиса». URL: http://rockk.ru/viewpage.php?page_id=34.
4. Тексты песен группы «Кино». URL: http://rockk.ru/viewpage.php?page_id=67.
5. Цой В. Кино. Рязань: Край-Music, 2008. 336 с.

Литература

6. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2014. № 1 (12). С. 8–15.

7. Ермоленко Г.М. Лингвокультуре́мы тематической группы «одежда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2009. 45 с.
8. Солодуб Ю.П. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2003. 264 с.
9. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие. М.: Libroком, 2009. 336 с.

Справочные и информационные издания

10. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года. URL: <http://enc-dic.com/kuznecov/Cherez-67148.html>.
11. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М.: ВЛАДОС: Филол. ф-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2002. URL: https://slovari.yandex.ru/~knigi/Gumanitarny'j_slovar'/.

References

Istochniki

1. Alisa. Diskografiya. URL: <http://www.alisa.net/diskografiya.php>.
2. Solncevorot. Stixotvoreniya, pesni, stat'i, interv'yu: avtorskij sbornik / [Vadim Shtepa, Anastasiya Raxlina, Konstantin Kinchev i dr.]; sost.: V. Gavrilov, A. Panfilova, A. Selishheva. M.: E'ksmo-Press, 2001. 416 s.
3. Teksty' pesen gruppy' «Alisa». URL: http://rockk.ru/viewpage.php?page_id=34.
4. Teksty' pesen gruppy' «Kino». URL: http://rockk.ru/viewpage.php?page_id=67.
5. Czoy V. Kino. Ryazan': Kraj-Music, 2008. 336 s.

Literatura

6. Alekseev A.V. Kul'turnaya znachimost' slova kak kategoriya istoricheskoy leksikologii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2014. № 1 (12). S. 8–15.
7. Ermolenko G.M. Lingvokul'turemy' tematicheskoy gruppy' «odezhda»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Pyatigorsk, 2009. 45 s.
8. Solodub Yu.P. Sovremenny'j russkij yazy'k. Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka: ucheb. posobie. M.: Flinta, Nauka, 2003. 264 s.
9. Shmelyov D.N. Sovremenny'j russkij yazy'k. Leksika: ucheb. posobie. M.: Librokom, 2009. 336 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Bol'shoj tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / Pod red. S.A. Kuzneczova. 1-е изд. СПб.: Norint, 1998. Publikuetsya v avtorskoj redakcii 2009 goda. URL: <http://enc-dic.com/kuznecov/Cherez-67148.html>.
11. Rossijskij gumanitarny'j e'nciklopedicheskij slovar': v 3 t. M.: Vlados: Filol. f-t S.-Peterb. gos. un-ta, 2002. URL: https://slovari.yandex.ru/~knigi/Gumanitarny'j_slovar'.

О.А. Малых

К вопросу о подходах к формированию фонетической компетенции студентов, изучающих китайский язык

В статье приводится краткий обзор подходов к обучению фонетической стороне иноязычной речи. С учётом специфических особенностей произносительной системы китайского языка ставится вопрос о разработке инновационного подхода к формированию фонетической компетенции студентов, изучающих китайский язык в языковом вузе.

The article provides a brief overview of approaches to teaching foreign language pronunciation. Based on specific features of Chinese pronunciation, the paper considers the issue of developing an innovative approach to formation of phonetic competence of students learning Chinese.

Ключевые слова: фонетика китайского языка; методика обучения китайскому языку; фонетическая компетенция.

Keywords: the Chinese language phonetics; methods of teaching Chinese; phonetic competence.

В настоящее время сформулированный в ряде документов социальный заказ свидетельствует о том, что современному обществу необходимы высококвалифицированные кадры, эффективно работающие в условиях инновационной экономики. В пределах системы лингвистического образования социальный заказ сегодня обозначен как формирование вторичной языковой личности (И.И. Халеева) — профессионала, обладающего необходимым уровнем готовности к эффективному межкультурному общению посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достижения в итоге позитивного для обеих сторон результата общения [7: с. 95]. Такой уровень готовности предусматривает прежде всего корректное, адекватное норме, т. е. *орфоэпическое, оформление устного высказывания*. Неслучайно корректность фонетической стороны иноязычной речи всегда рассматривалась как фактор, который обеспечивает эффективность межкультурного диалога.

Компетенция, содержательная специфика которой определяется параметрами и особенностями произносительной стороны иноязычной речи, исследуется в лингводидактике относительно недавно, но подходов к её толкованию к настоящему времени выработано немало. Свидетельством тому является множественность вариантов номинации соответствующей компетенции и неоднозначность в их толковании. В научной литературе сформировался терминоряд, в состав которого входят: фонетическая компетенция (А.А. Хомутова), фонологическая

компетенция (О.А. Лаврова, К.Ю. Варганова), фонетико-фонологическая компетенция (Н.Л. Гончарова), произносительная компетенция (Е.М. Бастрикова), орфоэпическая компетенция (А.И. Миханцева). Наличие многообразия терминов свидетельствует об интересе методистов к исследованию способности обучающихся, связанной с орфоэпическим оформлением высказывания, о сложности природы данной способности, соответственно, об актуальности разработки технологий её формирования.

Применительно к исследованию процесса формирования рассматриваемой способности в науке сделано немало: исследован процесс обучения основам фонологической компетенции студентов-лингвистов в адаптивном вводном курсе (К.Ю. Варганова), раскрыты особенности формирования иноязычной фонетико-фонологической компетенции у студентов-лингвистов (Н.Л. Гончарова), описана модель становления интонационных умений у будущих лингвистов-преподавателей (А.С. Дмитриевский), разработана методика совершенствования фонологической компетенции у студентов-лингвистов на старшем этапе обучения (О.А. Лаврова), исследован вопрос формирования фонетической компетенции в языковом вузе на основе мультимедиа (А.А. Хомутова). Все эти работы, посвящённые формированию и развитию фонетической / фонетико-фонологической компетенции, основываются на материале английского языка. Что касается других языков, особенно дальневосточных (в частности, китайского языка), то такого рода изыскания отсутствуют в отечественной и зарубежной лингводидактике.

Наблюдения преподавателей китайского языка (далее — КЯ) Московского городского педагогического университета показывают, что проблема формирования иноязычных произносительных навыков и произносительных умений студентов, осваивающих данный язык в профессиональных целях, является особенно актуальной в силу того, что произносительная сторона китайской речи — один из наиболее сложных объектов овладения иностранным языком (далее — ИЯ). Как показывает практика, при обучении КЯ особое внимание преподавателей и исследователей традиционно уделяется развитию фонетических навыков на ранних этапах обучения, но, несмотря на это, зачастую выпускник вуза показывает недостаточную развитость соответствующей компетенции при профессиональном межкультурном общении на изучаемом языке. В процессе обучения не учитываются особенности фонетико-фонологической «привычки» студентов, сформированной при изучении в школе одного из индоевропейских языков (чаще всего английского), которая оказывает интерферирующее влияние на формирование новой, принципиально иной произносительной способности. Одновременно с этим не подвергаются учёту качества индивидуального свойства (физиологические особенности, развитость речевого слуха и т. п.), накладывающие отпечаток на освоение как продуктивных произносительных, так и рецептивных слуховых навыков и умений, служащих принципиально важной основой для овладения КЯ как средством межкультурного общения. В подтверждение этого можно привести данные логопедической науки и практики, физиологии и психологии речи,

которые доказывают, что в случаях нарушения артикуляторной интерпретации слышимого звука может в разной степени ухудшаться и его восприятие [6: с. 64]. Кроме того, как показывает практика, слабо поддерживается мотивация студентов при освоении произносительных особенностей КЯ; она основана преимущественно на внешних стимулах, что, как известно, не приводит к необходимым результатам.

Из сказанного следует вывод о том, что необходим особый, инновационный подход к формированию фонетической компетенции студентов, изучающих КЯ. Под лингвообразовательными инновациями, по мнению учёных, должны пониматься только те новшества, у которых установлена методология определения параметров, характеристик лингводидактических нововведений, предложена процедура их диагностики и утверждения, а также рассмотрены механизмы их внедрения в практику преподавания на разных этапах лингвообразовательного процесса [5: с. 4].

В методике обучения ИЯ принято выделять *артикуляторный, акустический* подходы, а также (при их сочетании и интеграции) *дифференцированный* подход. Одним из современных направлений в области обучения произносительным аспектам иноязычной подготовки служит *фоносемантический* подход. Потенциал каждого из данных подходов требует осмысления применительно к обучению произносительной стороне речи на КЯ.

Для артикуляторного подхода характерна отработка каждого звука в отдельности, при этом учащиеся изучают работу органов артикуляции при произнесении каждого звука. При обучении произносительной стороне КЯ такая изолированная «постановка» и тренировка каждого звука является неприемлемой, так как основной фонематической единицей КЯ является не звук, а слог. Что касается акустического подхода, то данный подход неприменим в условиях языкового вуза (особенно для студентов, обладающих неразвитым речевым слухом), так как он основан на повторении и имитации звучащих образцов, при которых большинством обучающихся достигается правильное иноязычное произношение. Применение дифференцированного подхода к формированию фонетической компетенции у изучающих КЯ позволяет достичь некоторого уровня сформированности данной компетенции, но он зачастую оказывается недостаточным для уровня владения произношением, необходимого в условиях профессиональной межкультурной коммуникации. Фоносемантический подход предполагает обучение произносительной стороне речи посредством обращения не только к лингвистическим, но и к экстралингвистическим факторам процесса межкультурной коммуникации (Е.К. Тимофеева). Можно заключить, что фонетические особенности КЯ столь своеобразны, что ни один из существующих подходов к формированию фонетической компетенции не может быть признан действенным.

Возникли, тем самым, противоречия между предъявляемыми требованиями ФГОС ВО, программами развития образования г. Москвы к уровню подготовки выпускников языковых вузов и недостаточностью сформированностью фонетической

компетенции у студентов, изучающих КЯ; между существующими теориями формирования фонетической компетенции и отсутствием технологии их формирования у русскоязычных студентов, изучающих данный язык; между необходимостью применения современных, инновационных подходов к обучению произносительной стороне речевой деятельности на КЯ и существующими технологиями в данной области, являющимися преимущественно традиционными и ориентированными на обучение западноевропейским языкам.

В поисках подхода к формированию фонетической компетенции у студентов, изучающих КЯ, важно обратить внимание на специфические особенности произносительной системы данного языка, характеризующейся большим количеством явлений, несвойственных индоевропейским языкам. Изучению и описанию данных явлений посвящено множество исследований (Е.Д. Поливанов, А.Н. Алексин, Н.А. Спешнев и др.). Под углом зрения лингводидактики исследованием фонетических и фонологических особенностей КЯ занимались Т.П. Задоевко, А.М. Карапетьянц, И.В. Кочергин, Н.А. Демина, О.А. Масловец и др.

По свидетельству Т.П. Задоевко, для русскоговорящих учащихся артикуляционная база КЯ является более сложной по сравнению с западными языками, поскольку в КЯ встречаются не только нетипичные особенности звуков и звукосочетаний, но и специфическое модулирование речи, изменение движения тона голоса на каждом слоге [2: с. 6]. Поэтому учёные сходятся во мнении, что при изучении КЯ необходимо «полностью освободиться от своих произносительных привычек, способов произношения и усвоить все произносительные привычки и способы произношения изучаемого языка» [4: с. 32]. Иными словами, «не следует ориентироваться на сходство в звучании китайской и родной речи, китайскую фонетику надо принять целиком как иную незнакомую систему» [3: с. 17].

Слоговая структура произносительной системы КЯ зачастую бывает «необычной и неожиданной для русскоязычных студентов» [1: с. 28]. Разительно отличается структура слога. Если в русском слог может состоять из разного количества звуков (*и, всплеск*), то в китайском количество звуков не превышает четырёх. Последовательность гласных и согласных звуков в русском слоге также разнообразна (например, *три, искр*), почти любой звук русского языка может стоять в начале, середине или в конце слога. В КЯ каждый звук занимает отведённое ему место, на первом месте — согласный — инициаль, за ним (чаще всего) — неслогообразующий гласный, затем слогообразующий гласный и на четвёртом месте — конечный полугласный или носовой предикат, который может быть как переднеязычным (*zhan, chuan*), так и заднеязычным (*zhang, chuang*) [4: с. 12].

Ещё одной отличительной особенностью фонетической системы КЯ является то, что в китайском слоге не все звуки могут сочетаться между собой, существует ограниченное количество комбинаций, всего 418 слогов. Каждый слог, как правило, имеет значение и соответствует одному иероглифу. Это значение определяется не только звуковым составом слога, но и его тоном,

с которым слог произносится. Таким образом, именно из-за ограниченности набора комбинаций для обозначения многообразия существующих в мире явлений и предметов у китайских слогов есть специфическая черта — наличие тона, преумножающее количество слогов в три-четыре раза, именно тон несёт смысловозначительную функцию. Неправильное произношение тона влечёт за собой изменение значения слова и, соответственно, приводит к непониманию сказанного. Количество тонированных слогов в диалекте путунхуа — 1332, для обозначения слова слоги комбинируются друг с другом. Больше всего в современном КЯ слов, состоящих из двух слогов, но зачастую встречаются трёх- и более сложные слова.

Т.П. Задоевко подчёркивает, что природа тона в КЯ слоговая, т. е. тон присущ слогу независимо от языковой функции последнего. Одни слоги могут употребляться самостоятельно, другие — только как часть слова, но при этом все слоги характеризуются определённым тоном, который присущ слогу даже вне слова. Данная особенность исторически обусловлена, она сохраняется за слогом перманентно. Такой исконно присущий тон слога является этимологическим [2: с. 7].

С учётом приведённых фактов ряд учёных (Е.Д. Поливанов, А.А. Драгунов и Е.Н. Драгунова, А.Н. Алексахин, Н.А. Спешнев) пришли к заключению, что минимальной фонетической единицей в КЯ является не фонема, а именно *тонированный слог*, который также принято называть *силлабема* или *слогофонема*.

Принимая сказанное во внимание, представляется перспективным исследовать с научной и практико-технологической точек зрения проблему поиска инновационного подхода к формированию иноязычной фонетической компетенции в языковом вузе, опираясь на системные свойства силлабем КЯ.

Библиографический список

Литература

1. Демина Н.А. Методика преподавания практического китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2006. 88 с.
2. Задоевко Т.П., Шуин Хуан. Начальный курс китайского языка. Ч. I. 5-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2010. 304 с.
3. Карапетьянц А.М., Аошун Тань. Учебник китайского языка: Новый практический курс: в 2 ч. Ч. 1. М.: Восточная литература, 2003. 640 с.
4. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык: фонетика и разговорный язык. СПб.: Каро, 2006. 250 с.
5. Тарева Е.Г., Гальскова Н.Д. Инновации в лингводидактике: pro et contra // Иностранные языки в школе. 2013. № 10. С. 2–8.
6. Хованова С.Ю. Формирование фонематического слуха у студентов начальной формы обучения // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2 (27). С. 63–67.
7. Языкова Н.В. Культура и обучение иностранным языкам: лингводидактический аспект // Вестник МГПУ. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 95–100.

References

Literatura

1. *Demina N.A.* Metodika prepodavaniya prakticheskogo kitajskogo yazy'ka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vostochnaya literatura, 2006. 88 s.
2. *Zadoenko T.P., Shuin Khuan.* Nachal'ny'j kurs kitajskogo yazy'ka. Ch. I. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Vostochnaya kniga, 2010. 304 s.
3. *Karapet'yancz A.M., Aoshuan Tan'.* Uchebnik kitajskogo yazy'ka: Novy'j prakticheskij kurs: v 2 ch. Ch. 1. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 640 s.
4. *Speshnev N.A.* Vvedenie v kitajskij yazy'k: fonetika i razgovorny'j yazy'k. SPb.: Karo, 2006. 250 s.
5. *Tareva E.G., Gal'skova N.D.* Innovacii v lingvodidaktike: pro et contra // Inostranny'e yazy'ki v shkole. 2013. № 10. S. 2–8.
6. *Xovanova S.Yu.* Formirovanie fonematičeskogo sluxa u studentov nachal'noj formy' obučeniya // Vestnik MGPU. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 2 (27). S. 63–67.
7. *Yazy'kova N.V.* Kul'tura i obučenie inostranny'm yazy'kam: lingvodidaktičeskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 95–100.

М.А. Смолова

Лингвокогнитивные стили реферирования студентов: результаты лингводидактического «разведывательного» сопоставления (на материале русского и китайского языков)

В статье рассматриваются лингвокогнитивные стили реферирования текстов на китайском и русском языках. Приводятся результаты «разведывательной» диагностики лингвокогнитивных стилей студентов.

The article focuses on the issues of linguo-cognitive styles of summary writing in Chinese and Russian. The results of «prospecting» diagnostic testing of linguo-cognitive styles are provided.

Ключевые слова: реферирование; лингвокогнитивный стиль; языковая личность; китайский язык.

Keywords: summary writing; linguo-cognitive style; language personality; Chinese.

Реферирование — один из видов деятельности, освоение которого предусматривается в процессе иноязычной подготовки студентов как языковых, так и неязыковых вузов. Установлено, что реферирование как действие входит составной частью в профессиональную деятельность специалистов различного профиля. Важность данного действия с точки зрения обучения иноязычному общению всегда заставляла учёных предпринимать усилия в поиске новых подходов, способов, средств обучения реферативной деятельности. Этот поиск не прекращается и сегодня, в эпоху антропоцентрической образовательной парадигмы, означающей верховенство личностно и субъектно значимых компонентов деятельности.

Реферирование является одним из видов свёртывания текстовой информации. В библиографоведении и книговедении под *реферированием* понимают «интеллектуальный творческий процесс, включающий осмысление, аналитико-синтетическую переработку информации и создание нового документа — реферата, обладающего специфической формой» [3: с. 51]. В последние годы реферирование и реферат как его продукт стали объектами рассмотрения лингвоперсонологии, дискурсивной лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистической антропологии — тех направлений научного исследования, которые связаны с изучением языковой личности во всех её проявлениях, в том числе с рассмотрением собственных ей *когнитивных стилей*. Под когнитивным стилем понимается «складывающаяся в процессе онтогенеза, характерная для личности совокупность

взаимосвязанных приёмов, способов, стратегий осуществления познавательной деятельности, определяющаяся своеобразием как внешних требований, так и индивидуальных предпосылок реализации познавательной активности» [8]. Такая трактовка стиля созвучна его дидактической интерпретации. Е.Г. Тарева под рациональным стилем учебной деятельности понимает «системное образование особых, обусловленных индивидуальными особенностями личности, способов деятельности, которые положительно сказываются как на приёмах выполнения, так и на результатах деятельностной активности, что в целом приводит к её эффективности» [5: с. 75].

Исследование реферирования с позиций личностно-стилевой ориентации данного процесса является весьма перспективным. Ещё в 1970 году В.И. Соловьёв доказал на материале экспериментальных данных, что реферированию свойственна *индивидуальность* [3]. В настоящее время реферирование как элемент лингвокогнитивной деятельности языковой личности продолжает привлекать внимание представителей антропоцентрической научной парадигмы. Так, в исследовании И.Р. Прокудиной предпринята попытка выявить типологию русских языковых личностей в аспекте *лингвокогнитивных стилей репродуцирования текстов*, где под последними понимаются «индивидуально-своеобразные особенности дери-вационных преобразований при репродуцировании исходного текста, обусловленные спецификой его восприятия, понимания, воспроизведения, а также аналитико-синтетической обработки / переработки, интерпретации, структурирования и оценивания, реализованные в репродуцированном тексте» [2: с. 43]. Анализ работы учёного позволяет заключить, что использованная автором номинация «репродуцирование» близка по содержанию реферированию, так как материалом для исследования послужили студенческие монографические информативные рефераты научно-популярных статей на русском языке.

В данной статье поставлен вопрос о выявлении сходств и различий в когнитивных стилях реферирования иноязычных текстов носителями языка и русскоязычными обучающимися. Было проведено диагностирующее исследование, цель которого — выделение характерологических признаков лингвокогнитивных стилей реферирования текстов на китайском языке как родном и сопоставление полученных результатов с лингвокогнитивными стилями реферирования, свойственными русским языковым личностям (в описании И.Р. Прокудиной). Выдвинуто предположение о наличии расхождений в способности восприятия, понимании исходного текста, его аналитико-синтетической переработки с целью вторичного изложения (репродуцирования / реферирования) и их (расхождений) обусловленности национально специфической системой восприятия и опредмечивания окружающей действительности, а именно правополушарностью китайской культуры.

Носители языка и русскоязычные обучающиеся, овладевающие китайским языком, были поставлены в равные условия выполнения реферативной деятельности. Обеим группам испытуемых¹ было предложено написать

¹ Китайские испытуемые: 14 стажёров-филологов и 18 абитуриентов из КНР, 4 стажёра-филолога из Тайваня (всего 35 человек). Российские испытуемые: студенты 3–5 курсов (всего 21 человек).

реферат научно-популярной статьи объёмом до 1 300 знаков-иероглифов (на китайском языке) и до 700 слов (на русском языке). С учётом имеющегося опыта реферативной деятельности участникам эксперимента план реферата заранее не предъявлялся, чтобы индивидуально-своеобразные способы реферирования носителей китайского и русского языков могли проявиться максимально естественным образом. В результате проведённого исследования удалось выявить такие лингвокогнитивные стили реферирования носителей китайского и русского языков, которые отражают способы аналитико-синтетической переработки информации, представленные ниже в таблице.

Сопоставление стилей реферирования китайцев и русских

Параметры выделения	Стили реферирования	Носители РЯ	Носители КЯ
По способу компрессии и воспроизведения информации	копирующий	10 %	17 %
	контаминирующий	38 %	23 %
	генерирующий	52 %	60 %
По степени семантической адекватности	воспроизводящий	71 %	37 %
	модифицирующий	29 %	17 %
	воспроизводяще-интерпретирующий	0 %	17 %
	интерпретирующий	0 %	29 %
По способу репрезентации	дифференцирующий	48 %	29 %
	интегрирующий	52 %	71 %
По степени полноты содержания	фрагментирующий	43 %	77 %
	сканирующий	57 %	23 %

Интерпретация полученных результатов позволила сделать ряд важных выводов. Преимущественное использование интегрирующего стиля китайскими испытуемыми означает сокращение объёма текста за счёт устранения избыточности благодаря использованию экономичных речевых средств. Напротив, дифференцирующий стиль русскоязычных обучающихся подразумевает детализацию изложения, а следовательно, увеличение числа речевых единиц с целью уточнения и конкретизации тех или иных понятий.

Любопытным выглядит доминирование фрагментирующего стиля в рефератах на китайском языке; это показывает, по мнению И.Р. Прокудиной, «несформированность умения восстанавливать единое, цельное содержание исходного текста после восприятия» [2: с. 170]. Российские студенты, в свою очередь, в равной степени использовали как сканирующий стиль реферирования, так и фрагментирующий стиль.

На основании полученных данных было установлено, к какому типу лично-

сти относится среднестатистический студент российского лингвистического вуза, осуществляющий реферирование текста на русском языке. Это преимущественно зависимый тип языковой личности, неспособный самостоятельно обобщать информацию и передавать её, используя языковые средства, отличные от исходного текста. Помимо этого русскую языковую личность можно отнести к дифференцирующему типу, преимущественно избирающему стратегию детализации, выделения фактов из-за невозможности охватить и/или понять всё содержание исходного текста. Такой аналитический способ извлечения и переработки информации свидетельствует о «логико-вербальном», или левополушарном, типе мышления [6: с. 81].

Если говорить о китайской языковой личности, осуществляющей реферирование, то в целом её можно отнести к независимому типу. Об этом говорит преобладание генерирующего и интерпретирующего стилей. Такой тип личности способен не только самостоятельно строить гипотетико-дедуктивные выводы, выбирать нужные языковые средства, но и воспринимать и понимать текст целиком, а также выходить за его пределы путём интерпретации. Кроме того, данная личность демонстрирует способность к запоминанию и обобщению, оперированию значительными объёмами информации. Полученные результаты подтверждают предположение о правополушарной доминантности китайского мышления и холистической стратегии извлечения информации. Эта доминанта, как показывает исследование М.А. Помченко, «определяется не столько психофизиологическими особенностями, сколько является результатом высокой образности китайской культуры, иероглифической письменности» [1: с. 17].

Всё вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод, важный для совершенствования процесса обучения студентов реферированию на китайском языке. В ходе эксперимента подтверждён тот факт, что на процесс реферирования оказывают влияние не только индивидуальные когнитивные стили обучающихся [7], но и национальный стиль мышления. Необходимо развивать «диалогичность» когнитивного сознания обучающихся [4: с. 69], обращая внимание на проявление ими различных групп когнитивных стратегий и типов лингвокогнитивных стилей. Методика обучения реферированию, построенная на данной обучающей стратегии, позволит повысить качество деятельности по созданию рефератов на китайском языке, которая широко востребована профессионалами различных профилей подготовки.

Библиографический список

Литература

1. Помченко М.А. Семантическое пространство этнической картины мира (на материале сравнительного исследования китайских и русских студентов): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Хабаровск, 2006. 20 с.
2. Прокудина И.Р. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции научного текста (на материале студенческих рефератов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2009. 202 с.

3. Соловьёв В.И. Реферат в научно-информационной деятельности и критерии редакторской оценки его содержания и формы: дис. ... канд. филол. наук: специальность «Книговедение». М., 1970. 317 с.

4. Тарева Е.Г., Анненкова А.В. Особенности межкультурной коммуникативной компетенции выпускников языкового вуза // Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики: коллектив. монография / Отв. ред. Е.Г. Тарева. М.: Логос, 2014. С. 54–69.

5. Тарева Е.Г. Технология формирования у студентов рационального стиля учебной деятельности // Инновации в образовании. 2001. № 6. С. 75–87.

6. Черкашина Е.И. Интегративная модель подготовки преподавателя иностранного языка для неязыковых вузов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1. С. 76–84.

7. Щепилова А.В. Когнитивизм в лингводидактике: истоки и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (13). С. 45–54.

Справочные и информационные издания

8. Селиванов В.В. Когнитивный стиль // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 365–366.

References

Literatura

1. Pomchenko M.A. Semanticheskoe prostranstvo e'tnicheskoy kartiny' mira (na materiale sravnitel'nogo issledovaniya kitajskix i russkix studentov): avtoref. dis. ... kand. psichol. nauk: 19.00.01. Xabarovsk, 2006. 20 s.

2. Prokudina I.R. Russkaya yazy'kovaya lichnost' v aspekte linvokognitivny'x stilej reproducirovaniya nauchnogo teksta (na materiale studencheskix referatov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kemerovo, 2009. 202 s.

3. Solov'yov V.I. Referat v nauchno-informacionnoj deyatel'nosti i kriterii redaktor-skoj ocenki ego soderzhaniya i formy': dis. ... kand. filol. nauk: special'nost' «Knigovedenie». М., 1970. 317 s.

4. Tareva E.G., Annenkova A.V. Osobennosti mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii vy'pusknikov yazy'kovogo vuza // Mezhkul'turnoe inoyazy'chnoe obrazovanie: lingvodidakticheskie strategii i taktiki: kollektiv. monografiya / Отв. ред. Е.Г. Тарева. М.: Logos, 2014. S. 54–69.

5. Tareva E.G. Texnologiya formirovaniya u studentov racional'nogo stilya uchebnoj deyatel'nosti // Innovacii v obrazovanii. 2001. № 6. S. 75–87.

6. Cherkashina E.I. Integrativnaya model' podgotovki prepodavatelya inostrannogo yazy'ka dlya neyazy'kovy'x vuzov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 1. S. 76–84.

7. Shhepilova A.V. Kognitivizm v lingvodidaktike: istoki i perspektivy' // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 1 (13). S. 45–54.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Selivanov V.V. Kognitivny'j stil' // E'nciklopediya e'pistemologii i filosofii nauki. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. S. 365–366.

**Рецензия на учебное пособие
И.Г. Минераловой «Анализ
художественного произведения:
стиль и внутренняя форма»
(М.: Флинта, Наука, 2011. 256 с.)**

Книга доктора филологических наук, профессора Московского педагогического государственного университета И.Г. Минераловой синтетична. В ней органично соединены теоретические научные изыскания, тонкие наблюдения над хрестоматийными и не очень известными литературными текстами и реализована установка на их практическое применение преподавателем и студентом, школьным учителем словесности.

Обращает на себя внимание уже заглавие. Речь, действительно, идёт не о филологическом анализе *текста*, который может нести различные функции, вообще быть нехудожественным, а именно о *произведении*, т. е. явлении принципиально целостном, в котором значимым для его содержательной стороны является любой элемент, каждое *слово*, по наблюдениям А.А. Потебни, уже являющееся произведением. Неслучаен и подзаголовок — стиль и внутренняя форма, также отсылающий к отечественной филологической традиции и её современному академическому продолжению. В самом деле, в центре внимания книги не идеи как таковые, о них всегда много спорят, а именно *внутренняя форма, образ идеи* (Ю.И. Минералов), способы и приемы создания художественного содержания. И, конечно, *стиль* — наиболее наглядное проявление авторской индивидуальности, а также культурной эпохи, прежде всего эпохи Серебряного века, которой посвящены монографии, учебники и учебные пособия и многие статьи И.Г. Минераловой.

Книга состоит из трех частей: «В лаборатории прозаика», «В лаборатории поэта», «Произведение. Комментарий. Филологический анализ». Это позволяет не только наглядно сгруппировать произведения по признаку литературного рода, но и точно «настроить» филологический инструментарий.

В первой части анализируется проза А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.И. Куприна, Л.Н. Андреева, И.С. Шмелёва, М.А. Булгакова, Е.И. Замятина, Е.Н. Чирикова, М.А. Шолохова, Ю.И. Коваля. Среди детально реализованных путей анализа произведения важно отметить следующие: стиль и жанр, индивидуальный стиль и стиль культурной эпохи, синтез в стиле писателя, особенности сюжетосложения и лиризации в прозе, роль именования персонажей и заглавия, функции портрета и пейзажа, микромир и макрокосм в крупномасштабной прозе и др.

Во второй части для подробного разбора избраны поэтические произведения И.Ф. Анненского, И.А. Бунина, А.А. Блока, М.А. Волошина, М.И. Цветаевой, Н.А. Заболоцкого, Ю.П. Кузнецова, Н.М. Рубцова. Среди реализованных подходов характерны следующие: синтез лирики и иронии, образ и мотив в поэзии, икона и исторический сюжет в поэтическом произведении, стихотворение в стихотворном цикле, эпатаж как художественный приём, традиция и диалог с предшественником и др.

В третьей части дан образец действительно многостороннего, комплексного анализа литературного произведения — на примере рассказа И.А. Бунина «Чистый понедельник», одного из шедевров русской литературы XX века. Причём дан не только на основе компактной и ёмкой литературоведческой статьи, но и подробного историко-культурного и историко-литературного комментария, поясняющего не только упоминаемые реалии и лица, но и содержание многочисленных аллюзий и реминисценций.

Предложенные И.Г. Минераловой яркие и перспективные подходы филологического анализа позволяют не только увидеть литературное произведение как таковое, но и подчеркнуть эпоху, непрерывную традицию, современность. Нельзя, например, не согласиться с выводами исследователя о роли советской литературы как моста — и художественного, и нравственного — между русской классикой и современностью: «Будем же уважительны к литературе и культуре, которые в итоге дали миллионам наших сограждан обрести веру со всеми её религиозно-церковными атрибутами, ибо в поэзии и художественном слове талантливых русских писателей XX в. вера и сохранна».

Книга И.Г. Минераловой, выполненная в академическом русле, сочетающая строгую научность, аргументированность и доступность, несомненно, будет интересна и полезна широкому кругу профессионально заинтересованных в русской литературе и культуре читателей.

С.А. Васильев

Рецензия на монографию К.Ю. Кашлявик «Поэтика Блеза Паскаля» (М.: Изд-во ИП «Т.А. Алексеева», 2014. 336 с.)

Что собой представляет поэтика Паскаля, одну единую поэтику или некоторую цепочку видоизменяющихся видений гармонии и диссонансов Прекрасного? Книга К.Ю. Кашлявик «Поэтика Блеза Паскаля» постепенно отвечает на этот вопрос, перелистывая страницы текстов своеобразного мыслителя и художника семнадцатого столетия. Широкому читателю он известен как автор «Мыслей» (1669) в современном переводе Ю. Гинзбург. Однако в книге К.Ю. Кашлявик речь идёт не только о «Мыслях» Паскаля, но и сразу о многих его сочинениях, таких как «Письма к провинциалу», «Сочинения о благодати» и других.

Используя термин «паскалевский текст», автор делает его исходным в разговоре о поэтике. «Паскалевский текст» для неё есть некая «противоречивая целостность» — термин, употреблённый в широком значении. Нехудожественный, или иначе «нелитературный», текст Паскаля рассматривается автором через его соотношение со многими текстами эпохи: учёный находится в постоянном диалоге со всем миром, о чём бы ни шла у него речь, о науке, власти, творчестве, человеке. Словами «паскалевский текст» К.Ю. Кашлявик называет также «паскалевский канон», то есть перечень произведений Паскаля, выведенный ею список-перечисление, впервые фиксированный на русском языке.

В целом для Паскаля, как и для других писателей семнадцатого столетия, весьма характерна тесная связь человеческой личности и творчества. Знаменитый драматург Мольер абсолютно определён своим путём актёра в современном ему театре. Декарт постоянно подтверждает свой строгий философский рационализм твёрдостью жизненных и бытовых поступков. Афористика Паскаля поверена его стоицизмом и аскетической жизнью.

Важным моментом, определяющим особенности творчества Паскаля, стала его близость к жизни и деяниям монастыря Пор-Рояль, центра культуры и образования во Франции семнадцатого века. Из двух существовавших тогда риторических школ, римской и галликанской, Паскаль отдал предпочтение последней, потому что увидел в ней слияние религиозного и литературного идеалов.

Духовный путь Паскаля-человека связан с его верой в Бога, принадлежностью к католической религии, постепенно укреплявшейся в его сознании мыслителя и учёного. Как теолог Паскаль принимает участие в обсуждениях перевода Библии на родной французский язык, при этом он отстаивает

определённые принципы и подходы. Рабочими языками для него были латынь и французский. Литургия и Писание на этих языках занимали важное место в его распорядке дня. Он очень любил церковные службы. Хорошо зная их музыкальную часть, песнопения, которые очень ценил, он принимал участие в службах. Здесь, очевидно, родилась его любовь к звукам, сочетанию ритмов и разнообразных риторических приёмов. Музыка часто была для него объектом рассуждений и разговоров. Некоторые фрагменты его текстов можно просто назвать музыкальными.

В культуре семнадцатого столетия, на поверхности очень светской, христианство обычно ищут где-то на глубине, например, в мифологических по сюжетному рисунку пьесах Расина или в линии поведения принцессы Клевской мадам де Лафайет. Блез Паскаль своей аскетической жизнью напоминает тех монахов-визионеров, которые, защищаясь от язычества, замыкались в себе и своим незаметным трудом проделывали гигантскую блистательную работу по переименованию языка Священного Писания на общедоступный. «Как только христианская религия открывает ту истину, что природа человеческая испорчена и разлучена с Богом, мы начинаем прозревать эту истину повсюду, природа такова, что повсюду, и в человеке, и вне человека, она свидетельствует об утраченном Боге и об испорченной природе»¹. Становление авторского голоса Паскаля, по характеристике Сент-Бёва, похоже на манеру Декарта, «крепкую, разумную, не лишённую очарования».

Его известнейшее сочинение «Письма к провинциалу» отличается необыкновенной живостью, смешением разных стилей: насмешливого, серьёзного и возвышенного. Смена адресата в «Письмах» меняет у Паскаля точку отсчёта, его воззрение, пронизательный взгляд, однако он всюду, не пасуя, защищает своё кредо и позицию ратора в тексте. Существует мнение, что в этих «Письмах» наиболее полно проявился писательский дар литератора-учёного. Сам Паскаль объяснял это тем, что ему хочется, чтобы его читали и женщины, и светские люди, часто подававшиеся иезуитским увещаниям. Поскольку сам текст есть противоположение иезуитам мнений янсенистов, то автору пришлось на него затратить немало сил. Каждое «письмо» зачитывалось им перед янсенистской общиной, и, если находилась хотя бы одна несогласная с его риторикой, то он продолжал совершенствовать своё высказывание до полной ясности в данной аудитории собственных суждений.

Вольтер назвал собрание «Писем к провинциалу» «первой гениальной книгой, написанной прозой», и сказал, что «этому произведению суждено создать эпоху в окончательном оформлении языка». «Письма» были изданы анонимно и под псевдонимом (начиная с третьего письма). Вообще анонимность — нередкое явление у янсенистов; позволяли они себе и псевдонимы. Паскаль даже зашифровал однажды себя, подписавшись аббревиатурой EAABPAFDEP, означавшей «давнишний друг Блез Паскаль, овернец, сын Этьена Паскаля» [«et anclei, ami Blaise Pascal. Auvergnat, fils d'Etienne Pascal»].

¹ Паскаль Блез. Мысли. М.: Фолио, 2003. С. 199.

Различные жанры в творчестве Паскаля объединены личностью автора, прозорливого учёного, как известно, физика и математика. Его картина мира, если так можно выразиться, христоцентрична. По его мысли, жизнь истинного христианина должна строиться как жертвоприношение: основные темы его творчества кроме жертвенности — это страх смерти (подхваченный впоследствии именно у него экзистенциалистами), мораль, музыка, человеческая природа. Эти темы воплощены в разных жанрах: трактатах, письмах, полемике, притчах, максимах, философских диалогах и комментариях.

В своих выводах К.Ю. Кашлявик опирается на достижения французского паскалеведения (П. Брюнеля, Е. Бюри, П. Эрнста, Ж. Менара, Ф. Селье и др.), опуская английские и американские подходы к творчеству этого автора. Русский взгляд на Паскаля представлен именами Б.Н. Тарасова, Ю.Г. Гинзбург, А. Чистякова, В.Д. Алташиной, А.В. Голубкова, Н.Т. Пахсарьян и др. К.Ю. Кашлявик примыкает к национальной традиции подхода и освещения трудов учёного Паскаля в нашем литературоведении. В свои рассуждения она вводит такие понятия, как «диалогическая поэтика», «ядерный стиль», «прерванный текст». Если первый термин прочитывается нами в связи с «паскалевским текстом» как постоянный диалог автора, видящего себя «мыслящим тростником на ветру», со всем миром, то второй термин, «ядерный стиль», отражает предельную концентрацию его мысли. Что касается «прерванного текста», то он указывает на множество незавершённых прозаических фрагментов Паскаля, «незаконченных текстов», на произведение или мысль в становлении.

«Поэтика Блеза Паскаля» К.Ю. Кашлявик — живое исследование, глубоко объясняющее его внутренний мир, переливы его творческих состояний. В своём выражении оно не достигает афористической концентрации того, кто был предметом её исследования. Но такая задача и не ставилась. Комментарий изменяющихся подходов Блеза Паскаля к собственному тексту, рассуждения об идеях и мыслях; о личных письмах и стихах; объяснение незнакомой русскому филологу французской текстологической традиции, связанной с семейными архивами, — широкое поле пытливого филолога, внёсшего существенный вклад в изучение творчества Паскаля в России.

О.В. Тимашева

**Рецензия на монографию С.А. Герасимовой
«Учебно-дидактический текст
в педагогической коммуникации:
лингвопрагматический аспект»
(М.: МГПУ, 2015. 224 с.)**

Монография С.А. Герасимовой представляет собой комплексное исследование коммуникативного потенциала методической записки как жанра учебно-дидактического дискурса с позиций прагмалингвистики и дискурсивного анализа. В качестве объекта рассмотрения избирается методическая записка к учебному изданию в конкретной предметной области — иностранный язык, изучаемая с позиций дискурсивной лингвистики. В отличие от существующих исследований по проблеме дискурсивности данная работа не ограничивается рамками собственно лингвистического анализа текста, так как дидактический текст, в особенности текст учебного издания, — результат человеческой деятельности в определённом социальном контексте и характеризуется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

В работе впервые предпринимается попытка комплексного анализа учебно-дидактического дискурса как социолингвистического феномена, обосновывается использование термина *учебно-дидактический дискурс*, выявляются его параметры. Фактором новизны данной работы являются изучение и разработка элементов дискурсивного анализа текстов жанра *методическая записка* как компонента феноменологии сложной области книгоиздательской и педагогической деятельности.

В работе выделяется один из наиболее существенных факторов, определяющий успешность учебника, — высокая степень совместимости жанра с конкретными социокультурными ценностями образованного круга языкового сообщества. В данном случае задача автора учебной книги — помочь обучающемуся вписать в свой индивидуальный контекст новый смысловой мир, представленный в учебном издании. Автор учебного издания должен решить серьёзную коммуникативную задачу — *добиться от потенциального читателя понимания специфики предлагаемого учебника*. Для автора, предлагающего читателю своё учебное издание, особенно важным является оказание воздействия на адресата с целью информирования о методике работы с учебником. Адресная направленность методической записки как проспективного образования предполагает, что автор этого текста использует «инструментальный» компонент для обучения стратегиям работы с предлагаемым учебным изданием.

Методическая записка классифицируется в данной работе как книжный письменный текст вторично-вспомогательного характера в структуре аппарата ориентировки учебной книги и представляет собой учебно-дисциплинарное текстовое образование, которое способствует решению дидактической задачи — вербальное управление автором процессами концептуализации мира обучающихся в условиях опосредованной образовательной деятельности при овладении иностранным языком. Автор отмечает, что термин *методическая записка* наиболее адекватен дидактическому аппарату издания, чья роль состоит в ориентировании и управлении учебной деятельностью учащихся при изучении иностранного языка посредством учебной книги. В результате исследования языкового наполнения текстов автор приходит к выводу, что методическая записка имеет инвариантную стандартизированную структуру, что позволяет сопоставлять тексты методических записок по отношению к разным языкам.

Для анализа С.А. Герасимова использует тексты методических записок учебных пособий по французскому языку (как иностранному), написанные как для разных возрастных категорий (от детей 3–5 лет до студентов вузов), так и для обучающихся на разных языковых уровнях (А, В и С общего европейского стандарта) по различным профессиональным категориям. Для сравнительного анализа и демонстрации практического применения автор использует также тексты предисловий учебников и учебных пособий по английскому, немецкому, китайскому и японскому языкам, изданные в России, которые рассматривались как адресованные зарубежному потребителю (в данном случае — российскому адресату).

В работе детально изучены дискурсивные особенности методической записки, способы их речевой реализации и установлены особенности функционирования данного дискурсивного жанра в сфере обучения на материале современного учебно-дидактического дискурса как социального и лингвистического феномена. Автор предлагает и реализует комплексную модель дискурсивного анализа учебно-дидактических текстов, представленных в учебных изданиях по иностранным языкам конца XX – начала XXI вв. Изучив тексты методических записок, С.А. Герасимова выявляет их дискурсообразующие признаки коммуникативного и культурологического характера, а также особенности функционирования в сфере обучения, направленной на решение прикладных педагогических задач.

В результате основательного анализа автор приходит к выводу, что при изучении иностранного языка включение методической записки в издание носит праксеологический характер, т. е. определяет порядок действий педагога / обучающегося при работе с учебным изданием. А использование текста методической записки является своего рода «дидактическим основанием», рекомендацией для необходимых или возможных действий по эффективному освоению иностранного языка на соответствующей ступени обучения, технологией формирования рационального стиля в освоении языкового материала.

Стремление к социальной адаптации учебного издания заставляет авторов-педагогов решать вопрос валоризации предлагаемых учебных материалов, которые были бы способны удовлетворить потребности адресата изучающего / преподающего иностранный язык. Сознательное воздействие автора на потенциального адресата связано с ожиданиями учащихся, педагогов и родителей.

Для педагогического сообщества важными представляются выводы, полученные в рамках исследования. Методическая записка как дискурсивный жанр фокусирует внимание педагога на возможных учебных действиях и ориентирует аудиторию на возможный результат, что и служит стратегической составляющей коммуникативного взаимодействия автора, издателя и читателя. Данный текст служит звеном в изучении человеческого фактора в языке, поскольку диалог с пользователем учебной книги ведёт как издатель, так и автор, что выражается языковыми и паралингвистическими средствами с учётом экстралингвистических факторов. Теоретическое осмысление учебно-дидактического дискурса как институционального образования и его жанра методическая записка даёт возможность дальнейшей разработки проблемы методического аппарата учебных изданий, определяющего в значительной мере успешность учебной книги на рынке книжной продукции. Данная работа является шагом на пути дальнейших исследований дискурсивного жанра письменной педагогической коммуникации как перспективного объекта лингвистического анализа.

Е.И. Черкашина

**Рецензия на словарь Л.П. Михайловой
«Словарь экстенциальных лексических
единиц в русских говорах» (Петрозаводск:
Карельская государственная педагогическая
академия; М.: Вариант, 2013. 352 с.)**

В обширном словаре Л.П. Михайловой реализована новая и необычная концепция, в нём представлена диалектная лексика преимущественно русского происхождения, отличающаяся необычным фонетическим обликом. Такие отклоняющиеся по форме слова названы экстенциальными лексическими единицами, вслед за известным отечественным типологом Г.П. Мельниковым¹. Термин *экстенциальный* буквально значит «расширительный», но рассматриваемый словарь не следует отождествлять со словарем языкового расширения А.И. Солженицына. Цель последнего — демонстрация «глубины и широты русского языка», а не обеспечение упорядоченным материалом исследований по исторической диалектологии, как в рецензируемом лексикографическом проекте.

Естественно задать вопрос, каковы критерии необычности формального варьирования слова. Большинству филологов знакомо понятие закономерных фонетических изменений, приводивших к тем или иным инновациям, например: формы *пня* и *сна* и проч. возникли в результате утраты слабого редуцированного в основе косвенных падежей в древних словах *пнь*, *сьнь*. Подобных примеров тысячи. Они являются основой для реконструкции процессов в истории языка. Но, как убедительно показывает автор словаря, существуют и феномены малораспространённые, даже уникальные, но не менее важные для истории русского языка и его диалектов. Вероятно, нередко такие феномены обусловлены воздействием со стороны неславянских иноструктурных языков. В силу редкой встречаемости такие варианты далеко не всегда удостоиваются внимания, поэтому слабо изучены. Рецензируемый словарь доказывает, что учёт всего разнообразия нестандартных фонематических вариаций даёт весьма репрезентативную коллекцию, позволяющую по-новому оценить масштаб такого рода «странностей». Автором словаря выявлено около 5 000 лексических единиц, обладающих признаками экстенциального характера. В словарь включены сопоставительные материалы, извлечённые из большого числа диалектных словарей и позволяющие установить процесс, который привёл к преобразованию слова. Впервые этимологизируются

¹ Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. С. 47.

многие диалектизмы неясного происхождения. По свидетельству С.А. Мызникова, материал для словаря накапливался автором на протяжении многих лет, в том числе в ходе работы над составлением «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» с 1970 по 2004 год в составе редколлегии СРГК под руководством А.С. Герда.

В словаре было решено использовать алфавитно-гнездовой способ подачи материала. Приведём примеры словарных статей с варьированием в области консонантизма и вокализма:

«Сугма́н ‘полушерстяная домотканина’ Лен. Якут. <...>, ср. сукма́н ‘то же’ Лен. Олек. Якут. <...>. Мена *d – t*» (то есть звонкий согласный возникает на месте первичного глухого) (с. 288);

«Судо́к ‘рыба судак’ Звениг. Марий Эл <...>, ср. судáк. Переход *á – ó*» (то есть ударный *á* переходит в *ó*) (с. 288).

Как видим, материал подаётся в направлении от трансформированного слова к первообразному, размещённому внутри словарной статьи. Краткие формулы звуковых изменений представлены в конце словарной статьи: «Переход *ó > á*», «Протеза: *ta- > ata-*», «Утрата *t-* анлаута: *ta- > a-*» и др. Они отражают процессы в начале слова (упрощение, протеза, эпентеза, метатеза), изменения гласных (*o – a*, *e – 'a*, *o – y*) и согласных (мена звонких и глухих, твердых и мягких в обоих направлениях, лабиализация и др.), а также совокупность этих процессов. Указатель «Исходная лексика, подвергшаяся внешнему воздействию» (с. 310–349) представляет нам материал в обратной последовательности, например: «Суда́к — судо́к | Сукма́н — сугма́н» (с. 346).

Представляя этот трудный для изучения материал компактным образом, словарь позволяет сэкономить усилия по поиску параллелей и аналогий, чем чрезвычайно полезен. В силу того что многие из этих «отклонений» пока не изучены, не всегда ясно, какими именно причинами обусловлены вариации в звучании и написании слова. Например, в словаре *паркан* трактуется как вторичное: «Парка́н ‘забор, изгородь’ Зап., Пск., Смол., Свердл. <...>, ср. барка́н <...> ‘изгородь, забор из толстых досок’ <...> Пск. <...> Мена *d – t*» (с. 243). Имеется и альтернативная версия, по которой первичен вариант *паркан* (Фасмер, т. 3, с. 208). Однако не всегда однозначно определимое направление изменений не отменяет правомерности опережающей систематизации такого рода варьирования.

Кроме того, при оценке подобных раритетных явлений всегда рано или поздно возникает вопрос, а не опечатка ли это, не ошибка ли лексикографа или информанта. Так, можно подозревать замену *ó* со знаком «акута» на *y* в результате сбоя кодировок компьютера: «Судук, м. Рыба судак» (СРНГ-42: 176), ср.: «3. Судо́к, м. Рыба судак» (СРНГ-42: 172). Такой эффект трудно предусмотреть и исправить, поскольку он возникает уже в типографии.

Возможно, словарю был бы полезен еще один указатель, а именно: индекс всех формул вариативности со словами, которые их иллюстрируют, например:

á – ó (судо́к...)

d – t (сугма́н...)

Материал словаря позволяет более детально изучить частотные характеристики, географическое распространение и другие параметры нестандартного фонетического варьирования в русских диалектах. Этим и обуславливается разнообразие возможных направлений использования словаря в качестве важного вспомогательного инструмента при изучении диалектной лексикографии и словообразования, межъязыковых связей и этимологии. Концепция словаря прямо связана с современными изменениями в исторической лингвистике. Компьютерные инструменты анализа массивов данных заставляют нас чётко разделять процедуры, например, различать варианты и объяснять причины их возникновения. Вообще в современной науке общим местом является разделение операций выявления корреляций и установления причинно-следственных связей. В свете данных перспектив словарь даёт чрезвычайно богатый и удобно сгруппированный материал для дальнейшего изучения.

В.В. Шаповал

**Гуманитарные практики
в нефилологическом образовании:
информационно-аналитический обзор
материалов конференции
«Коммуникация в поликодовом
пространстве: лингвокультурологические,
дидактические, ценностные аспекты»
(Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.)**

В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого прошла международная научная конференция. Третья встреча исследователей, представлявших различные научные школы и университетские центры по междисциплинарным проблемам поликодовости, поликультурности и межъязыковой коммуникации, проходила на базе Гуманитарного института. Организация таких «непрофильных» конференций в рамках технического вуза основана на том, что гуманитарии стремятся и могут предложить гуманитарные технологии как ключевые при обеспечении конкурентоспособности вуза негуманитарного профиля. По результатам конференции вышел сборник материалов, где рассматривается семиотическая гетерогенность текста и дискурса, культурно-языковая специфика коммуникативно-речевых процессов, взаимодействие различных кодовых систем в практике преподавания иностранных языков [6].

Пленарное заседание открыл приветственным словом ректор СПбГПУ член-корр. РАН А.И. Рудской, подчеркнувший важность понятия *человекомерное пространство*, в рамках которого возможно создание качественного образовательного продукта, отвечающего вызовам современного общества знания. Во вступительном слове директора Гуманитарного института д. п. н., проф. Н.И. Алмазовой поставлен вопрос экономизации науки и образования, а также социальной реабилитации гуманитарных наук. В пленарном докладе д. филол. н., проф., засл. деятеля науки РФ Л.Н. Беляевой, посвящённом высокотехнологичной образовательной

среде в период перехода к стандартам третьего поколения, ставится вопрос о лингвистическом обеспечении системы подготовки технических переводчиков. Отмечается, что «сам перевод стал частью технологического процесса, а переводчик реально работает в высокотехнологичной среде, часто в команде (особенно в различных производственных и научных организациях, фирмах и корпорациях), привлекая лингвистические электронные ресурсы» [3: с. 5].

В докладе д. филол. н., проф. В.Е. Чернявской, посвящённом лингвистическому конструированию истории, прошлое рассматривается как ресурс идеологии и формирования политически маркированной личности. Авторитетный специалист по политическому дискурсу отмечает, что в ряде текстов, посвящённых событиям прошлого, можно наблюдать реинтерпретацию исторического прошлого, при этом может иметь место виктимизация «своих» и демонизация «чужих».

На секционном заседании на тему «Поликодовость как фактор текста и смыслопорождения» интерес вызвал доклад д. филол. н., проф. Т. П. Третьяковой, представившей концепцию переводческого маневрирования в рамках проблемы составления современного переводного политического словаря [9].

В докладе «Дискурсивные признаки речевого поведения филологов» д. филол. н., проф. Е.А. Баженова (Пермский НИУ) правомерно ставит вопрос о выделении филологического дискурса как особой разновидности профессионального общения. Анализ «живой речи» преподавателей-филологов позволяет утверждать, что среди коммуникативных качеств профессиональной личности филолога доминируют «контактность и стремление к общению; нормативность речи; влияние книжных стилей на коммуникативное поведение; стремление к контролю над своей речью и речью окружающих; аргументация своей точки зрения и др.» [2: с. 37].

На секции, посвящённой проблеме лингвокультурных кодов в коммуникативно-речевых процессах, акцентировался интерес на проблемах лингвогеографии как объекте комплексных гуманитарных исследований (к. филол. н. А.В. Дмитриев, СПбГПУ), поликодовости топонимов (Ю.А. Лоцманова, Поволжская ГСГА, Самара). Особый интерес вызвал доклад д. филол. н., проф. О.А. Сулеймановой (МГПУ) «Лингвистическое моделирование географического образа города: транслитерация имён собственных», где ставится проблема «адекватной информационной городской среды», в том числе и на иностранном языке. Подчёркивается необходимость системного привлечения лингвистов для пересмотра стандартов транслитерации и транскрипции русских названий объектов городской навигации при наличии 20 активно конкурирующих ГОСТов в данной области [7: с. 169].

Интересными, поистине прорывными были выступления на секции, посвящённой рассмотрению проблем обеспечения мультимедийности лингвообразовательного пространства и внедрения передовых практик в обучение иностранным языкам студентов языковых и неязыковых вузов. Не умолкают научные споры о процессе формирования у обучающихся компетенций, обеспечивающих успешность научной, иноязычной, межкультурной коммуникации [1], особых качеств данной компетенции, например, «резильентности» (resilience) [4],

обеспечивающей адаптацию человека к окружающему пространству, преодоление жизненных трудностей, в том числе связанных с иноязычной коммуникацией.

Среди модифицирующих инноваций, способных повысить качество и эффективность иноязычного общения, межкультурного диалога, были предложены «сетевая лекция» [5], «перевернутый класс (инвертированное обучение)» [10]. Их оценке как подлинных нововведений способствовало выступление о способах идентификации и кодификации инноваций в иноязычном образовании [8]. Традиционно большая доля внимания участников конференции была уделена информационным и телекоммуникационным технологиям, которые были представлены как средство оптимизации самостоятельной работы студентов с интернет-словарями, как элемент системы дистанционного обучения LMS Moodle. Несомненно, значимым было представление международного опыта сотрудничества по созданию учебных корпусов для целей обучения студентов технических вузов академическому письму [11].

В целом работа конференции продемонстрировала продуктивность научного общения, в ходе которого ставятся актуальные междисциплинарные проблемы и предлагаются варианты их решения. Ход и результаты конференции показывают важность поддержания российских традиций в организации научных форумов и одновременно необходимость внедрения новых форматов представления знания и организации дискуссионных площадок.

Библиографический список

Литература

1. Алмазова Н.И. Формирование компетентностной основы иноязычной научной коммуникации у аспирантов многопрофильного вуза // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 21–24.
2. Баженова Е.А. Дискурсивные признаки речевого поведения филологов // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 36–38.
3. Беляева Л.Н. Лингвистическое обеспечение высокотехнологичной образовательной среды: состав и структура // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 4–6.
4. Валиева Ф.И. Resilient groups of foreign languages teachers: components and structure analysis // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 52–54.
5. Гребенищикова А.В. Современная лекция как форма сетевого взаимодействия субъектов высшего образования // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 72–75.
6. Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты: мат-лы Междунар. научн. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. 217 с.

7. Сулейманова О.А. Лингвистическое моделирование географического образа города: транслитерация имён собственных // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 169–170.

8. Тарева Е.Г. Инновации в иноязычном образовании: проблема идентификации и кодификации // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 170–172.

9. Третьякова Т.П. Концепция переводческого маневрирования и проблема составления современного переводного политического словаря: структура // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 176–178.

10. Ярославова Е.Н. Перевернутый класс, инвертированное обучение или новые подходы к управлению самостоятельной работой в процессе иноязычной подготовки в вузе // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 209–211.

11. Gärtner T., Schroth-Wiechert S., Kogan M. A corpus-based trilingual platform for academic technical writing // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 67–68.

References

Literature

1. Almazova N.I. Formirovanie kompetentnostnoj osnovy' inoyazy'chnoj nauchnoj kommunikacii u aspirantov mnogoprofil'nogo vuza // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 21–24.

2. Bazhenova E.A. Diskursivny'e priznaki rechevogo povedeniya filologov // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 36–38.

3. Belyaeva L.N. Lingvisticheskoe obespechenie vy'sokotexnologichnoj obrazovatel'noj sredy': sostav i struktura // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 4–6.

4. Valieva F.I. Resilient groups of foreign languages teachers: components and structure analysis // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 52–54.

5. Grebenshnikova A.V. Sovremennaya lekciya kak forma setevogo vzaimodejstviya sub'ektov vy'sshego obrazovaniya // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 72–75.

6. Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty': mat-ly' Mezhdunar. nauchn. konf. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. 217 s.

7. Sulejmanova O.A. Lingvisticheskoe modelirovanie geograficheskogo obraza goroda: transliteraciya imyon sobstvenny'x // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve:

lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 169–170.

8. *Tareva E.G.* Innovacii v inoyazy'chnom obrazovanii: problema identifikacii i kodifikacii // *Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'*. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 170–172.

9. *Tret'yakova T.P.* Konceptsiya *perevodcheskogo manevrirovaniya* i problema sostavleniya sovremennogo perevodnogo politicheskogo slovary: struktura // *Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'*. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 176–178.

10. *Yaroslavova E.N.* Perevyornuty'j klass, invertirovannoe obuchenie ili novy'e podxody' k upravleniyu samostoyatel'noj rabotoj v processe inoyazy'chnoj podgotovki v vuze // *Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'*. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 209–211.

11. *Gärtner T., Schroth-Wiechert S., Kogan M.* A corpus-based trilingual platform for academic technical writing // *Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, cennostny'e aspekty'*. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 67–68.

*Л.Г. Викулова,
Е.Г. Тарева*

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2015, № 4 (20)

Агратин Андрей Евгеньевич — аспирант кафедры русской литературы Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Андропова Римма Евгеньевна — кандидат технических наук, доцент кафедры раннего изучения иностранных языков ИИЯ МГПУ.

E-mail: rimma-854@yandex.ru

Васильев Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Весманова Екатерина Владимировна — старший преподаватель кафедры русского и иностранного языков Московского государственного академического художественного института имени В.И. Сурикова; соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русского и татарского языков Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева.

E-mail: vesmanovaekaterina@gmail.com

Викулова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

Головко Вячеслав Михайлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета; действительный член Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland), член Союза российских писателей.

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Громько Цирилла-Виктория Олеговна — аспирант кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: cirimentus@gmail.com

Гусева Алла Ефимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного университета.

E-mail: angst51@rambler.ru

Дрога Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: droga84@rambler.ru

Карпова Анна Сергеевна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: velikaya123@mail.ru

Катышева Людмила Сергеевна — соискатель кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: katysheva.ludal@yandex.ru

Косцова Екатерина Михайловна — педагог-психолог ГБОУ г. Москвы СОШ № 854.

E-mail: ekostsova75@mail.ru

Малых Оксана Андреевна — магистр педагогического образования, ассистент кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: oxana_mini@mail.ru

Межина Анна Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры раннего изучения иностранных языков ИИЯ МГПУ.

E-mail: ekostsova75@mail.ru

Муратова Ольга Анатольевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков – 1 экономических факультетов ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова».

E-mail: muratovaolga@yandex.ru

Ромашина Светлана Яковлевна — доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой раннего изучения иностранных языков ИИЯ МГПУ.

E-mail: ovr44@yandex.ru

Савинич Сергей Сергеевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: s.savinich@gmail.com

Смолова Мария Анатольевна — старший преподаватель кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры французского языка и лингводидактики.

E-mail: smolovamaria@126.com

Стрельникова Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры туризма и гостиничного дела Елецкого государственного университет им. И.А. Бунина.

E-mail: marst@imail.ru, marstrel67@gmail.com

Тарева Елена Генриховна — доктор педагогических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по магистратуре, заведующая кафедрой французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Timacheva@list.ru

Черкашина Елена Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Фомина Марина Аркадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: marinafomina7@gmail.com

Шаповал Виктор Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания истории ИГН МГПУ.

E-mail: lilorol@yandex.ru

Шинкарева Надежда Юрьевна — соискатель кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: nur1942@yandex.ru

«MCU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2015, № 4 (20)

Agratin Andrey Evgenievich — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Andronova Rimma Evgenyevna — PhD (Technology), associate professor of Early Foreign Language Learning department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: rimma-854@yandex.ru

Vasilyev Sergey Anatolyevich — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Vesmanova Ekaterina Vladimirovna — senior assistant professor of Russian and Foreign Languages department, V.I. Surikov Moscow State Academic Art Institute; postgraduate of Russian and Tatar Languages department, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev.

E-mail: vesmanovaekaterina@gmail.com

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCU, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

Golovko Vyacheslav Mikhailovich — Doctor of Philology, full professor; professor of National and World Literature department, North Caucasus Federal University; actual member of Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland), member of Union of Russian writers.

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Gromyko Tsirilla-Victoria Olegovna — postgraduate of the Russian Language department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: cirimentus@gmail.com

Guseva Alla Efimovna — Doctor of Philology, professor of German Philology department, Moscow State Regional University.

E-mail: angst51@rambler.ru

Droga Marina Anatolyevna — PhD (Philology), senior assistant professor of Department of the Russian Language and Professional Speech Communication, Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University.

E-mail: droga84@rambler.ru

Karpova Anna Sergeevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: velikaya123@mail.ru

Katysheva Ludmila Sergeevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: katysheva.ludal@yandex.ru

Kostsova Ekaterina Mikhailovna — psychologist of SCSch № 854, Moscow.

E-mail: ekostsova75@mail.ru

Malykh Oksana Andreevna — Master of Pedagogy, assistant professor of the Chinese Language department, Institute of Foreign Languages, MCU; postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: oxana_mini@mail.ru

Mezhina Anna Vladimirovna — PhD (Pedagogy), associate professor of Early Foreign Language Learning department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ekostsova75@mail.ru

Muratova Olga Anatolyevna — senior assistant professor of Foreign Languages department (Division 1), faculties of Economics, Plekhanov Russian University of Economics.

E-mail: muratovaolga@yandex.ru

Romashina Svetlana Yakovlevna — Doctor of Pedagogy, full professor, head of Early Foreign Language Learning department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ovr44@yandex.ru

Savinich Sergey Sergeyevich — PhD (Philology), senior assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: s.savinich@gmail.com

Smolova Maria Anatolyevna — senior assistant professor of the Chinese Language department, Institute of Foreign Languages, MCU; postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: smolovamaria@126.com

Strelnikova Marina Anatolyevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Department of Tourism and Hotelwork, Yelets State University named after I.A. Bunin.

E-mail: marst@imail.ru, marstrel67@gmail.com

Tareva Elena Genrikhovna — Doctor of Pedagogy, full professor, assistant director of Master's degree postgraduate studies of Institute of Foreign Languages, MCU, head of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Timasheva Oksana Vladimirovna — Doctor of Philology, docent, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: Timacheva@list.ru

Cherkashina Elena Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Fomina Marina Arkadyevna — PhD (Philology), associate professor of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: marinafomina7@gmail.com

Shapoval Viktor Vasilyevich — PhD (Philology), associate professor of Department of History Teaching Methodology, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Shinkareva Nadezhda Yuryevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: nur1942@yandex.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русскому языку), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МПГУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале предлагаем обращаться к заместителю главного редактора *Викуловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 4 (20), 2015

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

М.В. Чудова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 25.11.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объём: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.